

ОГИ-проза

Александр Мильштейн

СЕРПАНТИН

СЕРПАНТИН

А. Мильштейн

РОМАН

ОГИ-проза

Дорогой Настю
для зимней стеллы
с надеждой на
и ороном на
13.12.08
Мюнхен

Сотхоскдени
Уахкени.

Александр Мильштейн

СЕРПАНТИН

РОМАН

ОГИ-проза

Москва
2008

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М17

Оформление обложки А. Неизвестновой

Мильштейн А. М.

М17 Серпантин: Роман / Александр Мильштейн. — М.: ОГИ, 2008. — 232 с. — (ОГИ-проза).

ISBN 978-5-94282-485-3

Александр Мильштейн родился в Харькове, закончил механико-математический факультет Харьковского университета. Долгое время был пленником различных НИИ с трудными названиями. В 1995 году переселился в город Мюнхен. Первый сборник рассказов — «Школа кибернетики» вышел в серии «Оригинал» в 2002 году.

«Серпантин» — экзистенциальный роман-притча о любви, встроенная в летний крымский пейзаж, читается на одном дыхании и «оставляет на языке долгий, нежный привкус экзотического плода, который вы попробовали во сне, а пробудившись, пытаетесь и не можете вспомнить его название».

УДК 821.161.-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-94282-485-3

© А. Мильштейн, 2008
© ОГИ, 2008

Оглавление

Оверлок	5
Пятки вместе, носки врозь	11
Сквозные мотивы	24
Сплошная среда	38
Детские травмы	51
Машины желания	66
Красивые жесты	72
Куриный бог	89
Жизнь и ловля кистепёрых рыб	103
Крысы прибоа	121
Крушение хрустальной башни	143
Руки по швам	161
Крестики и нолики на бесконечной плоскости	176
Рассеянный образ жизни	199
Шапито	218

Оверлок

Остановив машину, Манко подошёл к человеку, лежавшему на трассе. Он думал, что ему показалось, но, постояв минуту, понял, что так оно и есть: человек спит. Бледный — в лице ни кровинки. Но и на одежде нигде ничего, и дыхание ровное... Вельветовая рубашка цвета асфальта, чёрные брюки со «стрелками»... Всё было чистое и отупоженное — явно что не колёсами... «А может, колёса по нему не проехали?.. Нет, не мо... Он лежит на той же полосе, поперёк.. И отчего бы меня так встряхнуло?» — думал Манко, оглядывая ровную поверхность дороги... Он чувствовал, что это тот случай, когда лучше всего сразу уехать. Но вместо этого наклонился над спящим, а потом и присел возле него на корточки. Крупный вельвет рубашки с такого расстояния напоминал распаханную полосу границы... По этим бороздкам невозможно было проехать бесследно... На мгновенье Манко показалось, что он и сам спит. Было ещё только четыре часа утра, позади восемьсот километров пути. Манко пожал плечами, поднялся и перевёл взгляд на лицо, которое перед этим не успел изучить, — внимание его почти сразу было приковано к телу. Манко только успел отметить, что лицо немного бледное и что длинные светлые волосы разметались по асфальту, как по подушке... Он вдруг увидел, что человек открыл гла-

за. «Приветик», — сказал Манко. «Пошёл на хуй», — отчётливо сказал человек не то чтобы злым... Скорее, просто усталым голосом. «Ну и отпуск, — улыбнулся Манко, — первый встречный-поперечный... Посылает на хер... Что ж дальше-то будет? А?»

В ответ он ничего не услышал — произнеся единственную фразу, человек снова закрыл глаза. «Чего молчишь, лежачий? — ласково сказал Манко. — Ты что, не заметил, как я по тебе проехал? Я тебя почувствовал, а ты меня нет?» Он вдруг увидел, как «лежачий», не открывая глаза, полез в карман брюк.. Что-то блеснуло и распахнулось там — в руке, и Манко перестал думать. Он быстро наступил на руку, лежачий схватил его за ногу другой рукой и вдруг сам оказался на ногах...

Если бы он, по крайней мере, не зашипел после этого, как кот, и не стал в эту дурацкую стойку.. Манко, возможно, и не обрушился на него так, как будто это был не человек, а проросший сквозь асфальт кусок кошмара... А так, глядя сверху на кровавое месиво, Лёня теперь уже вообще не знал, что и думать... Кто это сделал? Он сам? Или хаммер? «Сам ты хаммер», — услышал он... Свой собственный голос... Поддал ногой раздавленный мобильник, наклонился и пощупал пульс... Выпустил руку и пошёл от тела, пятясь... В последний момент резко развернулся и пропустил машину.. Чёрная «тойота» пронеслась в сантиметре от его живота, но Манко показалось — прямо сквозь...

Постояв немного, держась за дверцу, он сел в свой джип, закрыл глаза и немного склонил голову.. «Надо бы съехать в кювет, — подумал Манко, — но где он теперь, тот кювет...» Нельзя сказать, что он был в полном ступоре... Он думал о чём-то... Он вспомнил, что, когда завалит лавиной, надо вырыть

рядом с собой нишу... Чтобы можно было что-то подвесить... Просто в пальцах что-то держать — ключ, брелок, нательный крестик... Любой продолговатый предмет... Чтобы увидеть... Или почувствовать — куда он свешивается... И копать в противоположном направлении... Те, кто этого не делают, в большинстве случаев роют к центру Земли... И погибают, конечно... Говорил лыжный инструктор... В Северной Осстии...

Манко нажал на педаль.

«Может, это был ангел-хранитель? — неожиданно подумал он. — Ведь если б он не встряхнул машину... Я бы вылетел на следующем повороте... Если я правда уснул на миг... Впереди его не было... А через секунду в заднем зеркале он уже был... Как будто с неба свалился... Это единственное разумное объяснение... Вот только... Я же знаю, что я не засыпал... И чего б он тогда бросался?... И меня бы тогда „тойота“ заточила... Если бы это был хранитель, и я его там и уложил... Да и в ангелов я по жизни не верю... Так что чего уж теперь, после драки...»

В окне мелькала зелень и белые таблички с названиями: Лучистое, Изобильное, Благодатное... Слева по курсу ушла в небо рассыпчатая гора Демерджи... «А что там у нас по приёмнику?» — сказал Манко и нажал на кнопку... «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнётся под нас... однажды он прогнётся под нас», — пропел знакомый с детства голос, и Лёня Манко тихо выматерился.

«Хорошо, что я раньше её слышал... Иначе бы мало не показалось...» — подумал он, выключая радио... И сразу почувствовал, как в голове заработала другая машина времени — память... В юности Лёня встречал Макаревича на юге... Правда, не в Крыму,

а на Кавказе... Но какая теперь была разница... Чтобы не думать о белой обезьяне... Или наоборот — чтобы не думать о ДТП... Манко стал думать о белой обезьяне... Которой сам же и был двадцать лет назад... Пролетая последние километры до Алушты, Манко вспоминал, как надевал белый спортивный костюм, как шёл на дискотеку... Как там переваливался среди колосающейся толпы... Как такой летний снеговик... И как вдруг увидел прямо перед собой маленького человека... С пышной «африканской» причёской... В светлых джинсах, в голубой «ковбойке»... Как подошёл к нему вплотную и хотел было обнять... Но в последний момент передумал, и ладони зависли в воздухе у самых плечиков...

Человек посмотрел снизу вверх злыми глазками... Похожий на какого-то грызуна... «Вы — Макаревич?» — спросил Манко... Человек подумал и сказал: «Да, я Макаревич. А что такое?» Манко не нашёл, что сказать, убрал руки, и Макаревич сразу же растворился в толпе.

Через день Манко ещё раз его встретил. На этот раз тот стоял в будке телефона-автомата и говорил с Москвой. Манко был с двумя новыми друзьями. Макаревич повесил трубку, вышел из будки, и тут стало видно, что он пьян... Манко поздоровался, Макаревич ответил, казалось, он узнал... Покачнувшись, спросил, можно ли разжиться сигареткой. Манко протянул ему красную пачку. «Прима!» — сказал Макаревич. «Харьковская, — уточнил Манко, — это харьковская „Прима“». «Так это же класс!» — сказал Макаревич. «Вы были в Харькове с концертом два года назад. В восьмидесятом году, помните?» — сказал Манко. Макаревич сделал затяжку, запрокинул голову к небу и звонко сказал: «Всё-таки там что-то меняется... Ребята, нас сегодня

впервые показали по ЦТ! Мне сейчас Сергей сказал... Песню „Три окна“... Вы понимаете, что это означает? Это значит, что где-то там, — Макаревич ткнул в небо огоньком „Примы“, — что-то сдвинулось... Вы увидите, теперь всё пойдёт по-другому...» Лёня Манко сказал: «Не хотите завтра пойти в ущелье? Шашлыки будем жарить. Коньяк пить. Мы вас приглашаем». «Спасибо, ребята, — сказал Макаревич, — но я здесь занимаюсь подводным плаванием. У меня жёсткий график. Я вырвался на несколько дней. Так что спасибо, но я с утра...» Так и остался в памяти, маленький, кучерявый... То в небо тыкающий огоньком, то в глубину... Манко тогда ещё вспомнил стих, который они в школе учили наизусть: «...И гад морских подводный ход...» Тем же летом он познакомился с учительницей младших классов из Саратова. Она была старше его на пять лет, но Лёне казалось, что это он старше её лет на двести... Когда она рассказала, как прошлым летом отдыхала в Гурзуфе и всё время думала только об одном: «Он мог где-то здесь входить в воду...» «Я не могу себе это представить, — пищала она, — что Александр Сергеевич прямо там лежал на гальке...» И этим — в числе прочего — постепенно вызвала у Манко какое-то омерзение... Ещё он вспомнил тогда свою встречу с Макаревичем, рассказал об этом учительнице, а та возмущилась: «Ну ты сравнил!» «Что сравнил, — проворчал Лёня, — разве ж я что-то сравнивал... Слушай, да пошла ты...» Тогда же они расстались, он вообще о ней сейчас впервые вспомнил. Уже совсем рассвело, вышло солнце, Манко хотел было ещё раз включить радио, но, вспомнив, куда Макар телят гонял... Не стал убирать палец с кнопки... Как будто не давая воздуху выйти из надувного матраса с потерявшейся затычкой...

Потом он ещё что-то вспомнил, шумно вздохнул и ударил кулаком по панели. «Что это было?! — громко сказал Манко. — Блядь, что это?!» Он оставил машину, вышел и очень внимательно осмотрел бампер и покрышки. Ничего нигде не было. Никакой крови. Высохла? Испарилась? Манко пошёл по дороге, делая руками упорные медленные взмахи. Водителям проезжавших мимо машин казалось, что он пытается взлететь. Но на самом деле Лёня делал эти движения с прямо противоположной целью — как будто шёл по дну моря и сопротивлялся силе, которая равна весу вытесненной телом воды.

Пятки вместе, носки врозь

— **С**тавить палатку не стоит. Днём, во всяком случае. Пограничники на это смотрят косо. Лучше расстелить её на гальке, а когда стемнеет и они обшарят берег лучом... Можно и поставить... Вообще-то ночи жаркие, дождей здесь почти не бывает, так что под открытым небом спать ещё и лучше...

Поделившись этой информацией, люди, похожие на одну большую семью, одновременно вскинули на спины рюкзаки да и пошли себе к трассе.

А Переверзев с Линецким расстелили палатку на освободившемся месте.

Место было удобным прежде всего потому, что люди очистили его от больших камней. Берег был весь покрыт камнями разной величины, от мелкой гальки до фрагментов скал, скатившихся по косогору во время какого-то землетрясения. «Место силы, точка сборки?» — мелькнуло в голове у Линецкого. Не потому, что он это почувствовал... Скорее, машинально отметил, что подобными обстоятельствами места здесь наверняка бы воспользовались знакомые «чайники».

Незнакомец, которого Линецкий только что встретил на автобусной остановке, судя по лицу, на котором не ночевало и тени сомнения, скорее всего, тоже был «чайником». Но когда он предложил «объединить усилия», Линецкий, сам себе удивля-

ясь, сказал «почему бы и нет». Не хотелось так сразу ехать в обратную сторону. Друзей, которые стояли в Форосе с палатками, он не нашёл, видимо, они уже уехали, а цены на жильё в Форосе кусались — Линецкий успел расспросить на эту тему старушек, торговавших на тротуаре персиками. Поэтому неожиданное предложение белобрового великана показалось довольно заманчивым. Линецкому нужны были несколько дней на морском берегу, по возможности без внешних раздражителей. Лёгкое замешательство, какое-то время сохранявшееся в его взгляде, объяснялось тем, что фигура Переверзева оказала на него слишком сильное воздействие.

Заметим, что в этом воздействии не было ничего сексуального: Линецкий был не опьянён чужим телом, а скорее наоборот — отрезвлён. Он был маленького роста, к тому же сильно сутулился... Глядя на него, хотелось сказать, что он похож на тощую ошипанную курицу. Даже понимая, что такое сравнение было бы слишком банальным — кто из двуногих на неё не похож?

Может быть, в том, что сравнение само собою напрашивалось, виновато было не только тело, но ещё и одежда. Если, конечно, это можно было назвать одеждой...

Сетчатая майка была Линецкому слишком длинна и полностью покрывала бесцветные трусы, которые, несмотря на свои красные лампасы, выглядели скорее семейными, чем спортивными. Поэтому и без того не слишком пафосные конечности Линецкого, когда они к тому же торчали из сетки, на самом деле имели сходство с ножками суповой курицы, которую несут с базара в авоське... Зато у Переверзева всё было сплошным. И белым. Шор-

ты, футболка, кроссовки, носки. Всё сплошь и рядом — белым и сплошным, разве что на футболке, которая тесно облегла могучий торс (Линецкий сначала так это и увидел — на фоне тёмной зелени кипариса как бы фрагмент античной статуи без конечностей и без головы), можно было различить след стёршейся после многократных стирок надписи. Или рисунка. Понять теперь уже было невозможно.

Линецкому было нелегко поспевать за Переверзевым, он вынужден был всё время ускорять шаг, то и дело переходя на бег.

Потом, когда они перешли с трассы на каменистый берег и камни стали увеличиваться в размерах, пришлось быстро перемещаться на четвереньках. Тогда как Переверзев нигде даже не пригнулся.

Глядя, как серо-буро-малиновый рюкзак огибает очередную скалу, Линецкий подумал, что это вообще не рюкзак, а что-то вроде реактивного ранца. Когда они пришли на место и Переверзев сказал, что у него в рюкзаке есть горелка, Линецкий снова было подумал, что там что-то реактивное...

Переверзев достал из рюкзака примус.

— Только керосина у меня нет, — сказал он. — Я голодный, не знаю, как ты. Давай сегодня приготовим на костре, а завтра где-нибудь на трассе разживёмся...

На пригорке рос можжевельник. Упрямые, очень твёрдые кусты. Линецкий не мог с ними справиться перочинным ножом и только подбирал с земли сухие крохотные щепки — каждая была со спичку величиной. Их хватало на маленькие охапки, которые можно было нести в горсти. Встретившись взглядом с Переверзевым, Линецкий развёл руками,

мол, ерунда, конечно, он и сам понимает, что толку от этих крох... Но Переверзев сказал:

— Нет-нет, это хорошо, собери таких ещё, если сможешь.

В одну из ходок на косогор Линецкий заметил, что неподалёку лежит чья-то палатка.

Она была расстелена на гальке и покрыта сверху огромным куском полиэтилена, придавленным по краям бульбжниками. Похоже было, что к ней давно никто не подходил.

Море, лежавшее чуть поодаль, выглядело примерно так же.

Как будто его тут забыли.

Ни чаек, ни буйков. Не говоря уже о пловцах или силуэтах кораблей на горизонте.

На ужин они ели гречневую кашу с тушёной. Линецкий предложил деньги за провиант, но Переверзев не взял:

— Когда кончится, тогда ты купишь.

Рюкзак Переверзева был огромных размеров, но всё равно было трудно поверить, что там умещается столько *всего*... После консервов, кульков с крупой и рулонов туалетной бумаги Переверзев достал из рюкзака аккуратный кожаный дипломат. Линецкий хотел что-то спросить, но не спросил, посчитав, что задавать лишние вопросы человеку, с которым он всего лишь час назад познакомился... Как-то неприлично.

Однако, когда из рюкзака вылезло что-то похожее на чёрное человеческое тело без головы... И упало плашмя на гальку... Линецкий всё же не выдержал.

— Что это? — тихо сказал он.

— Что ты имеешь в виду? А, это... Костюм для подводного плавания, — отвечал Переверзев, про-

должая рыться в рюкзаке. Теперь он извлекал оттуда одежду. Что-то бросал сразу, что-то осматривал или даже обнюхивал...

«Может быть, это не его рюкзак? Да нет, с чего бы... Но что он в нём так роется... Как бомж в мусорном баке...»

— А где же тогда акваланг? — спросил Линецкий.

— Акваланга нет, — сказал Переверзев, — своего то есть. Я в основном плаваю с трубкой. Но подолгу. Ночью лучше в термокостюме.

Линецкий взял в руки термокостюм, ему нужно было самому пощупать, чтобы убедиться... «Резина, — понял он, — но всё равно странно... Не тело... Но, может, это чья-то душа? Rubber Soul, you know?»

Как бы то ни было, и без того превосходя его на две головы, Переверзев продолжал расти в глазах Линецкого — теперь уже вглубь...

Он достал из рюкзака полиэтиленовый пакет с серыми отутюженными брюками от сухопутного костюма... А потом подводное ружьё. В чехле, за который зацепился полосатый галстук...

Некоторое время Линецкий пытался самостоятельно разгадать эту головоломку, а потом сказал:

— Я сдаюсь.

— В каком смысле? — удивился Переверзев.

— Ты можешь объяснить, что это значит? Если это, конечно, не служебная тайна...

— Да о чём ты?

— Такое сочетание вещей в твоём рюкзаке.

— А сейчас, — сказал Переверзев, — вот она. Заварка, я её так заложил... Сейчас, сейчас, сложу всё обратно, чайку вскипятим, я тебе всё объясню.

Объяснение в целом выглядело правдоподобно... Хотя чересчур как-то оказалось всё просто:

Переверзев сказал жене, что едет в командировку в Москву, а сам отправился в Крым. Просто потому что в отпуске этим летом он уже был — с женой... Но, вернувшись в Питер, понял, что чего-то недополучил... И всё лето показалось прожитым напрасно...

В самом начале своего монолога он сказал, что не пьёт и не курит и единственным наркотиком для него являются женщины... «Если бы он тут и поставил точку, это было бы красивое объяснение, — подумал Линецкий, — но до точки ещё очень далеко...»

Линецкий слушал теперь отчёт о праздновании дня Нептуна на нудистском пляже, с распределением ролей, с постановкой пьесы театрального деятеля и заслуженного *нудиста*, отсидевшего в советское время пятнадцать суток за нудизм... Когда Переверзев начал декламировать выученные наизусть идиотские реплики, Линецкий попробовал прервать этот поток...

— Погоди, — сказал он, — а почему ты не поехал в Коктебель? Если именно эти воспоминания стали причиной твоей «командировки»?

— Так я же там только что был. А мне сказали — аквалангисты знакомые, — что в Форосе самая прозрачная вода. Интересно было тут понырять... И с женщинами, по идее, должно быть не хуже. А если нет, тогда переметнусь в Коктебель. Поглядим... Так вот, вторая жена от меня ушла, когда мой самый близкий друг рассказал ей *всё*. При том, что она знала про любовницу и ещё всякое... — Переверзев как бы замялся.

— Что всякое? — настороженно спросил Линецкий.

— Что мы с девчонками иногда устраиваем групповые номера...

— Ну, бывает, — как бы со знанием дела сказал Линецкий, — но что же тогда она *не* знала?

— Что у меня есть другая семья. Женщина, у которой ребёнок от меня, и они там точно так же считают меня мужем, отцом... Вот этого моя жена не смогла перенести и ушла от меня...

— А зачем твой друг ей рассказал?

— Не знаю... Завидовал. Я тогда диссертацию защитил. Не смог это пережить дружбан... А может, он хотел, чтобы жена не просто ушла, а к нему. Она красивая была... Но скорее всего, просто завидовал... Ну и вот... Она ушла, я остался с любовницей... То есть любовница стала моей женой... Тут-то я и понял самое главное: никогда нельзя жениться на любовнице!..

Линецкий смотрел на пламя костра, больше не слушая откровения преподавателя института физкультуры...

Который был кандидатом наук, между прочим, и бывшим чемпионом страны по многоборью.

Линецкий уже успел узнать и то, что многоборье не одно. Что существует целое множество многоборий. А в котором из них Переверзев был чемпионом, Линецкий не успел узнать, как уже забыл. Он думал: «Многожёнство, многоборье... Более того: множество многоборий... Экое многообразие... Но самое смешное, что, в отличие от меня, сумасшедший великан защитился... И похоже, что над диссертацией намерен работать и на море...»

— Да, — сказал Переверзев, — теперь уже над докторской.

И, видимо, чтобы не быть голословным, он протянул Линецкому общую тетрадь в тёмной дерматиновой обложке. Линецкий открыл её наугад, полистал. Все страницы были испещрены... Но не от-

дельными большими буквами, как ему в первый момент показалось, а фигурками человечков...

В одной строчке помещалось пять-шесть таких фигурок...

Посмотрев на них повнимательней, Линецкий увидел, что все они совершают какие-то движения...

— В аспирантуре возникла проблема, — сказал Переверзев, — в моей диссертации должны были быть тысячи рисунков, и за это надо было заплатить художнику большие деньги. Пятьдесят копеек за каждый рисуночек. А денег у меня нет. И никогда не было.

— Ну, и?

— Я сам научился рисовать!

— Молодец.

— Да-да, все мне говорят, что мои человечки ничуть не хуже тех, что рисует Чернявский.

— А кто такой Чернявский?

— Профессиональный художник, которого мне посоветовали на кафедре.

Линецкий подумал, что великану так понравилась рисовать, что никакая это теперь не докторская «колбаса», а искусство ради искусства...

— Что я? — очнулся он, когда Переверзев неожиданно перешёл от ответов к вопросам.

— Ты чем-нибудь занимаешься?

— Что ты имеешь в виду?

— Спорт!

— Нет, я нет.

— Но зарядку хотя бы делаешь?

— Нет, никакой зарядки я не делаю.

— Это плохо.

— Как сказать... Ландау говорил, что лучше он проживёт на два года меньше, чем каждый день будет тратить двадцать минут жизни на зарядку.

— Глупость. Прости, конечно... А ты что, его ученик?

— В каком-то смысле. Я учился по его учебнику. Да, так вот, когда Ландау попал в автокатастрофу и его буквально сшили по частям, он прожил гораздо дольше, чем предсказали врачи...

Они проговорили ещё целый час, а потом Переверзев поднялся, натянул на себя термокостюм, маску, ласты и ушёл задом наперёд в темноту.

Линецкий, оставшись один, стал листать тетрадь в клеточку. Хотя самих линий уже не было видно, сетка растворилась в темноте... Только на нём самом осталась майка... Которую носил ещё дед... Такие майки-сетки были популярны в тридцатые годы... Потом она пролежала лет пятьдесят в чемодане — пока её не обнаружил Линецкий-внук.

Линецкий стянул с себя историческую авоську и надел — тоже через голову, чтобы не расстегивать пуговицы, — толстую байковую рубашку... Глаза слипались, но не потому что он хотел спать, скорее, это была соль, он немного поплавал, когда ещё было светло, с открытыми глазами.

Опустив веки, Линецкий увидел неровные белые стены сарайчика, который они с Инной снимали в Рыбачьем. Потёртый зелёный гобелен с оленьей головой... Железные спинки кроватей... Приходя с моря, они не раз заставляли в хижине кур... Видимо, в несезон она служила курятником, а они с Инной были... Эткими летними оккупантами...

Какими там, к чёрту, оккупантами, теми же курами они были, только несущими золотые яйца... Шесть долларов в день за такую развалюху...

Но Инну всё это вроде устраивало, главное для неё было двор, высокие цветы, которые она ласкала, приходя с моря... Сарайчик выглядел хлипким,

но пока что выдерживал натиск груды угля, приваленного снаружи к одной из стен. Ну какие-то трещины шли там по шпукатурке...

— А не опасно в нём находиться? Если развалится?

— Он сделан из таких лёгких материалов, что, если даже и развалится, это не причинит нам вреда. В этом смысле лучше, что он не каменный.

— Да, но уголь-то каменный, за стенкой, представь себе эту чёрную лавину, если она придёт в движение... Ладно, так неохота тратить время на поиски...

Они были женаты десять лет, но за исключением свадебного путешествия это был первый совместный отпуск. Как-то так получалось... Инну это вполне устраивало, да и Линецкого тоже... Он с самого начала стал играть в игру под названием «брак» на Иннинных условиях...

В конце концов она всегда оказывалась права, и сейчас, когда Линецкий знал, чем всё это закончилось, ему приятно было сознавать, что из десяти лет ошибочной жизни можно вычесть десять месяцев... Или на самом деле ещё больше. Потому что последние два года каждый из них жил своей жизнью, и встречались они только в постели. Будить жену Линецкому воспрещалось категорически — это считалось одним из самых тяжких грехов. Если бы он отвечал жене тем же, их совместная жизнь выглядела бы совсем странно... То есть её бы тогда вообще не было... Но Линецкий тем же самым Инне не отвечал, он позволял Инне себя будить... При этом Инна всегда была гораздо больше возбуждена, чем в те — всё более редкие — разы, когда они занимались тем же самым без внешних по отношению к Линецкому прелюдий. Возможно, что и пре-

любодеяний... Но, что бы там ни было, Инна всегда была только более страстной... И Линецкого всё это вполне устраивало... Что ему не нравилось, что на самом деле отравляло его жизнь, — это метаморфозы, которые стали происходить с женой после того, как она решила идти в ногу со временем... Вот тогда-то Линецкий и начал думать о том, чтобы уйти... Целыми днями он теперь об этом только и думал... И каждый раз осознавал, как сильно привязан... То есть на него действовали две противоположные силы... Что, как известно из механики, создаёт вращательный момент...

И даже без курса механики ясно, что от этого любой человек запросто мог свихнуться...

Накануне Линецкий почувствовал, что в игре этих сил наступила кульминация... И решил на бегство...

То есть в бегстве Линецкого от жены, если так вот спокойно разобраться, не было ничего такого уж безумно-спонтанного...

Перед тем, как уйти под воду, Переверзев предоставил Линецкому возможность рассказать о себе, и Линецкий стал говорить об Инне.

Он всё время говорил о ней... Переверзев не мог понять, почему он тогда сбежал... Но если бы Линецкий и смог это кому-то объяснить, то уж во всяком случае не Переверзеву. Не то чтобы вся эта машинерия была так сложна или уникальна... Просто в более или менее подробном объяснении непременно повторялись бы такие фразы, как «вращались в разных кругах», «люди одного круга»... А какой смысл имело употребление подобных слов в разговоре с Переверзевым? Физрук не имел отношения ни к тому кругу, в котором остался Линецкий, ни к тому, в который перескочила Инна...

Когда Линецкий сказал, что Инна всегда была категорически против того, чтобы он пошёл с ней в её компанию, физрук сделал умозаключение:

— Значит, у неё там был любовник.

— Да нет, — махнул рукой Линецкий, — дело не в том. Про любовников я, в общем-то, знал, они бывали у нас дома. Героини моих служебных романов тоже, случалось, забегали к нам на перерыв... В этом смысле мы были вполне нормальной советской семьёй... То, что Инна не хотела мне показывать, это было... Это была она сама, понимаешь? Она сама без маски, которую она с некоторых пор никогда не снимала в моём присутствии. Не веришь? Но это правда. Так вот: вчера... Странно, однако, что это было вчера, какой длинный день, да?

— День приезда или переезда... он всегда таким кажется.

— Вот, а вчера Инна впервые сняла маску в моём присутствии...

— И что?

— В результате произошло как раз то, чего она боялась. Я наконец-то понял, что это полный абсурд. Я не могу с ней жить! Это невозможно! Мы совершенно разные люди...

Переверзев подумал, что вряд ли всё это так и было. Но ничего не сказал.

Он только почесал затылок и сказал Линецкому, что тот как-то всё чрезмерно усложняет. После чего натянул термокостюм и растворился в темноте, оставив собеседника одного с затухающим костюмом и с тетрадью, которую тот машинально продолжал держать на коленях открытой...

Линецкий пытался не думать больше об Инне, но это не получалось.

До тех пор, пока его не отвлёт какой-то свет...

Он вдруг увидел в темноте непонятный просвет, что-то вроде солнечного зайчика, скользящего посреди ночи...

Пятнышко обозначило невидимую перед этим границу между двумя средами...

Оно перемещалось по этой границе, видна была темноватая рябь... Но где был источник света?

Линецкий стал искать его в чёрных прибрежных горах, потом на небе...

Интересно, что он воображал там найти, спятившую Луну? Бесшумный вертолёт?

Блик скользил по чёрной воде, менял яркость, гас на какое-то время, появлялся в другом месте...

Линецкий подумал, что это пограничники...

Но опять же, не было видно ни самого луча, ни вспышек прожектора на мысе...

Наконец до него дошло, что это подводный фонарик Переверзева.

Что он там делает так долго? — подумал Линецкий. — Ружьё не взял, вон оно лежит... Или всё-таки это не он? А что тогда? Есть многое в этом море... Например, рыбы-фонари... Но они живут на глубине от четырёх тысяч, а здесь у нас нет такой глубины... Недавно в «Science» была статья... Такая глубина соответствует расстоянию до другой галактики... Океанские глубины таят в себе не меньше тайн, чем космические... Но то океанские, а здесь в глубине вообще ничего нет... А тайны лежат у самой поверхности... Но разгадать их ещё труднее... Поди разбери, кто это там... Учитель физкультуры? Или симметрии? Рыба-фонарь? Дух над водами?

СКВОЗНЫЕ МОТИВЫ

Неприятно было каждую секунду обманывать надежды женщин и детей, мчавшихся мимо с ведрами, полными фруктов, с домашними пирожками, с тёплой, завёрнутой в целлофан картошкой... Доплер кое-что из этого набора купил на прошлой станции и теперь всё время отрицательно качал головой, упрямо продвигаясь к краю платформы. Чтобы там спрыгнуть на траву и немного размяться. Услышав, что предлагает человек в зелёной штормовке, Доплер остановился. Бородатый, высокий, не старый ещё мужчина с такой же интонацией, как бабы, кричавшие: «Кому пивка? Кому пирожков?» — выкрикивал перед собой: «Кому песню? Купите песню!» Доплер увидел, как он остановился под открытым окошком и заговорил с окликнувшей его пассажиркой.

На груди у барда висела старая белёсая гитара. «Ленинградская фабрика музыкальных инструментов. Цена семь рублей сорок копеек.. Удивительный для такой цены звук.. Впрочем, уже лет тридцать, как сняты с производства», — подумал Доплер. «Что это значит, купить песню?» — спросил пузатый пассажир в пляжных трусах с пальмами. Человек в штормовке подошёл к нему вплотную и сказал: «Это значит, что я вам спою песню, а вы мне за это заплатите». «А чё это я должен платить?» —

«Я вам объясню. Вот вы сегодня завтракали?» — «Завтракал». — «А я нет. И даже не обедал». — «Ну и чё теперь? Ужин тебе свой отдать? Так ты же не враг, я надеюсь? Проходи, старичок, шевели ножками, может, дальше кто купит... Песню!.. Чего только не придумают, просто пиздец какой-то...»

«Это как если б я снимал „Записки князя Нехлюдова“, — подумал Доплер, — не в Люцерне... Да и он не итальянец... Бывший научный сотрудник... Судя по взгляду, старший... Или **ведущий**...» Когда он подошёл, Доплер сказал: «Я куплю. Сколько стоит?» «Сколько не жалко». Доплер достал из кошелька купюру и тут вдруг заметил, что все спешно садятся в поезд. «Простите, — сказал он, — но если я буду слушать песню, я здесь останусь... Нет-нет, деньги ваши, всего доброго, до свиданья!» Доплер запрыгнул на подножку и помахал оттуда рукой. Человек в штормовке стоял с гитарой наизготовку и смотрел вслед уходящему поезду.

Доплер пошёл по вагону, остановился, расправил носком туфли завернувшуюся дорожку. Он почему-то медлил идти в купе. Мысленно он шёл ещё по платформе... Выкрикивая: «Вот вы, девушка, знаете, что женщина без прошлого — это всё равно что мужчина без будущего? Купите себе прошлое!»

Сначала он думал, что это можно сделать, просто показав ей фильмы. Не всё, но какую-то часть. Он, конечно, не надеялся, что Лена сможет всё осилить... И при первом же просмотре понял, что был прав: Лена просто уснула, положив голову к нему на плечо...

Доплер долго сидел, не шелохнувшись, смотрел на экран и думал, что все эти фильмы теперь — всё равно что его воспоминания. Или даже не воспо-

минания, а старые сны, их теперь никто не может увидеть, кроме него самого...

Лена отчаянно оправдывалась: «Я всегда засыпаю во время сеанса. Любого, даже если он мне очень нравится. Не только перед теликом, я и в кинотеатре засыпаю всегда, середину поэтому никогда не вижу, только начало и ещё иногда — конец...» Доплер смеялся и говорил: «Глупенькая, это же на самом деле ужасно старые и скучные ленты. Смотреть их только потому, что я их снимал, не стоит. Всё, что в них осталось, это разве что фон. В сущности, его я и хотел тебе показать. Сопки вокруг Тихой бухты, скалы под Новым Светом... Ты же никогда не была на море... Знаешь, сколько фильмов было снято на фоне тех скал? Больше двухсот».

— Ты?!

— Да нет, я имею в виду: всего. Моих восемь.

— Тоже не слабо... Доплер, а зачем ты говоришь, что только море и сопки? А как же актёры, не говоря уже о твоей режиссуре?

— Всё выцвело, выдохлось, испарилось. Всё. Осталось только то, что я тебе сказал... Знаешь, один японец, я сейчас забыл фамилию, делает такие снимки: ставит камеру в кинотеатре с выдержкой, равной продолжительности сеанса. Или чуть больше, потому что на негативе в процессе что-то отображается... Как будто треки элементарных частиц... Это зрители приходят, рассаживаются, экран наполняется... Догадайся, что в итоге получается? На фотографии.

— Я не знаю. Ну что?

— Пустые кресла и белый экран... Он потом ещё делал морскую серию. Тысячи фотографий морской глади...

— Но ты ведь не японец, Доплер.

— Слушай, я сейчас подумал — зачем нам смотреть на кусочки скал, обрубленные рамкой? Если мы можем увидеть их целиком?

— Что ты имеешь в виду?

— Что мы завтра едем туда, где это снималось! Я хочу всё заново увидеть — вместе с тобой.

Доплер стоял у приоткрытого окна, ветер играл с его длинными седыми прядями. За окном быстро темнело. «На самолёте иногда можно обогнать ночь», — подумал он.

Но это был поезд, и Доплер уже замечал огоньки, как-то рано вспыхнувшие, казалось, посреди голой степи... Или что-то там было перед этим, какие-то хутора... Быстро ставшие невидимками... Ещё только смеркалось, а они уже превратились в огненные многоточия...

«Приедем к морю, — думал Доплер, — и не надо больше этих слов... Ну да, первый импульс был такой, увидеть всё заново... Её глазами... Не отхлёстанными плёткой дней...»

Доплер дёрнул ручку, дверь купе отъехала.

— В одном рассказе моего знакомого писателя... — сказал Доплер прежде, чем подумать.

И понял, что снова начал говорить то, о чём только что решил больше не говорить.

— Какого писателя? — обернулась она, не дождавшись продолжения его фразы. — У тебя ведь много знакомых.

— Попова. Ты права, есть ещё один Попов... И даже не один... Да, так вот: сценариста приглашают делать игровой фильм из уже отснятого материала. Какие-то ребята, получив деньги, провели на них чуть ли не два года в Крыму или на Кавказе, снимая всё, что движется. Им там хорошо было, солнце, девки, море, ну что ещё... Пока деньги

не кончились. Или когда осталось совсем чуть-чуть. Они тогда опомнились и на это чуть-чуть наняли сценариста, в задачу которого входило из километров плёнки сделать художественный фильм.

— Убрать всё лишнее? Типа монтаж. Нет?

— Но доведённое до предела, это приобретает метафорический смысл.

— Ну, может быть.

— А мы с тобой движемся в прямо противоположном направлении!

— Я уже говорила, Доплер... Я ещё маленькая для таких взрослых затей.

— Скажи тогда уже: старческих.

— Доплер, всё хорошо. Прекрасная идея... Просто жить на воле, долой камеру... Только не надо столько об этом говорить. А то я буду думать, что ты таки да едешь снимать очередное кино, и все эти разговоры — это такой обскурантизм... Как в том анекдоте: «Вы лжёте, Хаймович, вы таки да едете в Бердичев!»

— Твои «таки»...

— Мои? Аки-паки, Доплер! По-моему, это твои... Ты же мне и рассказал этот анекдот. Ты скажи, наконец, в чём состоял твой эффект?

— Который из них? У меня их было много.

— Главный! Названный в твою честь.

— А, это... Это вообще из другой оперы. Из волновой физики. Я тут совершенно ни при чём.

— Но что это такое, ты можешь сказать?

— Повышение частоты волны... При приближении источника к наблюдателю... Или что-то в таком духе... Я уже не помню!

— И где это видно в твоих фильмах?

— А нигде. И никак не надо понимать. Просто один известный кинокритик блеснул в статье

остатками своего физического образования. Так и пошло с тех пор. Надо было бы говорить о «стиле Доплера», не правда ли? Но с его лёгкой руки все всегда говорили только об «эффekte». То есть это просто синоним стиля...

— А может, эффект всё-таки был, а ты мне не хочешь его выдавать?

— Ты сегодня какая-то подозрительная... Нет никакого эффекта... По крайней мере, в фильмах Доплера... А твоё «таки да» напомнило мне сейчас другой анекдот.

— Какой?

— Китайский. В юности он думал, что горы — это горы, реки — это реки... Потом понял, что реки — не реки и горы — не горы... А в старости понял, что реки — это таки да реки. А горы — таки да...

— Не смешно.

— ...горы. Да? Ну, допустим, что нас обманули... Или себя обманули тихоречивые старцы, завещавшие нам лишь туман для обмана... Просветлённость — всего лишь обдуманное тупоумие... Мудрость — знание мёртвых тайн, бесполезных во мраке, в который они всматривались... Поэтому говори-те не о мудрости стариков, но об их слабоумии...

— Это откуда?

— Но камеры-то нет. Камеры нет, понимаешь? Рельсы проложены, а камеры нет. Укатилась, мать её за ногу! Туды её в качель! — говоря это, Доплер подбрасывал вверх обе руки. И туг же ронял...

Лена подумала, что он ведёт себя, как старьёй расшумевшийся пеликан...

— Эх ты развеселился, Доплер... А кто тебя знает, может, она у тебя зашита кой-куда... Как у шпионов. Или как у алкоголиков — ампула?

— Так они же наоборот — пить тогда не могут!

— Я-то их знаю, Доплер, они потом всё равно пьют, ещё как... Короче, я больше не хочу это слышать. Что ты хочешь со мной забыть все свои фильмы... А может, я тебя за них и полюбила, ты об этом не подумал?

— Мне приятнее было думать, что за что-то другое... Что важнейшим из искусств для нас являлось... не кино... И потом — ты же не видела ни одного моего фильма. Когда мы познакомились, ты ни одной моей картины не видала!

— Ну и что? Может, это уже и не нужно было. Достаточно было увидеть тебя... Может, ты весь из них состоишь... Ты весь уже из целлюлита, Доплер.

— Ну спасибо тебе, моя радость, моё солнышко!

— Я не то хотела сказать. Ты что, обиделся? Я оговорилась, из целлулоида... Ну где у тебя целлюлит, Доплер, ты что? Это у баб...

— Я потому и обиделся. Я, по-моему, ещё вполне... Гуттаперчевый мальчик

Доплер вдруг взял свою левую ногу, медленно завёл её себе за голову и положил на шею.

— Доплер, ты в своём амплу!

— Что ты хочешь сказать?

— Не знаю. Так моя бабушка говорила: «Он в своём амплу».

— А не «в своём репертуаре»?

— Может, и так... Ты прав — в репертуаре.

— Или тогда уже: «Это его амплу»... Но с чего это она обо мне так говорила?

— Ты что, с ума сошёл, Доплер? Не о тебе, конечно, она же тебя не знает.

Огни, мелькавшие раньше где-то вдаль, теперь приблизились к поезду и оказались пылающими скирдами, которые горели длинными цепочками, уходящими назад, в глубину ночи... Доплеру каза-

лось, что они образуют гигантские буквы... Что поезд подлетает к чёрной планете... Где их встречают огненными словами... Но он уже не может их прочесть... Слишком близко подлетел... «И чертят знаки огневые...» — вспоминал Доплер...

— Лен, я хотел тебя спросить.

— Спрашивайте — отвечаем.

— У тебя был родственник-математик?

— Да нет. Что-то я такого не припомню.

— Когда я учился в институте, был такой учебник. Хотя на самом деле это был не учебник...

— А что это было?

— Это был решебник, Лен. Да-да. Был знаменитый задачник Демидовича, а профессор Ляшко, — может быть, он к тому же был академиком, я не помню, перерешал все задачи этого задачника и выпустил под своей редакцией сборник решений. По принципу: после нас хоть трава не расти...

— Почему это?

— Потому что на задачнике Демидовича выросло не одно поколение студентов. А когда появился решебник... Каждый получил возможность взять и списать оттуда решение. То есть задачи теперь были не задачи... — Доплер, казалось, ещё что-то вспомнил и умолк.

— Доплер, ау! What's your point?

— И вот ещё какая была незадача... Вскоре после появления учебника Ляшко Демидович умер.

Лена сидела молча, ожидая, что Доплер ещё что-то скажет.

— Доплер, и ты всё время думал, что это был мой родственник?

— Да нет, я всего один раз об этом подумал...

— И не сказал?

— Тебя в тот момент дома не было.

— И ты поэтому начал звать меня по фамилии? Я как знала, когда с самого начала этому препятствовала!

— Ты ведь зовёшь меня Доплером. Почему тебе можно, а мне нет?

— Это же у тебя не фамилия, а псевдоним...

— Псевдонимб...

— Вернёмся к моей фамилии. В чём всё-таки была мораль этого флэшбэка?

— Разве непонятно? Благодаря первому Ляшко я не стал учёным. Даже инженером не стал. Начал прогуливать лекции, скатывать решения из антизадачника... Я перестал думать, Лен. И так скатывался — всё дальше, всё глубже... Бросил Инфиз, попал в армию... До этого я носил мамину фамилию... Я был Белопольским, ты знаешь... А эффект, всемирно известный как эффект Доплера, в Союзе называли «эффектом Белопольского». Ну, как Попов вместо Маркони... Не все так называли, но в армии... Во всяком случае, в той части, где я служил.

— Говорил.

— Ну вот. А теперь благодаря ещё одному Ляшко... Точнее одной... Короче говоря, с твоей помощью, Лен, я избавлюсь и от синематографа. Который, по правде говоря, мне так же осточертел, как некогда физика металла и математический анализ...

— Я твоя антимуза... Да, Доплер?

— Не знаю. Может быть. Это ты хорошо сказала...

— Доплер, это не выход! Из-за какой-то идиотской статьи...

— Тсс! Тихо! Перестань сейчас же! При чём тут статьи!

«А это из какого фильма?» — думал он, овладевая спящей... Или делавшей вид, что спит... При этом

она была совсем голой и податливой... Люди-куклы... Теперь она уже, конечно, проснулась... Впилась ногтями в его спину... Откуда эта фраза: «Замри, и пусть всё делает поезд»? Доплер пытается это вспомнить с того момента, как у него встал... Или точнее, когда он понял, что это не просто эрекция... А что он не сможет уснуть... Такое бывало в молодости... Но сейчас?.. Лёжа без сна, с деревянным членом, Доплер подумал, что это вызвано движениями поезда... Постоянная незаметная вибрация... Вот и затвердел без причины... Как море у берега... Вместе с волнами... Крайняя твердь... Доплер когда-то открыл это явление... В пубертатный период... Ещё до первых опытов... Да и потом... Не всегда же можно было заниматься мастурбацией... Он вообще в юности ею не увлекался... Прочёл в брошюрке, одобренной Минздравом СССР... Которую стыдливо подсунул ему отец... Что «онанизм беден чувствами»... И как-то сразу поверил... А поезд ведь не доводил работу до конца... А потом это вообще прошло... В зрелом возрасте Доплер наоборот... Хорошо спал в поездах... Что ж такое теперь? Лена? Но с Леной они не первый месяц... И последний раз занимались этим не далее как сегодня... В фильме (в каком, Доплер не мог вспомнить) имелось в виду, конечно, не это... Но то, что там конкретно имелось в виду, Доплер не делал... Он не замирал, предоставляя поезду совершать всю работу... Потому что меньше всего ему хотелось повторять чьи-то сценарии... Неважно, свои или чужие... Наоборот, он совершал всё более сильные толчки... Поскольку это уже было сегодня... Теперь это продолжалось бесконечно... Всё сильнее... Как будто продолжал её будить... Повышение частоты... При отклонении от курса... Глупо будет, если как раз в этот момент... А поезд будет продол-

жать мною двигать... И вместо сердца... Нет, мудрый не думает, что неподвластен круговороту вещей... Мудрый *не отличает себя* от круговорота вещей...

— Доплер, ты кончил в меня! Я же просила...

— С чего ты взяла? Вот же, вот.

— Ты уверен?

— Уверен. Я старый выскочка, — говорит Доплер, чувствуя страшное сердцебиение.

— А даже если *бы?* — говорит он с придыханием.

— Нет. Я не хочу, чтобы он не знал, где его сшили.

— Чего-чего?

— Я не хочу, чтобы в ответ на этот вопрос я могла ему только сказать, что где-то между Джанкоем и... Неизвестно чем.

— Что за образы у тебя... Лен, что это такое? И почему это так важно, где...

— Долго объяснять.

— Это у тебя от занятий астрологией?

— Я хочу спать, Доплер. Я уже спала, ты меня разбудил.

«Ни в чём никогда нельзя быть уверенным, а уж тем более в этом, — думает он. — Можно ли быть уверенным, что это был я? А не поезд совершал всю работу? Доплер щупает пульс... Он и раньше хотел это сделать, но ладони были прижаты к матрасу её ягодицами, которые, в свою очередь, были прижаты его бёдрами... Он шарит на столике в поиске таблеток. Он не надеется уснуть этой ночью... Но как-то так.. «Навпаки», как говорят хохлы... Проснувшись, Лена чувствует, что он ещё в ней... Она зажигает ночник и вынимает из себя матрёшку... Кричит и рвёт на себя дверь купе... Но ручку клинит... Лена кричит и дёргает дверь, её никто не слышит... Да и нет ничего... Кроме купе... Вкупе с ничем...

Оно сколачивается... Каждые три секунды... И распадается... Как карточный домик... И его снова сбивают... Слышно, как стучат молотки... На столике качается из стороны в сторону маленький твёрдый Доплер... И не может уснуть... Лена дёргает ручку... Как стоп-кран... Поезд при этом не останавливается... Но что-то происходит... При каждом рывке появляется ещё одно купе... В котором ещё одна Лена дёргает ручку... Веер скорых поездов, идущих во всех направлениях... Просто Дзига Вертов какой-то... Ну, там, или Роза Ветрофф... Из белого домика выходит человек в штормовке... Ленинградская фабрика звуков... Вокруг горят скирды, пахнет осенью... Человек берётся обеими руками за рычаг... И снова несёмся сквозь ночь... Огни станций, на которых поезд не останавливается... Забегают в купе... Одна нога здесь — другая там... Как демоны глухонемые... И чертят знаки огневые... Нельзя всю жизнь выезжать на боковом освещении... К тому же она в нём выглядит старухой... Это не её скулы... То, что из неё лепят эти огни, это же просто ужас какой-то... «Ты в этом освещении — вылитая смерть, Лен». — «Да? А откуда ты знаешь, как она выглядит? Ты изменял мне с ней, Доплер?» — «Послушай, тот человек переставил стрелку, и теперь мы...» — «Что? Что теперь — мы?» «Мы теперь в песне... Которую я купил...» — «Я ничего не понимаю, в какой песне, ты что?» — «Словно степной пожар, песен костры горят...» — «Доплер, ты бредишь...» — «Всю работу совершает поезд... Не надо дёргать ручку... Ты не замечаешь, что, когда ты так кричишь и рвёшь на себя ручку...» — «Доплер, это ты кричишь!» — «...ты рвёшь кадр. Я не люблю, когда их надо клеить, я люблю длинные проезды камеры, по возможности более дли-и-и...»

— Я кричал?

Дневной свет. В проёме отъехавшей двери видна проводница.

— Мы подъезжаем, — говорит Лена, — может быть, ты и кричал, но я ничего не слышала. Я спала как убитая. Сейчас ты что-то урчал, но я не поняла ничего, пока тебя тормозила... Ой, смотри в окно! Море! Море! Доплер!

Доплер всё равно не способен разделить с ней эту радость. Поэтому он не поворачивается к окну и вообще закрывает глаза.

— А что это за очередь? Вон там, видишь? Я давно не видела таких длинных очередей!

— Это выставка земноводных.

— Нет, это люди, Доплер, посмотри.

— Ящеры, змеи, крокодилы, черепахи с красными ушами, палочник-страшилка... Правда, он не совсем земноводное. Скорее, насекомое... Когда я в последний раз был в Крыму, здесь было только два вида развлечений. Выставка гадов и передвижной музей восковых фигур... При этом большинство фигур изображало тех ещё гадов...

— А почему ты решил, что это не восковые фигуры?

— Ты сама сказала, что там люди. Я же не смотрю в окно. То есть я смотрю туда твоими глазами...

— Доплер, прекрати. Там, внутри здания!

— Ну, потому что в Феодосии была как раз такая выставка... Но это было сто лет назад. Может быть, теперь там другое, — говорит Доплер.

Он чувствует что-то вроде перегрузки, снова закрывает глаза и видит, что поезд по спирали поднимается в гору... Чёрные камни, снег... Где-то он это видел глазами... В Швейцарии? Или в Австрии? Он не может вспомнить.

— Мы не будем становиться в эту очередь, ладно?

— Конечно, не будем.

— А если это очередь на пляж? Может такое быть? Пляжи-то платные?

— Лен, успокойся. Говорю тебе: ящерицы, змеи, у меня один приятель сам занимался этой халтурой... Разводил их дома у себя, летом вывозил на Юг... Может, это он там и сидит до сих пор со своими питомцами.

— Но мы не будем туда идти?

— Ну конечно, не будем. Делать нам больше нечего!

— А с другой стороны, интересно, знаешь... Доплер, я уже давно не видела таких очередей...

Сплошная среда

Линецкий подумал, что Переверзев может провести в море всю ночь, и поэтому о ночлеге на суше нужно заботиться самому.

Он был не бог весть какой палаточник, всё это для него было не так легко, колышки, верёвочки... Особенно ночью.

Темнота, впрочем, была теперь неполной. На пригорке включился фонарь.

Рядом с фонарём была трансформаторная будка, и теперь, когда все дневные звуки утихли, слышалось громкое жужжание.

От распределителя провода шли куда-то вправо, в сторону мыса, за которым, по идее, должна была находиться старая правительственная резиденция.

Где во время пугча был вроде бы как заперт Михаил Горбачёв.

Линецкий, используя в качестве молотка бульбжник, попытался вогнать в гальку колышек, но дождь перестал моросить, и он решил спать под открытым небом.

Было тепло, капли слепого дождя мгновенно высохли. Вокруг снова лежали сухие круглые валуны, посыпанные тальком, как попки младенцев...

— Спишь? — тихо спросил Переверзев.

— Нет, — сказал Линецкий, и Переверзев зажёл фонарик.

— Вода что-то не очень, — вздохнул он, — я думал, она здесь будет чище.

Через минуту метафизкультурник уже дрыхнул.

А Линецкий не мог никак выключить звук, доносившийся из трансформаторной будки. Вроде бы пейзаж был лишён всех признаков цивилизации — при свете это напоминало панораму в музее природы, «Мир за миллиард лет до нашей эры» или что-то в этом роде... Море, глыбы, можжевеловник... Ну при чём тут этот зуммер? Или — о чём?

О ком и о чём...

Линецкий думал было встать и пойти по берегу, потащить за собой спальник.. Пойти — это, конечно, не получится, по этим глыбам надо будет пробираться осторожно, кое-где на четвереньках... Чтобы не упасть и не ударить мозжечок...

Лень вставать, вот если бы как-то так перекачаться... Примоститься где-нибудь там на плоском камне, подальше от этой огромной жужелицы...

Но он понимал, что причина бессонницы не столько в трансформаторе... В конце концов, трансформатор гудел не громче, чем старый холодильник в его квартире. Но напоминал что-то совсем другое... Линецкий вдруг вспомнил похороны школьного приятеля, который не так давно покончил с собой... Глебова хоронили на далёком новом кладбище, которое выглядело как чистое поле. Но почему-то прямо над свежерытой могилой нависали высоковольтные провода. И слышно было громкое жужжание. Непонятно было, почему могила должна была быть вырыта прямо под этими проводами, когда вокруг столько свободного места. Как будто Глебова хоронили в облаке электронного смога.

Электричество всегда представлялось Линецкому настолько таинственным, что поневоле прихо-

дили в голову мысли... Хотя мыслями их нельзя было бы назвать... Просто в памяти всплывали фразы, которые проникали в разговорную речь, когда они были одноклассниками... «Мертві бджоли не гудуть і не потіють...» Или анекдоты типа: «Что нужно делать в случае ядерной войны?» — «Спокойно прерватиться в пучок быстрых электронов и атаковать противника».

При жизни Глебов выращивал кристаллы в научно-исследовательском институте.

Фианиты или что-то в этом роде... Алмаз и пепел... День чудесный...

Странно было думать об алмазах, глядя на безжизненное тело Глебова, которое к моменту похорон уже наполовину разложилось.

Кто-то в своей речи повторял вехи его жизненного пути: школа, университет, *защита* на кафедре физики *твёрдого тела*...

Последние годы они редко виделись, но когда-то были близкими друзьями, даже после школы... Ссорились последний раз в пятом классе. Глебов начал чем-то возмущаться, Линецкий сказал ему: «*Не vznikай!*» Все слова теперь имели другой смысл... Трансформатор больше не гудел, кто-то листал тетрадь с рисунками, изображающими машущих руками и ногами человечков. Белобрысые и белозубые, как гимнасты на параде тридцатых годов... Линецкий снова попытался вогнуть в гальку колышек, но валун, которым он ударил по металлу, раскололся, по руке потекла жидкость, вызвавшая омерзение. Это был белок... Вокруг — это была не галька, а яйца каких-то существ... В лучшем случае, страусов... В худшем — динозавров... Хотя кто знает, что лучше... У страусов яйца высиживает самец... То есть всё, что было

дальше, зависело от того, чьи яйца... Но этого, как и многого другого, Линецкий не смог вспомнить... Был ли это сон во сне, или он на самом деле просыпался, а потом засыпал... Под утро ему приснился сон, в котором было что-то вроде «однополого секса». Или просто полового — несмотря на то что секс был оральным, у партнёра не было лица...

Но был, очевидно, рот... «Птеродактили, педерасты, абстарактисты...» — бормотал Линецкий, не в силах всё вспомнить... Сны разом засветились на солнце, как фотоплёнка...

На миг на сетчатке проступил «Крик» Мунка... И всё рассеялось... Но ещё не совсем проснулся... Куда-то просунул голову, невозможно понять, с какой она теперь стороны... «К примеру, вот эти самки... Кажется, что они наяву... А, вот чья палатка лежала под целлофаном, — продирая глаз, думал Линецкий, — а вон и камрад замер, потянувшись... Статуя „Бронзовый век“, Эрмитаж... Нет-нет, наш физрук крепче Давида... Давид по сравнению с ним жалкий задохлик... Голиаф... А что пенис? А пенис — как у греческой статуи... Но он не стесняется... Может быть, даже специально не прикрывает, чтобы побороть комплексы... Ландау ходил с яблоком на шляпе... Но при чём тут Ландау? Потому что Давидович? Или всё дело в шляпе? Которая предохраняла Дау... От падения яблока на голову... И умер Ньютон в Ландау галантном... Правда, в оригинале — Коперник... А шляпа в теории сновидений означала женские гениталии... Но это было в теории... А на практике я уже проснулся... И нет ни шляп, ни гениталий... То есть гениталии у них, может, и есть, и может быть, даже женские...

Да, это самки... Грузные... Хотя и не толстые... Ширококостные... Рококо... Безгрудые... Дебелые девки... Жарко-то как.. А я ещё в этой рубашке...»

Он стянул с себя потные джинсы и байковую рубашку.

«Я, наверно, родился в байке...» — пропел вслух... Оставшись в одних плавках, он почувствовал приятный ветерок, как будто теперь только подувший с моря...

— Кто это там? — спросил Линецкий у Переверзева.

— Крайне неприветливые... Текстильщицы.

— Почему текстильщицы?

— А есть два типа людей: нудисты и текстильщицы.

— Что за идиотизм, — пробурчал Линецкий и упал в море.

А вечером он подумал, что определение им подходит.

Под расстеленной палаткой у них там был целый гардероб...

То есть это были те ещё текстильщицы...

Они не боялись всё это оставлять и не просили за всем этим приглядывать в своё отсутствие.

Впрочем, ясно, что Переверзев пошёл к ним просить о присмотре за вещами, только чтобы познакомиться. Он ведь никуда не отходил от моря дальше чем на сто метров.

Правда, от суши отплывал чёрт знает куда, в нейтральные воды.

Переверзев предложил им салат из рапанов, помидоров и лука. Но они отказались и от салата, и от всех бесплатных приложений, вроде совместных заплывов и ночных ныряний... Они сами по себе

заплывали в нейтральные воды... Но вот именно — сами по себе...

И по суше они ходили тоже, хоть и рядом со всем, но по какой-то такой своей нейтральной территории...

Днём они загорали topless или спали в тени огромной глыбы. Втроём, в обнимку.

Когда солнце садилось, одна из них умелыми движениями профессиональной фокусницы извлекала из плоского склада вечерние платья с перьями, туфли на шпильках, бижутерию, косметику... Они красили друг дружку и шли гуськом в сторону посёлка. Туфельки при этом держали в руках... Перепрыгивали с камня на камень босиком, обувались только на трассе. На вопросы отвечали угрюмо и односложно... Вскоре их уже никто ни о чём и не спрашивал. Линецкому ни одна не нравилась, во всяком случае в их дневном обличьи. Эти плечи... Может, пловчихи? Скорее всего, местные... Все три очень похожи... То ли сёстры, то ли так они вместе поистерлись об эти камни... «Солнце, воздух и вода... — бормотал Линецкий, — не говоря про лучших друзей... Лучших, чем мы с физруком... Но нам не очень-то и хотелось... Или, точнее, мне... Для физрука внешность женщины вообще ведь не играет никакой роли. По крайней мере, он это декларировал... Так что его бы вполне устроила одна, — говорил себе Линецкий, переводя взгляд с коричневой спины туземки на менее тёмную спину Переверзева, — или даже все три... Если правда хотя бы половина из того, что он мне наговорил... Да нет, широкой души человек, чего уж там... Широчайшей. Впрочем, это опять же мышца... А у него душа везде переходит в мышцу... А у меня мышцы нет, и душа ушла в лятку... Или её вообще не было... Как

писал Уайльд... О душе и о теле говорят только те, у кого нет ни тела, ни души...»

Осознав корыстную сущность туземок, Переверзев перестал их замечать. Даже когда они проходили совсем близко. Линецкий, в отличие от него, продолжал поглядывать на них, скорее всего — машинально...

Ещё, может быть, потому, что коричневые тела этих самок придавали ландшафту дополнительную дикость, — Линецкому это нравилось.

Вечером он впервые пошёл в посёлок.

Людей там было мало. Несравнимо меньше, чем в Рыбачьем, где он оставил жену.

От нечего делать Линецкий заглянул в каменный дом, на котором была вывеска: «Казино».

Рулетка была неподвижна, вокруг неё сидели всё те же три дикарки...

И больше никого в зале не было.

Муляж, макияж, Мулен Руж... Но без ветра: мельница стоит, духота...

Откуда-то из глубины зала появился парень в камуфляже и спросил у Линецкого, чего он желает. Линецкий сказал, что ничего, просто посмотреть, и парень тогда сказал: «Это ж не музей».

Он походил по аллеям, нашёл переговорный пункт, поменял деньги на жетоны.

Покругил диск и нажал на кнопку.

«Представляешь, я расстался с Инной, — сказал Линецкий, — осознал весь абсурд... Сижу один в Форосе. Ну, с каким-то фриком из Питера. Он подвоник, а я умираю от тоски. Ты не хочешь приехать?» «По-моему, — сказала Оксана, — ты меня за кого-то не того принимаешь. Передавай привет своей Инне». «Говорю тебе, я с ней расстался...» «Пока, пока, мне некогда», — сказала Оксана и повесила трубку.

Похоже, что последняя встреча была действительно последней.

Впрочем, их было уже так много, этих последних встреч...

А потом, встретившись в каких-то гостях, они вдруг вместе выходили из квартиры, ехали на лифте вниз.

Или на последний этаж, как в последний раз... Люк оказался открытым, они вышли на крышу... А там эти битумные покрытия... У Оксаны потом были чёрные ладони, да и у него...

У неё к тому же платье было выше колен, и все колени после этого тоже были чёрные...

И на платье — мазугный след... Но это от провода, на который она его вешала...

Линецкий вспомнил ровную чёрную наклонную линию, перечеркнувшую платье, и подумал, что глупо было ей отсюда звонить. Может быть, они ещё когда-нибудь так же случайно попадут на крышу... Через запасной выход... Остальное давным-давно перечёркнуто.

Лет пять назад Оксана спросила его, почему он не хочет развестись с Инной. Если они такие «разные люди»?

Очень осторожно спросила, спокойно... Так, между прочим, как будто ей это всё равно...

«Нет, мне просто интересно, — сказала Оксана, — ты всё время говоришь, что вы разные люди, но при этом...» И Линецкий, как идиот, стал размышлять вслух на крайне щекотливые темы... брачной метафизики.

То есть о том, что существует на самом деле только одна женщина... И один мужчина...

Пока не заметил вдруг, что Оксана переменялась в лице.

— Так какие же вы тогда разные люди, Линецкий? — сказала она с нескрываемым презрением, — вы абсолютно одинаковые... Брось... Разные люди! Была харьковская группа с таким названием, я её любила... А потом она знаешь как стала называться? «ГПД», то есть «Группа продлённого дня!» И вот это гораздо больше подходит для тебя с твоей Инной. Для вашего замечательного дуэта... Если бы ты знал, как мне уже осточертели эти ваши песни... Ну всё, мне пора. Не звони мне!

Короче, глупо было звонить отсюда Оксане... Просто глупо, и всё...

Но что ему было делать? Форос казался каким-то заколдованным. Горы не пропускали сюда не только облака... Время тоже здесь было непросточным... Они приехали в среду... Линецкий не только не помнил, какой теперь день недели... У него было такое чувство, что среда оказалась сплошной...

Наверно, чтобы хоть как-то во всём этом разобраться, он вспомнил определение из университетского курса механики сплошных сред...

И определение, таким образом, перешло в его теперешний дис-курс...

В его тотальную дис-квалификацию...

Неизвестно, что теперь имелось в виду под «средой», день недели или его омоним, но definition теперь выглядело так: «Для каждой картины можно найти наименьшую площадь фрагмента, отдельное рассмотрение которого ещё позволяет определить, чьей кисти принадлежит эта картина. Если в какой-либо среде можно выделить такой фрагмент, который обладает всеми её свойствами, и при этом вся среда состоит из таких фрагментов, то это — сплошная среда».

Линецкий, щурясь, вглядывался в окружающий ландшафт...

Чёрт его знает, чьей он был кисти... Скорее всего, не одной.. Разные слои краски.. Штабеля тонких коричневых пластин в трансформаторе.. Одна на другой, одна на другой.. Их или не их.. Дребезжание расслаивало воздух.. Дрожащее марево висело над раскалённой галькой.. Море, прикрытое целлофаном.. Как-то не бросалось в глаза.. И хотя день сменял ночь.. Казалось, что и тут происходят накладки.. Днём высоко в горах блестела золотая точка.. Купол церквушки, стоявшей на краю пропасти.. Старушка, у которой он покупал персики, сказала, что церковь была отреставрирована по инициативе Раисы Максимовны Горбачёвой.. А ночью по поверхности моря гулял солнечный зайчик.. Который отбрасывал купол церквушки.. Так Линецкий подумал в первый раз, когда это увидел.. Да и потом, когда заснул на солнце, выпив предварительно полбанки домашнего вина.. А проснулся, когда было темно.. И, увидев светлое пятнышко, гулявшее по чёрной воде, он подумал..

И не только в тот раз.. Физрук по ночам проводил столько времени в море, что Линецкий, глядя на скользившее светлое пятнышко, иногда забывал, что это...

Или если вспоминал, то начинал тогда уже верить в правоту профессора Мулдашева.. В его гипотезу о существовании водного бестелесного человека..

Линецкий прочёл об этом в газете «Аргументы и факты»...

В страницы которой Переверзев завернул маслянистые банки тушёнки..

«При анализе настенных росписей можно понять, что гиганты подносили к вычлененным ча-

стям тела (голове, рукам и т. п.) водную прану, переписывали всю водную информацию и переносили эту информацию в сосуд с водой, имитирующий эту часть тела. Далее они соединяли все макеты водно, копируя человеческое тело, и переводили жидкую воду внутри них в воду четвёртого состояния... После этого, как я думаю, удаляли макеты и получали вязкое колыхающееся целое водное человеческое тело...»

«Такое вливать может только *чайник*», — сказал Линецкий Переверзеву, прочитав статью.

Но ночью... Глядя на блуждающий светлый кружок, он подумал: «А может, правда, такие телеги — лучший способ передвижения... Под-воды... Из Мариуполя в Марианскую... Оп-ля... А там стаи этих... Рыб-фонарей... Или нет, они не плавают косяками... Они как наш физорг... Хотя физорг не рыба-фонарь... Рыбы используют свет вовсе не для того, чтобы что-то найти... А чтоб внезапно разлившимся сиянием ослепить нападающего... Ну или сбить с толку... А кто там на них нападает? Разве что человек... Водный и бестелесный...

Нет, нет, там есть рыбы-светляки, которые охотятся при помощи фонарика... Он у них на таком хоботке... Но они живут на два километра глубже, и это как-то всё не стыкуется...

Раз он охотится с фонариком, то он как раз и есть... Не рыба-фонарь, а рыба-рыбак... Нет, он человек, он... Своим фонарём он ведь тоже сбивает с толку... Меня, например... Он — человек, который был Средой... Но боялся стать Четвергом... И поэтому сразу стал Пятницей...» — где-то на этом месте цепь глубочайших прозрений прервалась, и пьяный Линецкий, почувствовавший себя наконец сто процентным Робинзоном, вновь провалился в сон...

Проснулся он, когда уже вовсю светило солнце. Плавать Линецкий не любил, но из-за жары вынужден был большую часть дня проводить в воде. На суше камни превращались в сплошную жаровню. Поэтому он сидел или лежал на подводных камнях, у самого берега, ничком, опираясь на предплечья, периодически отползая немного вглубь, как бы натягивая покрывало морской глади себе на голову...

Там он замирал на какое-то время, озираясь по сторонам... Его вполне устраивал такой коэффициент преломления... Маску он надел всего один раз... И увидел, что подводный ландшафт — точная копия наземного... Только в миниатюре. Камни, покрытые зелёными водорослями, повторяли отроги Яйлы... Там были и маленькие рожки Ай-Петри, и копия Байдарских ворот... Линецкий воспринял это как подтверждение старой максимы о микро- и макрокосмах... Что сверху, то внизу... Что слева, то справа...

Вывод: куда ж ты денешься с подводной лодки?

Линецкий поэтому не видел смысла идти в подводники...

Выйдя на берег, он что-то вдруг вспомнил, полез в рюкзак и достал оттуда «мельницу».

Решил добить плёнку, на которую начал снимать в Рыбачьем: Инна на фоне волны, Инна за столиком кафе...

Теперь же, вспомнив совет знакомого фотографа — как делать панораму, Линецкий щёлкал, поворачивал фотоаппарат и снова щёлкал...

«Сколь же радостней прекрасное вне тела...»

После того как Линецкий проделал это два раза, снимать больше было вроде как и нечего...

Забегая немного вперёд, скажем, что в итоге разницы между «семейной» и «холостой» полови-

нами плёнки не оказалось даже малейшей. Плёнка была с самого начала неправильно заправлена (это выяснилось, когда Линецкий в Феодосии отдал её на проявку), и всё это время, вместо того чтобы переползть на валик другой катушки, она крутилась вхолостую вокруг собственной оси...

В Форосе Линецкий этого ещё не знал, но что-то смутно предчувствовал... И по тому, как пейзаж брал его в оборот (он ещё раз позвонил Оксане и сказал что-то совсем уже идиотское... «В результате сенсорного голодания я здесь стал вегетировать...» — после этих слов Оксана в очередной раз повесила трубку). И потом, когда они с Переверзевым наконец-то решили уехать... То, глянув на рюкзак, лежавший на гальке, прежде чем взвалить его на плечи, Линецкий подумал, что этих нескольких дней... Вот именно — не было... Что они с физруком только что познакомились на автобусной остановке, подошли к морю и поехали обратно...

Он ещё вспомнил фразу, которую слышал ребёнком, когда отдыхал на юге с родителями. Только тогда эти слова имели совсем другой смысл и прозвучали при денежных расчётах за снятую комнату... А теперь, хоть и комнаты никакой не было, слова, тем не менее, показались ему настолько уместными, что он произнёс их вслух.

— День приезда и день отъезда у нас считаются за один день, — сказал Линецкий.

Переверзев молча кивнул, и они пошли к трассе.

Детские травмы

В прошлый раз он заехал на джипе прямо на пляж. Чуть ли не в самую воду. Было приятно прямо из машины вывалиться в волну, но потом тяжело было выбираться. Галька, крутой наклон, колёса буксовали, пришлось попросить палаточников, чтобы подтолкнули. Манко протянул им после этого десять баксов, но те не взяли. «И то верно, — подумал Манко, — зачем при такой жизни бабки? Хотя ещё лучше вообще не жить, чем так отдыхать...» Он поглядывал из окна джипа на жену палаточника, которая мыла в море чёрный котелок.. «А здесь же рядом другая — бельё полощет... Блядь, врагу не пожелаешь...» После этого Манко проехал, наверно, сотню километров, прежде чем ему снова захотелось в воду... На этот раз он оставил машину на стоянке кемпинга, вокруг которой тоже были палатки и опять-таки чем-то пованивало... Манко хотел только пройти сквозь кафе на пляж, но зазвонил телефон и, прижав его к уху и молча послушав, он уселся за столик. Прикрывая трубку, попросил официантку принести стакан муската или мадеры.

— Я же просил тебя не произносить это слово, — сказал он в трубку. — Нет, то само собой, за то теперь всё... Вообще... Расстрел на месте... Но это я тоже просил. Чтобы никаких там «крыш», «крышечек», «крышеваний»... Ты забыла. А у меня тут во-

обще вечер воспоминаний... Ну ладно, утро... И я это слово совсем не хотел слышать. Совсем. Да, последний раз, — сказал он и нажал на кнопку.

Он не собирался не только ничего вспоминать, но и пить с утра мускат. Но вино уже принесли, и первый глоток уже был сделан. Чего он действительно делать не стал, это пытаться понять суть ДТП. Для разбора полётов нужно было подождать до наступления настоящего утра. То есть такого, которое наступает после восьмичасового сна.

Манко вообще ничего не собирался делать, а тем более напрягать свою память на ровном месте... Но неожиданно для себя «въехал» в какую-то заброшенную её область... Смутно понимая, впрочем, что не случайно... Станным ему показалось даже не то, что он теперь это вспомнил, а то, что он ни разу не вспоминал об этом раньше... Тем более что в его, хоть и не бедной на «экшн» жизни эпизод всё же стоял особняком... Зловещим таким, с заколоченными окнами... И потом: был ведь ещё один такой случай...

Казалось, ещё немного, и Манко вспомнит какую-то другую жизнь... «То, что было не со мной, помню...» Он понимал, что причина такого контуженного состояния — бессонная ночь. После этого его всегда так плющило... Ну или примерно так.. Нет, это было только одно мгновение — чувство, что вся жизнь сейчас, как по команде, выстроится по-другому... На три рас-считайсь! Ра-а-зойдись! В колонну ста-а-а-а...

Манко выпил залпом полстакана и сказал: «Отставить!»

Да нет, просто вспомнилось вдруг, как Семён Петрович ушёл по срочным каким-то делам, назначив вместо себя главным Сашу Матвеева. Который

был старше всех по возрасту и выше по росту... Так что другого выбора тренер и не мог сделать, да?

И, когда он ушёл, ничего не изменилось. Это было не так, как в школе, где, если учитель вышел, все начинают на ушах стоять... Здесь всё было иначе — каждый продолжал делать своё дело. Кто-то скакал на скакалке, кто-то бил грушу. Валёк, как всегда, работал с железом. На ринге две пары шлифовали обманные движения... Всё было мирно, небольшая ссора началась только тогда, когда время тренировки подошло к концу. Матвеев сказал, что пора освободить зал, но никто его не услышал. Он повторял это громче и громче, обращаясь почему-то непосредственно к маленькому Манко...

Пацаны как раз договорились играть в «конный бокс»... Кто-то из «коней» умудрялся прыгать с седоком на спине, кто-то просто топтался, как такой супер-пупер-тяжеловес...

А седоки тем временем махались друг с другом... Естественно, бить «коня» запрещалось, разве что случайно могло зацепить... Манко как раз дождался своей очереди и собирался запрыгнуть на спину мальчика, который был одноклассником Матвеева. Но в этот момент Матвеев схватил Манко за руку. «Я же сказал: идти в раздевалку! Ты что, не слышал?» — «Не слышал!» — «Ну так пойдёшь!» В другой руке у Матвеева была скакалка, но Манко не верил, что он пустит её в ход...

Хотя так это выглядело со стороны, может быть, Матвеев и замахнулся... В шутку, конечно, они же были друзьями, несмотря на разницу в возрасте... И в этот момент кто-то закричал: «Ты чего маленьких обижаешь?!» Матвеев, не выпуская запястье Манко, оглянулся.

Все туда оглянулись и увидели, что в дверях стоит человек ..

Хотя кто его знает, что это там стояло в дверях... Что-то было гибельное в этой фигуре, в зале всё сразу изменилось, может быть, просто за окном зашло солнце... Но это было зимой... Ну, потому что арфа была под снегом, стало быть, на улице давно уже было темно... Незванный гость медленно приближался к Матвееву, повторяя: «Маленьких обижаешь, да?» Матвеев сказал, что тренер поручил ему в восемь часов освободить зал. Манко тоже подал голос:

— Мы просто играемся, никто никого...

— Молчи! — рявкнул пришелец. — Ты его боишься. А теперь смотри — его не стоит бояться. — С этими словами он со вкусом ударил Матвеева в лицо...

Манко так и не понял, почему Матвеев даже не попытался прикрыться... Дело было, наверно, в гипнозе... Манко отпил ещё вина и вспомнил, как в комнату заплывла шаровая молния... Он иногда заглядывал в книжки, которые лежали на столе у секретарши, и однажды, перевернув очередную, лежавшую буквами вниз, прочёл про молнию... Как она заплывла в комнату, как вилась вокруг рассказчика... Как будто это было с ним самим...

А потом нырнула в трубку чёрного старого телефона... И там, внутри, что-то произошло... Подземный ядерный взрыв... Чёрная дыра... Проглоченное солнце... Снаружи ничего не было видно... Телефон по-прежнему стоял на столе, с виду такой же... Но на самом деле он весь теперь состоял из праха... Когда рассказчик пришёл в себя и взял трубку... Телефон моментально рассыпался... На столе осталась только кучка чёрной пыли...

— Но к чему это? — подумал Манко. — А чёрт его знает, к чему.. Или там, голем.. Хотя это уже совсем из другой оперы.. Но этот мудака ведь на наших глазах не рассыпался..

Стало бытъ, *некто* взял Матвеева за руку и повёл к дверям в раздевалку. На ходу обернулся и, ослабившись, сказал: «Теперь тебя никто не будет обижать, маленький. Вот увидишь», — и дверь в раздевалку захлопнулась.

Пацаны смотрели затравленно друг на друга и ждали, что будет. Как овцы, блядь, ягнята, агнцы.. Стыдно вспомнить.. Но ведь и сам не кинулся с кулаками на дядьку.. Прошло много времени, прежде чем дверь приоткрылась, послышались голоса: «Всё, он уже понял. Оставь его..» — «Нет, он не понял..» И снова глухие удары, и снова чей-то голос: «Хватит уже, я сказал!» Дверь распахнулась, и в зал влетел Матвеев. Дверь захлопнулась, Манко успел заметить лица своих «спасителей»..

Теперь Манко уже точно знал, что вспоминал этот эпизод раньше. А потом перестал и забыл.. Память — как та картинка.. Так посмотришь — ваза, так — профили двух лиц.. «А может, это я сам теперь из угольной пыли? — подумал Манко, — или тот, кто спал на дороге? Нет, тот был из крови.. Если только он там был..»

В школе на уроке литературы он однажды спросил учительницу: «Почему написано, что его убили, а через несколько страниц он снова на коне скачет?» «Потому что раньше слово имело и другое значение, — сказала учительница, — употреблялось в смысле „побить“. „Ой, он меня убил!“ В смысле „сильно побил“..»

В этом смысле Матвеев в тот вечер был точно убит, никто не решался смотреть на его жуткое ли-

цо... Кроме Манко. Он-то смотрел, он всё время пытался встретиться с заплывшими глазами... Все разошлись, остались только он и Матвеев. Молча вышли из здания. Это было в порядке вещей, они ведь жили в соседних домах, часто ехали домой вместе. Во дворе Матвеев сказал: «Пойдём, я тебе что-то покажу».

Или нет, это было в другой вечер... Точно, в другой. После того как его избил гость из ниоткуда (никто его ни до, ни после не видел ни в одной секции), Матвеев нарушил молчание, только когда они подошли к ограде парка. К чёрной чугунной ограде, в которой кто-то автогенном вырезал дыру. За год перед этим, когда Матвеев подвёл его к этой дыре впервые, прежде чем они нырнули в казавшуюся с улицы полностью беспросветной, темень, Матвеев провёл инструктаж. Парк пользовался очень дурной славой, и сам по себе Манко никогда бы туда не полез в такое тёмное время... Но Матвеева всегда тянуло напролом, а Манко не мог признаться в трусости... Матвеев показал ему несколько запрещённых приёмов. На случай, если в парке на них нападут.

Оглядываясь назад, Манко понимал, что приёмы были совершенно бредовыми... Типа: достать копеечку, подбросить, и тогда нападающий непроизвольно задерёт голову.. А ты тем временем изо всей силы ударишь его ребром ладони прямо по кадыку — он тогда задохнётся... На время, достаточное, чтобы убежать... Вспомнив, как серьёзно Матвеев всё это говорил, Манко не мог не рассмеяться... Причём всё это должно было происходить в темноте... Матвеев просто дословно пересказывал чужой текст, подумал Манко...

Но один из приёмов был менее абсурдным: удар в нос открытой ладонью. Косточка тогда могла во-

йти в мозг, и это мог быть смертельный удар, на ринге он был строжайше запрещён.

В тот вечер после избияния, когда они подошли к чёрной ограде, Матвеев посмотрел на Манко и, усмехнувшись, сказал: «Ну что, Лёничка, а теперь я буду тебя пиздить. Справедливо?»

Манко испугался. Все матвеевские приёмы пронеслись в голове, и вообще в тот вечер уже всё казалось возможным... Вспомнилось, что в этом парке недавно нашли мёртвую девушку с бутылкой шампанского в пизде... Не говоря о том, что каждый месяц кого-то с заточкой...

Когда Матвеев рассмеялся, Манко подумал, что это не его смех.. Хотя что удивительного, странно, что он вообще мог смеяться в этой синей маске...

Манко понял, что это была шутка. И после этого стал уважать Матвея ещё больше. За то, что он после всего способен был шутить...

Он вспоминал всё это, глядя, как вокруг проявляются малолетки. Студенты или старшеклассники, один из них зачем-то приволок хвойный веночек..

— Кого хороним, пацаны? — спросил Манко.

Они расхохотались и сказали, что веночек для именинника. «Странно», — подумал Манко.

Веночек прислонили к ограде — кусок моря теперь накрывала косматая лапа, казавшаяся чёрной против солнца... Пора уже было смыть с себя поток утреннего бреда и воспоминаний о сопливом детстве... Но Манко, казалось, прирос к стулу. Он заказал себе ещё один стакан вина. В следующий раз после тренировки Матвей предложил ему пройти в глубь двора. Туда, где была свалка, а потом — прямо по ней, ступая поверх железа, листов ДВП, разорванных матрасов, выброшенных стульев, бог весть чего... И всё это было припорошено снегом..

Тонким слоем, сразу за которым нога окуналась либо в грязь, либо натыкалась на какую-то лабуду.. Пружины дивана или что это..

— Да, Лёнь, вот это я тебе и хотел показать, — сказал Матвеев.

— Так а что это?

— Ты чего, совсем тёмный?

Она, конечно, была в плачевном состоянии... Но всё-таки большинство струн было целыми. Ржавыми, но целыми, и кое-где струны шли подряд.. А потом не было нескольких сразу.. Лёня провёл по ним пальцем, уверенный, что ничего не будет.. Ну какой-нибудь гул.. Как если, проходя мимо ограды, вести по прутьям пальцем или веткой.. Поэтому звук, раздавшийся наяву, показался ему вообще не связанным со ржавыми пружинами.. Звук был чресчур настоящим, вот в чём была фишка.. Гораздо реальнее, чем двор, флигель из папье-маше.. Да и весь этот город..

Манко посмотрел на стакан и сделал ещё один глоток. Он чувствовал какое-то напряжение в плечах. Чтобы его снять, положил ноги на стол и завёл руки за голову. Так и сидел, глядя на выбеленное небо, сам тоже пустой, официантка хотела было что-то сказать, но, встретившись с его глазами, не решилась.

— Принеси чего-нибудь поесть, — сказал Манко. Не глядя на неё, не убирая кроссовки со столика. Студенты действовали на нервы. Манко подумал, что надо бы их приструнить, но лень было двигаться.. Венок терпеливо ждал у бортика.. Лапой, накрывшей кусок моря..

Пусть стоит.. Главное — чтобы всё не накрылось пиздой..

Только без паранойи, ладно? — сказал себе Манко. — То, что было на дороге, это не повод.. Чтобы

теперь... И зачем было орать на Алёну? Только за то, что она сказала «крыша»? Это только те, кто козла забивают, так кричат... В конце игры...

Неправда, они кричат «рыба»! Это ты, забив козла... Нет, ну всё, конечно, можно связать в один букет... В венок, блядь, сонетов... Алёна как-то объясняла, что это такое, но я уже не помню... Не надо было на неё кричать, нельзя себя так распускать, наоборот, взять себя в руки... Всё можно чётко вспомнить, на то ведь она и память, чтобы её перебирать, как чурки свои чётки...

Слово «крыша» Лёня впервые услышал от маленькой сучки... Имя он теперь уже не мог вспомнить... Он познакомился с ней на лесной дискотеке... Если это безобразия можно было назвать дискотекой. Какой-то выродец из соседнего — студенческого — лагеря что-то шептал в микрофон и путался в магнитофонной плёнке. Манко уже хотел пойти и туго обмотать эту плёнку вокруг его шеи... Как вдруг заиграла музыка... Типа медленный танец... Было уже темно, прямо к лагерю подъехала чья-то тачка... В длинных конусах света, прямо в воздухе, между стволами сосен, мелькали маленькие тени танцующих... Как будто гномы плясали в воздухе... Как это получалось, Манко не знал ни тогда, ни сейчас, но он это сам видел... А потом отвёл взгляд от оптического обмана и увидел совершенно реальную маленькую сучку... У неё была самая красивая грудь из всего, что он к тому моменту успел увидеть в своей жизни...

Но всё, что она ему позволяла, была грудь, и, как бы красива она ни была, ему хотелось чего-то ещё. Он уже имел небольшой опыт... Но какой-то не такой... Так реально он ещё никогда никого не хотел... А она всё уворачивалась, ускользала, уплывала по Северскому Донцу, говорила: завтра, завтра, завтра...

— Ты долго будешь кормить меня «завтраками»? — спрашивал он. — Я хочу тебя, слышишь?

Она снова что-то обещала и куда-то ускользала...

Пока он её не припёр к стенке и она не призналась, что Манко для неё — «крыша».

Она любит своего тренера по фехтованию, но тренер женат, и даже здесь, в спортивном лагере, он со своей женой. Поэтому ей нужно прикрытие: чтобы тайно встречаться по ночам с Генрихом Сергеевичем, днём ей необходимо тереться у всех на глазах о Лёничкино плечо... Просто чтобы усыпить бдительность жены... «Ну вот, я тебе честно сказала... Если можешь, побудь ещё моей „крышей“, ладно? Ну что тебе, жалко?»

Манко тогда просто онемел от такой наглости. И на всю жизнь возненавидел это слово. Особенно после того, как он вычислил место, где они ебались...

Как ему хотелось тогда выйти из кустов и вызвать Генриха Сергеевича на бой... Он не сделал этого, потому что в голосе маленькой сучки, когда она говорила, что любит не его, а Генриха и что он, Манко, для неё просто «крыша» и всё, была какая-то страшная правда...

Чего уж там было после этого кулаками махать...

И всё же хотелось, ох как хотелось... Несколькоми короткими ударами... Устроить Генриху Сергеевичу вечные каникулы... Привязать ногами к висешей рядом с поляной тарзанке... И пусть себе качается над Северским Донцом... Как маятник.. Пока не затухнет... А потом и протухнет... Полянку они выбрали себе укромную, тарзанкой, похоже, давным-давно никто не пользовался...

Во всяком случае, верёвка сразу же порвалась, стоило Манко повиснуть на ней, а он ведь тогда ещё был не таким тяжёлым...

Это теперь, знакомясь с девушками, он произносит: «Сто сорок килограмм боевого веса!»

Мужчинам и деловым женщинам он это не говорит... Ни к чему, потому как у Манко теперь сравнительно легальный бизнес и, соответственно, — нрав...

Но тогда он ещё не был таким раздобревшим... И всё же, взвесив все «за» и «про», не стал отправлять Генриха Сергеевича в нокаут и даже — за что особенно презирал себя после возвращения из лагеря — до конца смены не переставал быть «крышей» для маленькой сучки... Остальное он забыл и вспомнил только сейчас... А именно: что почувствовал при виде набросившихся на Генриха Сергеевича вольников...

Они были примерно одного возраста, и вообще как-то очень друг на друга похожи... Возвращаясь в лагерь с прогулки, Манко увидел, что на Генриха Сергеевича набросилась толпа борцов вольного стиля... Манко стало не по себе... Почему? Потому что он в тот момент вспомнил человека, который избивал Матвеева... И подумал... Вот интересно было бы понять, что именно он тогда подумал... Прежде чем попробовать восстановить всё это в деталях, Манко решил всё же съесть то, что принесла официантка... Хотя выглядело это не очень аппетитно... Манко вдруг не то чтобы ощутил головокружение... Ему показалось, что пространство в буквальном смысле надето на него... Подобно костюму...

Такое ощущение бывало у него иногда во время разборок, и тогда оно помогало, скажем, стряхнуть с себя чью-то руку... Или собаку с её долбаной мёртвой хваткой...

Но сейчас Манко казалось, что если он встряхнёт рукой... То сбросит с себя всё на свете...

И кафе вместе со студентами, и небо с такими же крикливыми чайками, и асфальт вместе с крошками, и стол... Поэтому Манко сидел совершенно неподвижно, минуту или две. А потом стал жадно поглощать завтрак.

Он всё съел и попросил ещё стакан вина, закурил коричневую сигариллу и вспомнил, как в толпе уродов, окруживших Генриха Сергеевича, ему почудился тот самый гость из ниоткуда, что отметелил Матвеева по-взрослому. Он подумал, что это похожее явление, хотя... что там было уж такого похожего? Матвееву он вовсе не хотел зла, и сказать, что тот мудака явился «из глубин подсознания», значило бы перейти на птичий язык, которому психотерапевты обучают богатых дурачков...

В случае с Генрихом Сергеевичем Манко что-то такое хотел, конечно... Да и не такое, он ведь чуть сам его не замочил... Но зато в этом случае как раз ничего *такого* не было. На самом деле там ведь происходило вовсе не то, о чём Манко подумал в первый момент. Он позвал было официантку, а потом сказал: «Не, я передумал», зачем-то даже накрыл пустой стакан рукой...

На самом деле Генрих Сергеевич разбрасывал команду борцов, забивавших забулдыгу, который на полutorке случайно въехал в лагерь, поломав при этом забор... Как-то там не вписался в дорогу, да и дороги там особой не было... Ну, просёлочная какая-то была... В общем, каким-то лешим его занесло прямо в лагерь, причём въехал он туда сквозь забор. После чего мотор заглох, или водитель сам его выключил, а машину быстро обступила толпа стоеросовых вольников... Какое-то время они смотрели на кабину, все молчали... Потом кто-то крик-

нул: «А ну вылазь!» Водитель не вышел, но в кабине замечено было шевеление, и тогда уже толпа хищно сомкнулась и сразу несколько рук потянулось к дверце грузовика... Водителя выволокли наружу, он был маленький, жалкий, какой-то весь серый, борцы радостно преобразились и начали его пиздить. Все вместе, крича от наслаждения, ногами, в прыжке, по очереди, «дайте я!», «дайте мне!». Подбежав к ним, Манко понял, что бьют кого-то другого, а Генрих Сергеевич как раз пытается это остановить, разбрасывая уродов направо и налево, и всё-таки не в силах сам, в одиночку... Хотя на Генриха Сергеевича они, как ни странно, не поднимали руку... Странно, потому что то, что они в тот момент из себя представляли, по идее, вообще не должно было разбираться, кто там встал у них на пути...

Но нет — они сгрудились вокруг несчастного забуддыги в едином порыве... Манко как сейчас видел: лезущие со всех сторон полуголые одинаковые тела, не замечающие, как их бьют, лезущие к центру, чтобы отхватить от коллективной жертвы свой кусок...

Когда они вдвоём наконец отобрали у них добычу, Генрих Сергеевич сел за руль и отвёз полумёртвого водителя в ближайшую больницу. Вернувшись в лагерь, он кивнул Манко, дежурившему у входа, и пошёл в тот корпус, где жили борцы. С точки зрения Манко, это было глупо — кричать: «Вы не люди!» Ну не люди... И дальше что? Он что, думал, что этими словами сделает их людьми?

Хотя отчасти Манко был согласен, что-то нужно было предпринять, потому что толпа потерявших человеческий облик вольников представляла угрозу для жизни на Земле...

Странно, что после всего, что с ним было в последующие годы, он так живо вспомнил сцену в основном бору.. Манко понимал теперь в общих чертах, что его тогда смугило... В первый момент, когда он увидел Генриха Сергеевича, облепленного одинаковыми тварями... Какой-то коридор соединил их.. С зомбяком, избивавшим Матвеева...

Но почему всё это вспомнилось только сейчас? Как это связано с тем, что произошло на дороге? А просто бред и то и другое, и всё... Драки были, избиения были, всё когда-то имело место бить.. Но мысли, которые мелькали в голове — и тогда и сейчас, — это бред... Надо срочно снять где-то номер и завалиться спать... На сутки, думал Манко, погирая глаза.

На маленькой сцене теперь появились музыканты. Или не теперь, они давно уже там копошились и настраивали аппаратуру. Вид у них был довольно смурной, но, выпив по стакану красненького, они слегка приободрились и даже запели... На английском, фальшивя, кошачьими голосами... Манко хотел уже уйти, приплатив им напоследок за минуту молчания, но вдруг он разобрал слова: «Иф ю олвез кил, ю кэн оверкил...» Это повторялось много раз, Манко был уверен, что правильно услышал.. Вот только не знал, что такое «оверкил». Слова под рукой не было... Манко нажал на кнопку и приложил телефон к уху.

— Что такое «оверкил»? — спросил он. — Знакомое такое слово, но не могу вспомнить... Ах да, конечно. Спасибо, Алёна, да, да, всё хорошо, пока.

«Если всё время бить, бить, бить... То можно и Бога убить...» Откуда это? Из какого-то очень старого, чёрно-белого фильма... То ли «Мухтар, ко мне», то ли «Застава у синих камней»... Или «красных во-

рот»... Пытаясь это вспомнить, Манко невзначай переключил память с канала «Наше кино» на другой канал... И так он делал ещё не раз в тот день: вспоминал одно, чтоб забыть другое... Потом вспоминал что-то третье, чтобы забыть это одно... Ну и так далее.

Машины желания

Вообще-то в Ялте они с физруком не собирались задерживаться, но, чтобы пересесть на автобус до Феодосии, им нужно было ждать два часа, и они решили немного пройтись по городу. Стоило выйти из автовокзала, как их окликнули. «Вы нам не можете открьгть?» — спросила девушка, протягивая бутыль. Переверзев и Линецкий переглянулись и подошли к скамейке. Линецкий достал перочинный ножик, отрезал верхушку пластиковой пробки. «А вы не хотите с нами выпить?»

Внешне они были ничего себе девицы... Но при общении сильно проигрывали. Линецкий быстро заскучал, несмотря на портвейн, и разговор поддерживал один Переверзев. Сначала о погоде, потом об общепите. «Ой, а вы знаете, где мы вчера были? — сказала беленькая. — На концерте Алёны Апиной!» Прошло не больше пяти минут, и маленькая блондинка уже гладила плечо Переверзева, повторяя: «Вот это я понимаю!» Линецкий подумал, что он, наверно, может то же самое проделать с её подругой. Но та отстранилась. Она была выше Линецкого на голову. И почти всё время молчала. Периодически что-то тихонько клокотало у неё внутри, после чего она иногда произносила: «Эт точно!» С неподражаемой интонацией, передающейся исключительно по наследству. Краем уха Линецкий услышал, что отец

у неё полковник. «Ну что же, — подумал он, — Пруст пишет, что, знакомясь с новым человеком, неизбежно натыкаешься то на отцовский слой, то на материнский... Вопрос, конечно, в том, можно ли в таких вещах доверять писателю... Который, в свою очередь, считал, что Достоевский по ошибке вырыл колодец в стороне от человеческой души... Но при этом считал Достоевского большим художником... А Набоков, как известно, считал Достоевского художником нулевым... От которого останется вот именно нуль, то есть кружок на скатерти в саду от мокрой рюмки... Но если Пруст не ошибся... То где-то там должен на самом деле кончиться её отцовский слой... И начаться материнский...»

И ещё он думал: «Стоило уходить от Инны? Ну и что, что она окружила себя нэпманами и полюбила русский шансон... Остальные ведь ещё хуже...

Да, но ты забыл, что это театр теней... Их нет, они не существуют... Завтра же они уедут в свой Луганск.. А Инна была навсегда, вот ведь в чём было дело...»

Кафе, в которое они тем временем перешли со скамейки, закрывалось, можно было успеть выпить только ещё по стаканчику, на посошок..

— Почему твой друг ничего не пьёт?

— Он мутант, — сказал Линецкий, — у него желудок сам по себе вырабатывает алкоголь.

Беленькая посмотрела на часики и сказала:

— Ну что, до автобуса осталось четыре часа. Лучше их провести где-нибудь недалеко от автовокзала, чтобы потом не бежать...

«Не надо, холодно», — сказала дочь полковника... «Не бойся, — зашептал Линецкий, — сейчас будет тепло...» «Нет. Нет, я не буду. Ты что, не понял? —

громко сказала она. — Слышь, ты... Кончай эти по-ползновения!» Линецкий отступил скорее из тактических соображений... Попытался снова просунуть руку.. Но она крепко сжала бёдра.. Он начал расстегивать спальник, но она одной рукой схватила его руку, а другой быстро вернула ползунок молнии в прежнее положение. Линецкий был ко всему ещё пьян и совсем уже плохо понимал их намерения... Зачем они тогда так улеглись, одна с ним, другая с Переверзевым? Для чего?

Неизвестно, что там происходило у Переверзева, но эта, похоже, решила превратить спальник в смирительную рубашку.. Линецкий стал активно бороться... Уже даже не за свободную любовь, а просто — за свободу.. В результате чего они поползли по земле, не вылезая из спальника.. Линецкий это понял, когда они достигли другого края поляны. Он подумал, что, если это будет продолжаться и дальше, они вывалятся на проезжую часть... А вот проехал троллейбус.. Они жили недолго и умерли в тот же день... Она его даже не поцеловала... Только укусила... «Тогда давай спать», — сказал Линецкий... «Давай», — быстро согласилась она. И через минуту уже спала — офицерская косточка..

Услышав шорохи, Линецкий приподнял голову и увидел, что переверзевский спальник ползёт по траве, как гигантский червяк.. Это зрелище напомнило ему о том, что боги рассекли двуполые существа и с тех пор половинки ищут друг друга по всей Земле... Линецкий всегда в это верил.. Но теперь он засомневался... «А может быть, совершенное существо образуют не два человека, а четыре, — подумал он, — хотя... Тогда почему не восемь?..»

Он не мог уснуть. Во-первых, его «половинка» храпела, во-вторых, его член и не думал опускаться.

Вместо того чтобы объединять, член разделял их... Как меч, лежавший между братом и сестрой... Ну или рукоятка меча... Светало, подул ветер, серая трава вокруг Линецкого шевелилась...

— Ну как?

— Что «как»? Никак. У нас с ней ничего не было.

— Я не сомневался.

— Да? И откуда у тебя такая уверенность?

— Потому что у нас то же самое было. То есть ничего не было.

— А при чём тут... Думаешь, они связаны... одной цепью?

— Да.

— А я был уверен, что уж ты-то, ты-то... Не мытьём, так катаньем, — рассмеялся Линецкий, вспомнив ночной газон..

— Но я знаю, в чём причина, — сказал Переверзев и сделал паузу, выжидательно глядя на Линецкого. Тот молча пожал плечами.

— Они лесбиянки.

— погоди, я что-то ничего не соображаю. Нужно опохмелиться, — сказал Линецкий и открыл пиво ключом.

— Я не думаю, что они лесбиянки, — сказал он, осушив одним глотком полбутылки. — Во-первых, они бы тогда попросились в один мешок, во-вторых..

— Я их вижу за версту.

— Почему же я от тебя только сейчас об этом узнаю?

— Я могу ошибаться иногда. И потом, многие из них «би»... Да и неизвестно, что главное... Ты посмотри на себя — ты же помолодел за эту ночь!

— Я? Я глаз не сомкнул... Ну может, под утро... Кошмары снились... Голова раскалывается...

— Ну и что? А выглядишь помолодевшим.

— Такты даос! — догадался вдруг Линецкий.

— Почему даос?

— Ну, это же даосы говорят, что надо не кончать... Чтобы самому не кончиться... Но я в это не верю, old sport... Ладно, ты скажи, прыжки в мешках входят в многоборье? Сдал я хотя бы на третий разряд? Фух... Голова проходит... Дочь полка сказала, что они скоро снова собираются в Крым... На велосипедах... Представляешь себе эту картину? Тандем, тачанка, механизм Тенгли... Слушай, а может, они так и ловят свой кайф, скользя по седлу... Сила трения перестаёт тогда быть диссипативной... В системе образуется положительная обратная связь, да?

— У меня нет технического образования.

— Это неважно, зато ты даос... Ты поэтому первым понял, что они сделали.

— А что они сделали?

— Они преобразовали динамомашину в вечный двигатель...

Линецкий успел слегка одичать — шторка на окне автобуса вызывала у него клаустрофобию. Он резко приподнял её, отодвинул и запихнул между спинкой сиденья и стенкой «Икаруса». В окно теперь попадали прямые солнечные лучи. Линецкий зажмурился и пробормотал что-то вроде: «Юбэка». Трудно сказать, была ли это аббревиатура Южного берега Крыма, который они с Переверзевым как раз в этот момент покидали, или же попросту «юбка»...

Возможно, шторка своим узором напомнила Линецкому что-то из гардероба Инны...

Хотя... Он никогда не был так наблюдателен.

Скорее всего, клетчатая шторка с оборочками могла напомнить ему юбку как таковую...

Край её вдруг сам по себе выпростался, и Линецкий с ещё большей силой запихнул его обратно.

Отстав от одного берега и не причалив пока что к другому... В иносказательном смысле... То есть, «отцепившись от юбки жены» и «повиснув в воздухе»... Линецкий по дороге с Южного берега на Восточный боялся повторить это рискованное движение уже в географическом смысле... Закрывая глаза, он поэтому не очень-то верил, что автобус останется автобусом рейса «Ялта — Феодосия», а не превратится, скажем, в поезд «Симферополь — Харьков», а тот в свою очередь... В подводную лодку в степях Украины...

Хотя после ночи, проведённой на ялтинском газоне... Линецкому было уже абсолютно по фигу, где он проснётся...

Он уже засыпал, но вдруг услышал грохот... Открыл глаза и увидел за окном голых мокрых людей с отбойными молотками... Автобус стоял на светофоре, светофор не светил — был ослеплён солнцем... Один рабочий, встрившись с Линецким взглядом, крикнул: «Чего вылупился?»... Автобус поехал... Закрыв глаза, Линецкий снова стал клевать носом... Свою умственную скорлупу... Пока снова не вылупился... И на этот раз — без соглядатаев...

Мы только увидели, как тело Линецкого стало заваливаться набок, как голова ткнулась в бок Переверзева, как тот съехал по своему сиденью вниз — ровно настолько, чтобы можно было переложить голову Линецкого к себе на плечо. Там эта голова и пролежала до самой Феодосии.

Красивые жесты

Было уже близко к полудню, когда странноватая, прямо скажем, парочка, приехавшая накануне вечером, вышла наконец из своего флигеля. На нём были белые брюки и рубаша, а на девушке, которая годилась ему в дочки, если не во внучки, что-то вроде пёстрого газового платка, обёрнутого вокруг бёдер... Ну и лифчик по случаю такого наряда... Так-то она его, конечно, не носит, — думала Марфа Дмитриевна, отводя взгляд от новоприбывших и устремляя его на дно колодца... Она намеренно не спешила поднимать ведро, чтобы дать им возможность пройти. Чтобы не встречаться и не думать, в какой форме выказать своё презрение... Но что-то не слышно было шагов... Марфа Дмитриевна медленно вращала ручку... Пока ей не пришло в голову, что они стоят и смотрят ей в спину... Она резко обернулась... Ведро дёрнулось, выплеснулась только что набранная вода...

— Вы что-то хотели? — сердито сказала Марфа Дмитриевна.

— Да, — сказала девица.

Марфа Дмитриевна машинально мотала цепь, поднимая пустое ведро.

— Говорите, — сказала она таким тоном, что нормальные люди сразу бы забыли, что им было нужно... Но наглая девка и бровью не повела.

— Можете нас сфотографировать? — спросила она.

В руках у неё был большой чёрный фотоаппарат, она уже протягивала его Марфе Дмитриевне. «Та нехай горит оно всё ясным пламенем, — подумала та, — абы гроши платили...»

— Ну давай, — сказала она, — щёлкну, чего уж не жалко.

— Подождите, пожалуйста, секунду, — сказала девушка, — сейчас.

С этими словами она подошла к колодцу. Усатый пошёл туда же, снова положил ей руку на талию...

— Ну, снимать?

— Одну секундочку, — девушка взяла в руку ведро. Так вот им захотелось, на фоне колодца, и она, значит, с ведром. «А может, лучше папика своего на руки возьмёшь?» — хотела спросить Марфа Дмитриевна. Но не спросила. Оно ей надо?

— Да, вот теперь, пожалуйста, — сказала девушка, жмурясь от солнца и силой раскрывая на миг глаза...

— Ну, чего ж вы не снимаете?

— Так а... Ведро-то пустое. Зачем же его тогда держать? — спросила Марфа Дмитриевна.

— На фотографии не будет видно, что оно пустое, — улыбнулся усатый нянь.

А «дочка» его так даже захихикала... А шо смешного-то?

— Это и примета плохая, и вообще... — сказала Марфа Дмитриевна. — Ну да ладно, моё дело маленькое, — и она нажала на кнопку.

— Вот так вы всё и снимаете, — проворчала она, отдавая фотоаппарат, — ведро пустое, а на фотографии полное...

— А вы знаете, что на параде в Москве Сталина не было? Его туда вставили потом, на пустое место.

— Ну и чего? — удивилась Марфа Дмитриевна. — А я ему не верила и вам не верю! Вы на него похожи, кстати, посмотрите на себя в зеркало, у вас в комнате висит, в уголку...

— Ты странный, Доплер, — сказала девушка, когда они вышли за калитку, — ну при чём тут был Сталин?

— Смею вас заверить... Что Сталин тут уже точно ни при чём. Просто хотелось позлить старуху... А чем ещё ей можно досадить?

— Зачем её злить? Не забывай, что она наша хозяйка.

— Правильно, вот я ей и вспомнил Хозяина, — рассмеялся Доплер. — Да ты что, боишься? Думаешь, отравит?

— Не сомневаюсь. Поэтому дома мы не будем есть. Нельзя оставлять продукты в холодильнике.

— Скажи лучше, что тебе не хочется готовить... Ладно, будем питаться в общепите, что же нам остаётся, — сказал Доплер с такой трагической интонацией, что она погладила его по головке.

— Бе-е-е-едненький.

Он съел яичницу с ветчиной, она — блинчики с мёдом. В кафе было не жарко сидеть, с моря дул ветерок. Поэтому, окунувшись в море, они вернулись обратно под навес. Она заказала мартини, он — минеральную воду. Первое погружение в море — этим она оправдывала своё утреннее маленькое пьянство.

— А я что-то не заметил... — сказал он, — мне показалось, что ты разочарована...

— Что ты, что ты... Это было круче, чем лишиться невинности... Согласись, нельзя не отметить.

— Но мне не хочется с утра, по такой жаре... Меня сразу разморит, я буду как медуза на берегу, ты их ещё не видела?

— Доплер, можно я тебе признаюсь? Я соврала. Я уже не первый раз на море. Я сама не знаю, зачем... Я всегда говорю тебе правду и только правду.

Он рассмеялся.

— Так ты не сердисься?

— А может, ты и не девственница?

— Да ну тебя!

— Это было твоё сравнение, между прочим.

— Ну ладно, не придирайся к словам.

— Уж тебе ли меня упрекать? Вон, смотри, он тоже пьёт с утра, — прошептал Доплер. — Как он тебе, а?

Он сидел к ним спиной, вполоборота. Видна была бронебойная шея, спина, ноги в чёрных кроссовках лежали на столике. Рядом с ногами стоял стакан со светлым вином. Он курил тонкую сигару, дымок поднимался, казалось, прямо из стриженной макушки. Судя по тому, что он давно уже не менял положения, в этой голове действительно могло происходить какое-то движение мысли...

— Что-то в нём есть, да?

— Ну да. В такой недвижимости всегда что-то мерещится...

— А ты уверена, что он бандит?

— Ты что, меня уговариваешь? Ну понятно, вокруг столько самок.. Я вижу, как ты их всех регистрируешь. Приехал со своим самоваром, опомнился и решил его сплавить... Но только не ему, Доплер. И вообще, давай сменим тему, а то ветер в его сторону, ещё услышит...

— Он ни разу не оглянулся.

— А ему и не надо. Такой заводится с полоборота... Смотри, смотри, он встаёт.

Грузный человек встал и пошёл к лесенке, спускавшейся прямо на пляж... Они увидели, как он подошёл к морю, как начал было раздеваться. Они смотрели на его спину, и, когда он, как им показалось, расстегнул брюки, но не стал их снимать, Доплер сказал:

— По-моему, он пошёл по-маленькому...

— Среди бела дня, на полном пляже?

— Ну и что, типа: пописай мне на грудь, я люблю штормы... Ты видела, как он сидел с ногами на столе?

— Янки тоже так сидят, но при этом не всегда ссут среди бела дня на глазах у общественности... Нет, он просто передумал снимать штанишки. Смотри, кажется, он решил искупаться прямо в них.

Море слегка штормило, он нагнулся, зачерпнул в ладони и умыл лицо, намочил рубашку. После чего пошёл прочь. Теперь можно было бы рассмотреть его лицо, но в упор ни Лена, ни Доплер не стали на него смотреть, отвели глаза, когда он, поднявшись по лесенке, вдруг очутился прямо перед ними. И сразу пошёл через зал к выходу на набережную. Лена посмотрела на мокрые следы на деревянном полу, посмотрела на Доплера...

— Пойдём, — сказала она.

— Куда ты меня тянешь?

— Поиграем в следопытов. Немножко.

— Мне лень. И без камеры неинтересно.

— А мне интересно.

— Так это Лен-фильм?

— Только не ревнуй. То, что это не мой кадр, это точно.

— Почему я должен тебе верить? Особенно после того, как ты обманула меня с морем...

— Доплер, ну прекрати... Смотри, смотри — он теперь и сам за кем-то следит, во всяком случае, он на них смотрит..

— Слушай, Ленка, у тебя получается. Из ничего возникла интрижка...

— Да какая там...

— Ну как, мы теперь смотрим на того, кто смотрит... И это, если ты помнишь, самое дорогое развлечение. Особенно для меня — если учесть, что он будет моим преемником...

— Доплер, прекрати. Смотри, смотри, он им что-то говорит... Это его машина, как ты думаешь?

— Думаю, да.

— Я тоже так думала... Мы с тобой ошиблись.

— Ну бывает. Обознались. Это не его машина, мы вычёркиваем его из списка твоих женихов. Бояськи нам не нужны. Он опять идёт в это кафе, но мы это сделать не можем, это будет слишком явно... Поэтому пошли искать тень поближе у воды. Где-то должны же давать в прокат зонты...

Подходя к машине, Манко увидел, что возле неё стоят незнакомые люди. На ментов они были мало похожи: парень и две девицы в купальниках со всякими там резиновыми подушечками и матрасиками под мышками. Казалось, они и сами какие-то надувные.

Манко подошёл к ним на расстояние вытянутой руки и дышал в затылок, но они его не замечали.

— Класс, просто класс, — говорил парень, явно адресуя эти слова джипу. Девочки задумчиво кивали.

— Хотите прокатиться? — спросил Манко, обходя их и выступая вперёд.

— В каком смысле? — сказал парень, придерживая рукой панамку, как будто вдруг подул сильный

ветер. Хотя никакого ветра не было, просто перед ними теперь стоял квадратный мужик и протягивал ключи.

— Берите и катитесь!

Все трое молча смотрели на болтавшиеся в воздухе ключи... Может быть, они уже были загипнотизированы, ключи блестели на солнце... Манко сам плохо понимал, что делает, просто он принял решение следовать первым мыслям, приходящим в голову, а тут как раз пришла такая мысль...

— Я не умею водить, — сказал парень, — у меня и прав нет.

— А у тёлоч твоих? У вас есть права?

Тёлочки молча покачали головами в разные стороны.

Лене и Доплеру, которые стояли далеко и всего этого не слышали, снова померещилось, что он достаёт из брюк... Но видели они только, как парень и две девушки сели в машину, как машина отъехала, как человек в голубой рубашке, за которым они наблюдали в кафе, помахал джипу рукой... Лена и Доплер пошли дальше в обнимку и где-то возле детских аттракционов замерли в долгом поцелуе.

— Научишься, — сказал Манко, доставая ствол... Не полностью, но так, чтобы эти трое видели и больше не сомневались, что он не шутит.

— Это не конец, — сказал он, усмехаясь... — Через час приедешь на это же место, но этот час вы должны всё время ехать не останавливаясь. Я проверю по счётчику и заплачу по счётчику. Десять баксов за километр, ферштанден?

Конечно, он мог их и так запихнуть в джип, за просто... Но было бы много визгу... А так всё тихо. Сели и поехали... И сразу научились водить... А как

в море бросают, когда плавать учат? А это ещё проще, суша всё-таки... Ну задавят пару кур, ничего страшного... Он пошёл по набережной в другое кафе. Та же девушка с платочком была и там, но, может быть, ему показалось, многие так косынки повязывают, а на лицо он не обратил внимания. Он заказал двести водки. «Через час, — подумал Манко, — если не будет ДТП, они приедут, никуда не денутся. А денутся, так и хрен с ним, с хаммером этим долбаным, он совсем озверел, людей не давит, взваливает это на меня, сука... Человек хуже зверя, когда он зверь — кто-то сказал... И хуже машины, когда он машина, — я добавлю...» Манко опрокинул в рот водку, выдохнул и сказал вслух: «А я не машина!»

— Повторяй за мной: я не машина, я не машина! — сказал он громко, обращаясь к парню, который сидел за соседним столиком. Тот поперхнулся креветкой и закашлялся, глядя на Манко выпученными глазами. Манко встал и подошёл, чтобы хлопнуть парня по спине, но тот ускользнул, быстро расплатился у стойки и выскочил на улицу.

— Пиздец какой-то, — сказал Манко, — чего вы здесь все такие забитые? На юге? Где ваш кураж?

Он заметил, что на столике уже снова стоит полный стаканчик, хотя он вроде ещё не заказывал. По морю бежали барашки... «Над седой равниной моря...» — тихо пропел Манко на мотив «Из-за острова на стрежень...» и подумал, что всё фигня, просто немного колбасит, с кем не бывает... Он опрокинул в себя станканчик.. Стало вообще хорошо, солнце, Крым... Всё на хуй бросить, начать новую жизнь. Оставить одежду на берегу, с паспортом в кармане, типа утонул, не ищите. А сам голый вылезу к хиппарям в бухту... Манко как-то забредал к ним много лет назад, и было нормально, без пон-

тов, напоили молоком с травой и спать уложили. Правда, он не спал, а вращался всю ночь в цветной центрифуге — как космонавт перед полётом.

В космос лететь не стал. Он был дублем, его не взяли... А может, и улетал, но утром этого не помнил, и всё было чистое такое утром, весь мир, каждую галечку хотелось чмокнуть, а девочек наоборот, не хотелось совсем, хотя они лежали голенькие и тут и там, но это было как в детском саду, как в яслях, короче, заново на свет народился. А потом опять набилось трухи всякой в душу, но за травой или другими какими очистительными средствами Манко пока не тянулся... Он заметил, что к человеку, серьёзному с виду человеку за одним из соседних столиков, то и дело подходит какая-то дохля, садится рядом с ним на корточки и что-то они там перетирают... «Что, нельзя посадить человека рядом с собой, на стул? — подумал Манко. — Что это такое, по-собачьи сидит, потом выходит, потом опять на задних лапках... Я, конечно, тоже не эстет, но не заставляю людей сидеть на корточках... Может, сказать ему? Товарищ, гордым надо быть! Устроить им тут революцию?» Манко прикинул, как взлетят брови у хозяина человека-собаки, как он начнёт хвататься за мобилу... Это всё можно будет сразу пресечь и проучить бегемота, вспомнить молодость, пусть даже дружки его сразу в кабак налетят, будет немного поковбойски... Ну что, встряхнуться? «Да нет, — подумал Манко, — лень... Ленивый я стал... Но любопытный... О чём они там перетирают?» Он встал и пересел за их столик

— Харьковская налоговая, — сказал Манко.

— Не пизди, — усмехнулся бегемот, — давай лучше по сто — на брудершафт.

Мужик был, очевидно, тёртый, умел общаться с людьми, и вот уже они пили по второй, по третьей... Бегемота звали Семён, он был из Донецка, держал там сеть ларьков, ну и какие-то у него были виды на расширение бизнеса, в частности в этом посёлке, кто-то предложил войти в долю, построить гостиницу прямо на берегу, шестёрка его по этому поводу собирал кое-какую информацию и доносил хозяину, причём как только что-то узнавал, так сразу и доносил, голова у него вмещала только одно сообщение. Смешно, что возле кафе его ждала настоящая собачка, он каждый раз привязывал её к ограде, маленькая такая шавка, Манко увидел, когда выглянул на улицу, чтобы посмотреть, не приехал ли его броневик. Дохля в этот момент тоже вышел из кафе, отвязал собачку, и они засеменяли по улочке, свернули в парк. Манко расплатился за водку и закуску и за себя, и за будущего владельца гостиницы, который заразил его своим олимпийским спокойствием... На улице стоял джип, пустой, ни мальчика, ни девушек нигде не было. «А может, их вообще не было, — подумал Манко, — как и того, на дороге. Как и Семёна из Донецка, всё померещилось... Теперь ищем гостиницу, там спим как минимум десять часов, а дальше посмотрим...» Он остановился возле джипа, глядя на пятно на бампере... «Чёрт его знает, а может, и сбили кого-то, — подумал Манко, — они ж водить не умеют, суки... И смьлись... Да нет, если б они кого-то сбили, джип не стоял бы сейчас на том же месте... Значит, всё-таки было там что-то... Типа чудо... Но чудес не бывает, бывает только... Болезнь Алыг-хаммера... Но он у меня новый совсем... Или как его... Рассеянный склероз... Бывает же такое... Мульти-пульти... Нет, лучше уж пусть будет одним мудаком меньше... Или

ещё лучше: поспи, и всё пройдёт», — Манко усмехнулся, вспомнив, как сказал это своей бывшей жене. Когда она разбудила его ночью и закричала: «Лёня, началось!»... Она должна была рожать, у неё отошли воды и начались схватки, а он ей в ответ: «Поспи, и всё пройдёт». После чего перевернулся на другой бок и захрапел... Вспоминая это, Манко всегда смеялся... Сидя в джипе, который стоял с заведённым двигателем, он повторял вслух: «Поспи, и всё пройдёт!»

Он нажал было на газ, но передумал. Куда? Зачем? Приехали... Сейчас, ещё минутку посижу.. Он вспомнил, как бывшая жена пришла домой и сказала: «Меня сбила машина».

Манко ошарашенно глянул на её грязное платье... И на лице — то ли грязь, то ли тушь потекла... «А зачем же ты домой пришла?» — спросил Манко. Она это тоже ему потом вспоминала, всю их совместную жизнь, рассказывала знакомым. Шутка, в которой, однако, была её доля... То есть судьба её вся, значит, в этой шутке была, ох и тяжёлая у неё была судьба... С таким мужем... Хотя ясно же, что он имел в виду: почему сама пришла, почему не «скорая» привезла, не такси... Да она это прекрасно и сама понимала, просто придиралась всегда к его словам... Больно образованная была... «Слишком вумная», — говорила мать... Манко думал было сменить частоту волны в приёмнике или поставить диск, но странная музыка умолкла, диктор сказал, что это была композиция «Поп-механики» Сергея Курёхина...

«Курёхин, — подумал Манко, — сколько лет, как его нет в живых, а поди ж ты, ставят... А могло ведь ещё раньше не быть, если бы я тогда не остановил ребят...»

В восемьдесят восьмом году Манко пошёл со своими хлопцами на концерт «Поп-механики»... В Алуште, какой-то там был фестиваль... Сыпа накануне был на Цое, и Сыпе понравилось. Главное, он сказал, что видел впервые в жизни, как менты танцевали на стульях... Ну и пошли на следующий день на «Поп-механику», чтоб такое увидеть... А там вообще не было ментов, народу на концерт пришло не так много, треть зала... Курёхин вышел на сцену и сказал: «Мы рады, что вы пришли на наш концерт. Все музыканты нашего ансамбля наркоманы и гомосексуалисты. Некоторых из нас на время выпустили из психиатрических больниц, некоторых с кладбищ...»

Странно было это вспоминать теперь, но интересно, Манко даже приглушил звук в приёмнике... Пацаны весело переглянулись, но никто не хохотнул, ждали, что будет дальше... А дальше на сцену вышли музыканты, выбежал Гаркуша — Курёхин специально его позвал с собой на этот концерт, — и началась какая-то бредятина... Типа беспредел... На музыку никто и внимания не обращал... Манко вспомнил сейчас, как на сцену вышли два долбоёба, один с молотом, другой с серпом, и начали сражаться... Это не понравилось его друзьям, не из идейных соображений, нет. «Хуйня какая-то», — сказал Сыпа... Манко пожал плечами, мол, посмотрим, что дальше будет... Дальше Курёхин минут двадцать играл на рояле что-то типа собачьего вальса, а потом залез под рояль, повис под ним, схватившись руками, и стал его ебать... Ну то есть делать вид, что он ебёт рояль... И вот это уже ребятам совсем не понравилось... «Это ж он показывает, что нас наебал!» — повторяли друг за другом теперь уже несколько голосов, всё это переходило в воз-

мущённый ропот, а потом, когда внезапно Курёхин объявил, что на этом концерт окончен, Сыпа вскочил и закричал: «Деньги давайте назад!» Манко потянул его за руку, но тот стряхнул и остался стоять... Гаркуша, который под конец метался уже не по сцене, а по залу, увидев возмущённых качков в белых майках, стремглав помчался к сцене... Сыпа стал убеждать друзей, что так просто это нельзя оставить... Больше всего Сыпу возмущало то, что они заплатили по пять рублей за билет... В те времена это была запредельная цена, обычно стоило два рубля, ну три от силы... А здесь, значит, за пять должно было быть что-то особенное... А вместо этого — халтура... «Совсем оборзели! Они же играли всего сорок минут! — кричал Сыпа. — Что это за концерт? Нас тут держат за лохов, Ман, это нельзя им спускать, слышь?» «А ты хотел бы, чтобы это продоллось два часа? Ты и сорок минут-то еле выдержал», — пробовал его утихомирить Манко. «Неважно! Мы заплатили за полный концерт! Пускай возвращают деньги, или мы будем их, блядь, учить!» Сыпа ударил кулаком свою открытую ладонь, резко развернулся, снова запрыгнул на сиденье и закричал: «Пацаны, они должны вернуть нам деньги за билеты! Вы согласны?» Его призыв получил довольно широкую поддержку публики, потому что большую её часть составляли такого же примерно вида пацаны, как Сыпа, у поклонников Курёхина в то время, очевидно, не было денег, чтобы платить за билет пять рублей... Но Манко с помощью демагогии смог выпустить пар, заболтать Сыпу так, что, когда тот спохватился, автобус с «Поп-механикой» уже уехал... Потом, когда через несколько лет он узнал, что Курёхин умер, Манко подумал, что его таки настигли разгневанные зрители... Но оказа-

лось, что Курёхин умер от болезни, по крайней мере так сказали, а Лёне Манко трудно, как всегда, было поверить, что кто-то может умереть молодым от болезни, может быть, потому что сам он никогда не болел, а до тридцати лет вообще не знал, что такое температура... Чтобы это узнать, съел однажды кусок сахара, полив его йодом, — так ему посоветовал одноклассник, но всё равно ничего не поднялось, тридцать шесть и шесть было на градуснике...

Он вышел из джипа и пошёл по набережной, чувствуя странное возбуждение во всех мышцах. Глядя на взрослые тренажёры, стоявшие в парке среди детских каруселей, Манко подумал, что чувство, которое он испытывает, что-то напоминает... Тренажёры были настоящие, списанные, очевидно, из авиации, где на них тренировались пилоты и космонавты. Это были полые шары из арматуры, в которых человек мог вращаться вокруг всех своих осей. Как на рисунке Микеланджело, или да Винчи, который, кажется, вообще служит эмблемой человека... Манко когда-то тоже там вращался, ходил в авиаклуб... А сейчас ему хватало даже просто смотреть на этот тренажёр, при этом он думал, что пока он не ушёл из бокса, было проще... Он тогда шёл на руках и на ногах... Руки упирались в размазанного в воздухе противника, окружавшего его со всех сторон, а ноги ощущивали почву под ногами, это была очень чёткая позиция... Жизненная, да, а потом, когда он ушёл с ринга, всё приняло совсем другие формы, вплоть до давешнего чувства на дороге, когда ему показалось, что он завален лавиной и не знает, где верх, где низ... Манко понял, что лицо спавшего на дороге парня он уже не может вспомнить... Он зашёл наугад в какое-то кафе, взял сто грамм. Там играла музыка, и Манко расслышал

слова: «Я отражаюсь в зрачках зверя... Алушта — пауза между смертью и смертью...»

Он выпил водку и пошёл быстрыми шагами прочь, уже на улице вспомнил, что не расплатился, но возвращаться не стал. Может быть, «Алушта» ему просто послышалась? «Скорее всего, — подумал он, — но что тогда там было — в песне?» «Алушта», «галушка», «баклуша»... Он не мог найти рифму.. «Опушка»? Может быть, опушка, подумал он, а может, и «Алушта» была, что мы вообще знаем... Он вспомнил, что кто-то ему говорил, от чего умер Курёхин... Рак сердца... «Так не бывает, — сказал тогда Манко, — или — или... Он действительно думал, что умирают либо от рака, либо от сердца, но так, чтобы это сошлось в одном... Манко подумал, что за Курёхина надо выпить, за упокой души, хоть он и не понимает эту музыку.. Он вернулся в кафе, взял ещё сто... Ему вспомнился его родной дядя — который и привёл его впервые в секцию бокса. У дяди не было своих детей, и он, что называется, «отдавал Лёне всю душу»...

Манко вспомнил, как дядя вёл бой с тенью и сломал себе нос... Странно было это вспоминать, особенно во время похорон... Дядя давно умер, но не молодым, как Курёхин, а в приличном для смерти возрасте... Манко на похоронах представлял себе дядю в шляпе, сражающегося с тенью на кирпичной стене в их дворике... Дядя это делал, ожидая, когда придёт домой его брат, отец Манко, что-то нужно было дяде от него в тот вечер, он зашёл без звонка, не застал дома... Вышел во двор и стал, чтобы убить время, боксировать со своей тенью.. А потом пришла семья Манко и увидели родственника на скамейке с кровавым лицом, отец закричал: где, кто... «Смешно на самом деле, — по-

думал Манко, — но это мог только дядя Коля, я на такое не способен, даже при всей ситуации... Вот только не нравится мне это чувство... Странная такая круглая клетка...» Манко стоял рядом с тренажёром, сжимая руками рёбра-рельсы, которые, закружляясь сверху, резали небо на синие ромбы. Потом отпустил их и пошёл не совсем твёрдым шагом по набережной. Увидел табличку со словами: «Номера с питанием» и свернул в калитку какого-то санатория, или бывшего санатория, ему было теперь уже совершенно по сараю, и через десять минут он ввалился в белую комнатку и, не раздеваясь, рухнул на кровать, которая издала громкий стон. Прежде чем заснуть, Манко вспомнил рассказ отца о том, как когда-то в молодости в общественном туалете на него обрушилось стекло. Выпало из рамы — само по себе, может от ветра, и упало на отца огромными осколками. У стоявшего рядом человека так порезало детородный орган, что еле сшили, и никакой он теперь был не детородный...

А отец, выходя из дому, долго думал, надевать ли широкополую шляпу. В конце концов надел — и, по его словам, это его спасло. Эту историю отец рассказывал Манко ещё в детстве, и сейчас Манко подумал, что если бы отец тогда не надел шляпу, то могло бы не быть теперь никакого Лёни... Это было бы странно... Или не странно? Никогда не рождаться... Но, во всяком случае, Манко раньше об этом никогда не задумывался. Он решил купить себе завтра шляпу... Стекло не стекло, но солнечного удара можно избежать... Он вспомнил ржавые останки бульдозера, которые видел днём на одном из пляжей... Вдруг приподнялся, сел на край кровати, взял в руку член и стал поворачивать его по часовой стрелке, чувствуя при этом примерно то же, что во-

дитель грузовика с заглушим на морозе двигателем, когда вращает вставленную в ротор железку...

Манко крутил свой член и, будучи уже в невесомости... И в полном согласии с законом сохранения импульса... Тело Манко теперь тоже вращалось... В ржавом остове бульдозера, летящего в космосе... Лёня Манко... Скажем, спал... А что делали другие персонажи, мы ещё не знали...

Один, кажется, пытался припомнить свои стихи двадцатилетней давности... Точнее, песенку — из несостоявшегося кинофильма... На музыку Бродского... И бродил один, без своей девочки, по вечернему Коктебелю...

Девочка давным-давно спит, а у Доплера бессонница... «Красный закат — к похолоданию, — думает Доплер, а потом бормочет: — Полный штиль, только что-то за краем... понта движется, номер газеты, или скат, заблудившись, летает над асфальтом, в разрез поднебесной входит солнце — сечение аорты там, где крови становится тесно, и она льётся в море, из порта выплывает ремонтный бульдозер... Лязг и скрежет зубов... Визг геенны... На воде остаются полозья... Пахнет нефтью... И, значит, вселенной... Адью, суша! Вон стайка нудистов... Входят в воду...»

Доплер на этом останавливается, хотя последние строчки он прекрасно помнит.

Но, во-первых, он потом видел у кого-то ту же самую рифму, во-вторых, все эти игры «с понтом» наверняка уже кем-то сыграны, думает он... И, в-третьих, всё это как-то тяжеловесно... А так у песни нет ни конца, ни начала... Так лучше, решает Доплер и идёт дальше, а мы на всякий случай подбираем... выброшенные из песни слова: «...сквозь щель горизонта... виден красный белок мариниста... он давно уже пишет для понта...»

Куриный бог

Когда Линецкий последний раз здесь отдыхал, на весь посёлок было две столовые.

В «Книге жалоб и предложений» одной из них кто-то тогда сделал запись: «Единственный продукт, которым у вас нельзя отравиться, — это хлеб». Наверно, это была правда, и люди не травились поголовно котлетами только потому, что они на самом деле были из хлеба — котлеты... А те, кого на мякине не проведёшь, выстроились в очередь за новоиспечёнными «крымскими пирожками», в которых, по слухам, на самом деле было мясо... И ничего, остались живы — тёртые калачи... А у Линецкого было сильнейшее отравление — откачивали в поселковой больнице... На три дня кишечник Линецкого стал тогда как бы частью местной системы водоснабжения и канализации... Он всё это не забыл, нет... Но, по крайней мере, тогда был простор, воздух, ветер с моря... А теперь всё было законопачено фанерой и жостью, воздух был спёртый, всюду пахло горящим мясом...

«В такой атмосфере могут и не откачать...» — тоскиво подумал Линецкий. Ему хотелось бежать от этой новой цивилизации куда глаза глядят... Он утешал себя тем, что это они и делают — пробираются в толпе, заполонившей всю набережную, к самому краю посёлка.

Их целью был далёкий холм, который Переверзев показал Линецкому с катера... Вот только теперь его не было видно... Трактиры казались нескончаемыми... Двери их были открыты, везде зеленели бильярдные столы. Или это был один непрерывный стол? Казалось, что, если бы он в первом ткнул кием или просто так, рукой, шарик, — тот докатился бы до края стола последнего... «Я качусь, пока хватает сил, — вспоминал Линецкий слова древнего шлягера, — может быть, всё было бы иначе...»

— Давай перекусим, — сказал Переверзев, — а то потом, когда расположимся, сразу же идти обратно не захочется... А есть-то хочется уже сейчас, правда?

— Мне нет, — сказал Линецкий, — но пойдём.

Они зашли в трактир под названием «Бубны», не потому что это название вызвало у кого-то из них какие-то ассоциации, просто мимо как раз проходили. В трактире были кирпичные стены, полудохлые растения в горшках, плохо опохмелившиеся музыканты на маленькой сцене лабали блюз. Линецкий открыл кожаную книжечку меню и прочёл на первой странице, что трактир под названием «Бубны» был в Коктебеле ещё в начале двадцатого века. Тогда он принадлежал греку Синоплю. В трактир стал захаживать Волошин сотоварищи. В предисловии к списку блюд были даже процитированы стихи кого-то из «обормотов»: «Нормальный дачник — друг природы. Стыдитесь, голые уроды!»

Во время Первой мировой в залив вошёл немецкий эсминец, выпустил один-единственный снаряд и превратил «Бубны» в щепки... Трактир был единственной в бухте заметной из открытого моря

постройкой. По счастливой случайности никто тогда не пострадал...

— Где же он сейчас, этот эсминец, — сказал Линецкий, оглядываясь по сторонам, — представляешь, как бы он сейчас был кстати?

— Какой эсминец?

— Ты не читал меню?

— Ты бредишь?

Линецкий повернул меню к Переверзеву и дал открытым на первой странице.

— Если учесть, что ты меня тащишь на нудистский пляж, то стихи обращены прямо к тебе. Через века, поверх всего, поверх обломков старых «Бубнов», которые срослись в новые только для того, чтобы ты — именно ты — прочёл вот эти слова...

— У тебя тепловой удар, — понял Переверзев.

— Ты читай, читай, — кивнул Линецкий и погружился в какие-то свои раздумья...

Подсевшее к ним за столик украинское зажиточное семейство не обратило на первую страницу меню никакого внимания. Члены семейства листали другие страницы и наперебой, тыкая в меню пальцами, заказывали блюда, и скоро стало тесно на столе, да и как-то вообще...

— Пойдём в другое место, — сказал Линецкий.

— Зачем? Везде то же самое.

— Но здесь пахнет рвотой.

— Тебе кажется. Я ничего не чувствую.

На сцену, где всё ещё пугались в проводах полуживые музыканты, вдруг вышла девушка в чёрном трико. Линецкий видел её в этот момент со спины, на голове у неё была красная в белый горошек повязка. Она сделала резкое движение, наклонилась влево, как на зарядке, и так замерла... Потом выпрямилась и сделала быстрое фуэте... Снова замерла —

на этот раз расставив руки... Потом она ими всплеснула... «Что это? — подумал Линецкий. — Танец или утренняя зарядка? Или она — дирижёр, или же...» Девушка вдруг стала совершать какие-то быстрые движения пальцами. «Она что-то говорит на языке глухонемых... Она явно что-то говорит, причём такое впечатление, что она развила этот язык...» — думал Линецкий, глядя, как девушка падает в шпагат, и дальше, на бок, плашмя... Потом снова взмывает... «С музыкой это связано, конечно, но как-то непросто... Не она танцует под музыку, скорее, наоборот... Нуда, она не дирижёр, но... Что-то вроде цирковой лошади... В цирке ведь не лошадь танцует под музыку, а наоборот, оркестр подстраивается под движения лошади... Вот и здесь она, делая пальцами быстрые движения, будит музыкантов, на расстоянии их тормозит, они начинают шевелиться, и вот уже они начинают играть что-то похожее на „We don't need no education...“ И теперь её танец похож... На фигурки, которыми Переверзев испещрил свою тетрадь», — понял вдруг Линецкий и посмотрел на физрука...

Когда Переверзев сказал, что он её знает, Линецкий даже вздрогнул...

— Да её все знают, — добавил Переверзев, — все, кто в последние годы бывал в Коктебеле. Это теперь одна из местных достопримечательностей...

— Она что, местная?

— Да нет, она вообще-то из Питера. Но неизвестно, где она теперь проводит большую часть года. Я как-то встретил её на Невском в Старый Новый год, она как раз приехала из Коктебеля, где встречала Новый... В общем, я не знаю, может, теперь уже и местная.

— А как её зовут?

— Не стоит на неё западать... Я сейчас вспомнил, что она тогда, зимой, подарила мне открытку... На которой было как раз то, о чём ты сейчас грезил наяву... Посёлок в прошлом веке, даже ещё до всяких бубнов и трэф... Там была такая повозка, двуколка, подъезжающая к Кара-Дагу, и вокруг ничего, абсолютно ничего, пустыня, переходящая вдаль в скалы, в море... И надпись, почему-то на немецком: «Das Kara-Dag Gebirge».

— Может, она и мне её подарит?

— Послушай, лучше пойдём... Она сумасшедшая. А открытку эту здесь можно купить в любом киоске.

— Мне показалось, что её движения воспроизводят наброски твоей диссертации... Ты случайно не её танец рисуешь в своей тетради?

— Ты что, с ума сошёл? При чём тут моя диссертация?

— Ну что, платим и идём?

И даже когда трактиры всё-таки кончились, это не означало конца общепита, наоборот, он стал ещё гуще, интенсивнее, потому что сразу вслед за трактирами начался шатёр чайханы, деревянные настилы с подушечками, и тут уже на каждом квадратном метре что-то булькало, шипело, продавцы перемешивали плов в огромных чанах, варили рыбу в постном масле... Одновременно все варились в собственном соку, мухи были принципиально неотделимы от мяса, вообще казалось, что мир сейчас окончательно слипнется в единый ком самопожираемой еды... «Нет, всё-таки в Рыбачьем было лучше, — думал Линецкий, — и змея там хватала свой хвост, только пока Инна не навела резкость...» Эта странная мысль была слишком громоздкой, чтобы её высказать вслух... И Линецкий вслух её не

высказывал, подумав, что Переверзев тогда уже точно решит, что он перегрелся...

А на самом деле мысль была конкретная... Линецкому вспомнилось, как они в Рыбачьем пошли в горы, или, точнее, только к подножью гор, они ещё даже не дошли до виноградников... Когда он увидел змею, которая лежала на камне и... глотала свой хвост.

Это произвело на Линецкого очень сильное впечатление... Такое, что он и сам замер, замороженный... Инна растолкала его и спросила: «Ты чего?» Линецкий указал на камень... «Это полоз. Он не ядовитый», — сказала Инна. «Нет, это — уроборос», — сказал Линецкий. «Не знаю таких... Но даже если это он, в списке ядовитых его нет, вот это я знаю наверняка». — «Дело не в этом... Ты что не видишь — змея глотает свой хвост... Это гностический знак...» — «Ты присмотришься повнимательнее и тогда увидишь, что она глотает... Но не может проглотить!» Линецкий послушно подошёл к камню поближе, склонился над ним и тогда только увидел, что Инна права. Змея пыталась проглотить маленькую ящерицу, которая, в свою очередь, впилась своим ротиком в бок змеи! И так они лежали, причём окраска их была если не одинаковой, то очень похожей, и если бы не Инна, Линецкий никогда бы не заметил, что это на самом деле *два* впившихся друг в друга существа, а какое-то воплощение уробороса...

Кажется, Линецкий был даже несколько разочарован, когда Инна указала ему на ошибку, хотя одновременно почувствовал и облегчение, потому что при всей его несуетности вид материализовавшегося прямо перед носом уробороса слишком уж будоражил воображение... А так он сразу стал трактовать зрелище и думать — соответственно —

последующие пять минут о своём: навсегда ли они с Инной связаны... Или когда-то заколдованный круг распадётся...

Теперь же, когда круг распался и Линецкий шёл сквозь чайхану, ему вдруг показалось, что без Инны он вообще не в состоянии ни в чём разобраться... Пот разъедает глаза... Они слипаются... Всё слипается... Но даже если открыть... Мир кажется слипшимся... В комок... Застрявший в горле... Линецкий вспомнил, как однажды, поймав в скверике возле работы неожиданно сильный приход от косячка случайной подружки, вернулся домой и, найдя на кухне часы, которые угром везде безуспешно искал, увидел, что они показывают двенадцать, а за окном и не начинало темнеть, и чуть было не впал в безумие...

Дело было не только в часах — остановившихся, как потом оказалось, — но и в его собственных ощущениях. Линецкому показалось тогда, что время стало... «Смотри, этот день никогда не кончится», — сказал он. «Это ещё почему? Что ты несёшь?» — «Но ведь не темнеет...» — «Ну да. Потому что ещё не вечер». Линецкий протянул жене часы, она посмотрела и сказала, что они остановились. «Так правильно...» — сказал он... Жена взяла его за ручку и повела в спальню, там уложила в кровать и укрыла, подоткнув одеяло...

«Вот зачем нужна жена», — подумал Линецкий, вытирая хлещущий пот... Он тут же пресёк поток предательских мыслей: «Как бы не так! Это было один раз в жизни, когда она так заботливо меня укрывала, ни до, ни после... И что хорошего в том, что она увела меня из вечного дня, о котором говорят философы? „Будь один, если хочешь быть молодым...“ Ну да, потому что точно так же она докажет тебе потом, что вечер твоей жизни не наступа-

ет вовсе не потому, что ночь, „которая нас всех ожидает“... Оказалась белой... Это всё, что касается времени... Но есть ещё и пространство, и вот тут пока никаких аргументов в пользу бегства нет... Потому что куда я попал? Вместо Коктебеля — клоака...

Линецкий вдруг вспомнил, как тогда же, лёжа на кровати, ласково запелёнатый женой в байковое одеяло, он стал видеть в темноте и попытался закрыть ещё одни веки... Но это не получалось... Он почувствовал тогда, что находится в лабиринте с не очень высокими стенами... Можно, встав на цыпочки, заглянуть за стену, вдоль которой шёл всю жизнь, и там увидеть... Что? Линецкий это так и не узнал, потому что заглянуть побоялся... Ну, может быть, краем глаза... «Стал мигать обвал сознания, — шептал он, лёжа один в темноте, — жена готовила на кухне какой-то отчёт, — вот, казалось, озарятся даже те углы рассудка, где сейчас светло как днём...» Вот это он тогда понял со всей ясностью, что в рассудке есть бесчисленные дни, не обязательно прошлые, никто не знает, может быть будущие, а скорее всего они вообще не от мира сего, но такие же яркие, и туда можно заглянуть, может, даже попасть, перемахнув через стену... Но это страшно делать, Линецкий, лёжа на кровати, прилагал все усилия к тому, чтобы этого как раз не сделать...

Всё равно он не мог бы объяснить, что тогда почувствовал, и странно было ему, что он сейчас вдруг вспомнил об этом... Может быть, перед этим он подумал о наложении разных картин? Он уже не помнил, о чём он подумал...

— Послушай, это какой-то кошмар, — наконец застонал он вслух, — во время застоя здесь было в тысячу раз лучше!

— А мезозоя?

— Мне бы хватило и прошлого века... Где та карета... Но теперь-то зачем сюда было ехать? Ты же был здесь не так давно, неужели тебе понравилось?

— Ну, мне другое понравилось, я тебе говорил... А это... Агрессивный немного сервис, согласен... Но ничего страшного.

За шатром чайханы на бетонной площадке лежала груда мусора в человеческий рост.

И вот за ней уже ничего не было. Галька, море, линия горизонта. Чувство, которое переполнило Линецкому грудь, когда он это наконец увидел, нельзя было назвать иначе как катарсис.

Они поставили палатку на всё ещё диком холме. И даже под деревом.

Место было хорошим, неважно, что трава там сгорела... Кто-то из их предшественников уснул, а примус тем временем поджжёт траву, огонь перешёл и на кусты, или это были деревья... Слава богу, соседи потушили, они же и рассказали вновь прибывшим об этом. Не вся зелень сгорела, та, что осталась, имела бледно-салатный цвет, и как-то она всё прикрывала, на холме стояло ещё с десятков палаток, но они были с первого взгляда незаметны, — в общем, не было ощущения тесноты. Сверху были слышны голоса плававших в море людей. Остеклённое от безветрия море хорошо отражало звуки... Было немного странно так отчётливо слышать диалог плившей далеко от берега пожилой пары в розовых резиновых шапочках... «Это вы мне будете говорить?» — «А вот представьте...» Но голосов живших в пяти метрах не было слышно совсем. Здесь жили тихие, интеллигентные люди. После того как Линецкий увидел, во что превратили посёлок, холм с его кустами или, там, деревьями... Кажался просто райскими кущами.

На следующий день Переверзев неожиданно вспомнил о девушках, которых видел пять минут в Феодосии. Он разговаривал с ними в блинной, пока Линецкий отгонял мух от его подноса с едой. И хотя вокруг теперь было множество женщин (образы которых, по сути, и вдохновили Переверзева на тайную командировку), Переверзев настаивал на своём...

Впрочем, Линецкий ещё раньше понял, что логику в поведении физрука искать бесполезно, и в назначенный день и час они выдвинулись в направлении Кафы.

Единственное, что Линецкий запомнил, это то, что девушки работали в цветочной фирме «Роксолана». Просто потому, что так назывался роман Загребельного, в котором всё начиналось на невольничьем рынке в Кафе, — турки покупали там украинских красавиц для своих гаремов и борделей... «Но мы ведь не турки, и ничего мы не покупали», — бормотал Линецкий, по дороге ещё пытаясь убедить Переверзева, что не стоит им идти на эту стрелку. Ну ясно же, что девушки не придут. Ну что он, не знает, как это бывает с такими юными девушками, да ещё и на юге — конечно, они уже ничего не помнят...

— Да я и сам их уже не узнаю, — добавил Линецкий.

— Зато я узнаю их из тысячи, — отвечал физрук.

Как бы в качестве наглядного доказательства переверзевской глупости, на берегу, раскинувшись, лежали совершенно голые девушки. «Интересно, как он собирается узнать „наших“, — думал Линецкий, — очень интересно...» Лица у многих девушек были прикрыты панамками или платочками, зато их ракушки находились в такой близости от наших

персонажей... И одновременно от моря, так что распалённому сознанию Линецкого казалось, что это уже нечто большее, чем визуальное сходство... В Форосе он принимал участие в сборе мидий. Это рапаны жили на глубине четырёх метров, это их подбирали со дна Переверзев, а мидиями были попросту облеплены прибрежные камни... Запустив руку под воду, Линецкий находил их на ощупь...

На лице у Переверзева было олимпийское спокойствие. «Он запрограммирован на добычу глубоководных...» — с грустью подумал Линецкий. Растеряв все разумные аргументы, он ничего больше не говорил, но неожиданно для себя самого расхохотался.

— Что такое? — остановился Переверзев.

— Ничего!

— Потому что мы пообещали. Надо быть джентльменами.

Переверзев считал мысы, которые они огибали. Некоторую часть пути они проделывали вброд, вдоль скалы, или даже вплавь, а потом опять шли пляжи. Совершенно пустые и дикие. Жёлтые скалы, похожие на детские замки из песка. Уже ближе к Орджоникидзе снова появились люди. Совсем голых среди них теперь не было, если пользоваться терминологией Переверзева, это были «текстильщики». Побеседовав с одним из них, Переверзев вернулся к Линецкому (тот во время их разговора стоял в море по шею в воде) и сказал, что надобно им идти дальше.

— Ты помнишь, они говорили, что будут ждать нас у четвёртого мыса?

— Ничего я не помню! — сказал Линецкий. — Но мы прошли уже десять мысов по меньшей мере.

Всё, дальше иди сам, с меня хватит! Это твой личный бред, я к нему не хочу иметь никакого отношения. Я понимаю, что просто так подойти кодной из девиц, разлётшихся от Коктебеля до Орджоникидзе, подставив солнцу причинные места, не так легко... Причинно-следственные связи не так просты, как кажется... Об этом вздыхал ещё Экзюпери... Но тем не менее! Попытка — не пытка, и всё равно это будет в тысячу раз разумнее, чем идти чёрт знает куда только потому, что какие-то малолетки...

— Ты не разбираешься в возрасте, не такие они уже малолетки. Мы просто их не так поняли. Дед местный, вот он мне теперь всё и объяснил. «Четвёртый» — это не номер, а название, понимаешь? Это, говорят, замечательное место, чистейшая вода, потому что перед этим запретная зона. Вон, видишь колючую проволоку?

— А с чего это вдруг зона запретная?

— Потому что здесь раньше был военный завод. На нём делали торпеды с ядерными боеголовками.

Переверзев сказал это всё тем же своим весёлым и беззаботным голосом, и Линецкий подумал, что он таки да, немного того... Переверзев в этот момент напомнил ему дебила Лукашенко, который в ответ на вопросы, зачем он переселяет людей в заражённые участки, сказал, что всё это не так, как вы думаете, с этой самой радиацией... Что его приятель вообще не интересовался женщинами, а теперь вот, после того как пожил в таком районе, так и бегает за ними, так и прыгает...

— Ты хочешь подзарядиться радиацией? — сказал Линецкий.

— Ни фиги, — ответил Переверзев, — завод давно уже не работает. Там под землёй теперь делают вилки и ложки, фона нет, да его снаружи и раньше не

было... Я деда очень подробно расспросил, и там рядом ещё головами кивали... Туда, на Четвёртый мыс, часто приплывают на катере компании, местная молодёжь... Как ты думаешь, если бы была радиация...

— Мало ли кто куда приплывает... Зачем нам вообще идти в эту зону?!

Переверзев обошёл по морю загородь, обвитую колючей проволокой. На которой висела табличка: «СТОЙ!» — и пошёл дальше... Глядя на удаляющуюся гору мускулов, Линецкий подумал, что вряд ли она (эта гора) способна сознательно причинить вред своему здоровью.. Да и как-то было не по-людски оставлять Переверзева одного в этой зоне... «Хотя, с другой стороны, это его личное дело, взрослый ведь человек...» — думал Линецкий. В общем, он и сам не мог бы сказать, какого хрена... Он плюнул в сердцах и тоже обошёл загородь морем.

Они шли час или два часа, никто не засекал время. Линия прибрежных холмов повторяла ту, что кончилась перед колючей проволокой. Шли в жаркой пустоте зазеркалья, молча, обоим казалось, что сюда никогда не ступала нога человека. Только чёрные птицы — нырки с длинными клювами встречали их за очередным поворотом.

Последние сто или двести метров они проделали вплавь, прибрежные скалы не оставляли другого выбора. Переверзев плыл на спине, иногда под водой, с трубкой, поднимая над собой рюкзак...

На пяточке суши, со всех сторон окружённом скалой, Линецкий долго лежал ничком на гальке, в то время как Переверзев ходил взад и вперёд. Он уже начал деловито перекидывать какие-то камни, очевидно, готовясь к ночлегу, устраивая кострище...

— Щепки приплыли, — сказал, приподнимаясь, Линецкий, — и где же наши девушки?

— Где, где... — пробурчал Переверзев.

— Вот именно! — злорадно сказал Линецкий, приподнимаясь ещё больше и оглядывая окружающие их странные каменные образования. В центре композиции они были совсем уже странными, Линецкий сначала не поверил своим глазам, подумал, что это у него от гипервентиляции...

— Слушай, ты посмотри, что там... Вон там, да... Тебе не кажется, что это на что-то похоже?

— А-а-а... — сказал Переверзев, оглянувшись. — Есть маленько. А может быть, ты просто всегда о ней думаешь?

— Ты имеешь наглость издеваться!

— Нет, ты прав, если с этой стороны смотреть, то на самом деле похоже...

— Я уже думал — мираж...

— Да вроде нет, гранит или что там здесь бывает... Бентонитная глина.

— Ты знаешь, что недавно доказали: Стоунхендж — это каменная пизда... Я читал в «Science»... Это теперь считается общепризнанным... А сколько было гипотез, ты помнишь, астрономическая лаборатория, часы...

— Да, но там же люди всё-таки потрудились... А тут кто?

— Если профиль Волошина мог быть «изваян ветрами и судьбой»... А там, где кончается набережная, где стартовая площадка этих этажерок с пропеллерами, видел там два холма? Они представляют собой почти совершенную женскую грудь... Ну и вот, там грудь, а тут... Тут конец перспективы... Ладно, ты другое скажи... Надо было сюда идти?

Жизнь и ловля кистепёрых рыб

Чуть позже в глубине чёрного каменного свода они отыскивали источник... Благодаря тому что кто-то подписал его белой краской: «Исток». Капало из стены редкими каплями, но всё-таки за два часа наполнялось полбугылки. Пресная вода у них, таким образом, была. И это радовало, потому что идти назад в тот же день они не могли или не хотели. То есть у одного не было желания, а у другого сил.

Прежде чем уснуть, Линецкий забрался поглубже в некое подобие грота. В отличие от Южного берега здесь, на востоке, ночью было прохладно. Но в гроте всё же достаточно тепло, чтобы уснуть без спальника. Линецкий увидел морскую гладь с движущимся кружком света... Кружок стал расширяться... Он почувствовал, как малахитовая бездна с красными жилочками прогибается, образуя воронку, и втягивает его... И вдруг понял, что это — зрачок его жены... Вскрикнул и проснулся... Выполз из ниши, прошёл по галечной площадке. Переверзев спал под открытым небом, подложив под голову кусок пенопласта, который он днём выловил из моря.

Утром он проснулся рано, но благодаря Переверзеву, который не в силах был так просто расстаться с местом, где вода наконец была то что нужно... Он даже уговорил Линецкого нырнуть ночью в маске и с фонарём...

Линецкий нырнул и увидел, что рыбы ночью выглядят совсем не так, как днём... В луче фонарика они мелькали вокруг, как цветные стёклышки гигантского калейдоскопа... Потом ему приснился зелёный зрачок, а утром, когда он снова нырнул, под водой уже были обычные рыбы... Но при этом их было столько, что они оказали на Линецкого некое трансцендирующее воздействие... Он растворился на мгновение в этой воде... Потом ощутил себя одной из рыбок в пролетающей стайке... И только после этого снова Линецким... Он подумал, что этому способствовала прозрачность... Действительно необыкновенная прозрачность здешней воды... В общем, он вполне мог понять радость Переверзева, но не хотел ещё раз здесь ночевать...

— Чего ты так беспокоишься? — спрашивал Переверзев. — Пресная вода у нас есть. Капает не перестает, а еда в море плавает...

— Капает! Обрадовал! Я не хочу больше спать без спальника в этом каменном влагалище! Я ночью замёрз. И в темноте идти по горам я тоже не хочу.

— Так мы по воде пойдём.

— Тем более! Это уже не входит в программу многоборья...

— Ну да, это программа ДОСААФа.

— А не ОСОАВИАХИМа?

И как в воду глядел — большую часть пути они проделали в темноте, и с какого-то момента Линецкому казалось, что они идут над водой на бреющем полёте... Переверзев шёл впереди, освещая затопленный коридор фонарём... Периодически они ступали на сушу, шагали по каким-то сухим тропам, забираясь всё выше в гору, но потом эти тропы не-

избежно выводила их в море, луч фонарика упирался в очередную скалу, и они снова шли по воде, сначала по колено, потом по пояс, а потом уже казалось, что они скользят по морской глади... Он давно перестал чувствовать как избыток воды, так и нехватку воздуха... Он не знал, было ли это так называемое второе дыхание, о котором он слышал, но сам до сих пор никогда не испытывал, или что-то ещё, но факт был налицо, в какой-то момент марш-броска Линецкий перестал чувствовать усталость, при том что темп продвижения всё время увеличивался...

Уже где-то на подходе к Орджоникидзе за одной из скал фонарик Переверзева выхватил вдруг из темноты огромного мальчика в серых трусах... Или это были закатанные парусиновые брюки... Он не стал заслонять глаза от света фонарика, только закатил глаза... Скосил их куда-то вправо и вверх — к Полярной звезде или к Большой Медведице...

Он был похож на одного из одутловатых персонажей немецкого художника, на выставке которого Линецкий побывал в прошлом году в Москве... Там на всех картинах были странные одинаковые мальчики в семейных трусах, с неоновыми лампами... Только у них практически не было лиц, а у этого было... И всё равно он напоминал тех, с немецких полотен...

Вообще, что-то было эпическое в самой этой картине — как он шёл по морю в час ночи...

Ещё и поэтому обиденный тон, которым он спросил...

— Вы не видели, там волосатые молоко не варят? — спросил он таким обиденным тоном, как будто они были в городе и он спрашивал, где ближайшая булочная...

— Нет, — сказал Переверзев, — ничего такого мы не видели...

— Может, не заметили? — сказал парень. — Ну, костёр где-то там, а?

— Костёр был, — сказал Переверзев. Хотя Линецкий не видел и никакого костра...

Но ничего удивительного не было в том, что он чего-то не видел, он всё время смотрел туда, куда упирался луч фонарика... Луч ушёл в сторону, и парня как не бывало... Человек это был или отблеск человека... Какой-то невидимый костёр...

— Очень странный тип, — думал Линецкий, маршируя дальше по пояс в воде...

В лице парня было что-то, что невозможно было назвать... Линецкий подумал, что вот если бы умел рисовать... То непременно попытался переложить на холст... Бредущего по воде мальчика...

— Почему, собственно, мальчика? — подумал он. — Мальчик не младше меня, наверно... Лет сорок... И всё равно мальчик... Этаким бутуз...

Или потому что «мангупский мальчик»... Так на горе Мангуп называют некоторые виды популярных привидений...

Как бы то ни было, если он добрёл до костра и выпил молоко, он сейчас всё равно призрак...

— Если бы я умел это, — ещё какое-то время думал на ходу Линецкий, — я бы написал это маслом...

Но вскоре он перестал думать о живописи... Под ногами у него всё перемешалось: суша, море, сны, холсты...

«Оглянись, незнакомый прохожий... Мне твой взгляд неподкупный знаком...»

Они шли и шли... Без конца... На бреющем полёте... «На честном слове и на одном крыле...» — пел Переверзев... Или Линецкому это только казалось?

Интересно, что сам приход в посёлок Линецкий потом вообще не мог вспомнить...

Последнее, что он помнил, был толстый сорокалетний мальчик, искавший «чёрное молоко»...

— Да хоть бы и белое.. Где я ему возьму молоко в три часа ночи? — повторял он, не понимая, что с ним происходит...

На следующий день стало ясно, что он заболел. Чем — неизвестно, просто подскочила температура.

«Наверно, это торможение в верхних слоях атмосферы», — думал он...

Задача была — избежать сгорания в нижних её слоях...

Вечером температура явно продолжала подниматься, и Переверзев решил, что Линецкому одному со всем этим не справиться.

Врач из Киева, живший в соседней палатке, уже уехал, и всё, что Переверзеву удалось, — это приписать Линецкому сестру милосердия.

В их отсутствие на холме появились две старые знакомые Переверзева...

Их красочная заграничная палатка была похожа на присевшую на холм чёрно-красную бабочку..

Они принадлежали к числу старожилов — если разделить жизнь на две части, южную и северную... Что примерно и происходит — в памяти... Обе были из Москвы, одна играла на скрипке, другая — на арфе, в двух разных оркестрах.

Обе всё время были на гастролях и друг друга среди года почти не видели. Поэтому отпуск всегда проводили вместе.

Всегда в Коктебеле.

Она положила руку Линецкому на лоб.

— Горячий. Тридцать девять, наверно, или все сорок. Но это быстро пройдёт. Если будешь меня слушать.

— Слушаюся, повинуюсь...

— Хорошо. Во-первых, не думай, что ты обязан меня трахнуть.

— ?!

— Дело в том, что я предпочитаю женщин. Вторых...

Линецкий пил травяной чай и слушал её странный монолог... Она говорила о впечатлении, которое на неё произвёл Папа Римский Иоанн Павел II... Она незадолго до этого видела его во время гастролей... Она говорила об острове Лесбос... Она зачем-то даже цитировала Линецкому стихи Сапфо... Чуть погодя она делала пассы над ним и бормотала: «У тебя есть дырка... Вот в этой чакре... Это твоя астральная связь с женой... В эту дыру всё проваливается...» Линецкий думал, глядя на её руку, что она продолжает играть на своём древнем инструменте, закрывая глаза, он видел решётку струн...

— Ты можешь сыграть концерт Гайдна для арфы? — спросил он.

— Почему Гайдна? Может быть, Генделя?

— Да-да, Генделя... Или Волленвайдера...

— Ты думаешь, она у меня с собой?

— Кто тебя знает... Рояль в кустах... Арфа — стриптиз рояля... Может быть гитара? Гитары тоже нет? Ну что такое... Но струны всё равно, везде и всюду.. Пронизывают... Вся вселенная из струн, ты знаешь... Это самая правильная на сегодняшний день теория... Всё — только бряцание ржавых русских струн... Нет-нет, ты не уходи...

Проснувшись утром, Линецкий сразу понял, что выздоровел. Он вспомнил, что такие вспышки бы-

вали у него на юге. На севере то есть они были не такие краткосрочные, ОРЗ, грипп, минимум — неделю... А на побережье, как правило, день-два, и всё проходит, и что это было — неизвестно, да и какая потом разница... Вера лежала у другой стенки палатки. Кажется, он заснул в её объятиях. Семь потов сошло с него, спальник был совершенно мокрый, удивительно, что Вера откатилась к другой стенке...

Линецкий смотрел на её руку и ничего не мог понять, какая-то странная комбинация из пальцев... Вера во сне показывала дулю? Нет, тут было что-то другое. Часть пальцев торчало в противоположную сторону... А увидев ногу Веры, Линецкий почувствовал, что у него едет крыша... Ступня раздваивалась, это была какая-то странная лапка...

Это было особенно странно, во-первых, потому что он этого накануне не заметил. И, во-вторых, её совершенное тело модели... Всё это никак не вязалось... И она ведь играет на арфе, вспомнил Линецкий.

— Страшно? — сказала она.

— Нет... Я удивляюсь только тому, как я мог не заметить...

— У тебя была высокая температура, да и темно... Днём ты видел меня издали, тапки я снимаю, только когда вхожу в воду...

— Но в палатке было не так темно, ты зажигала свечи...

— Нет, только ароматную палочку...

— Ты делала пассы...

— Я их делала твоей рукой... Ты даже не заметил.

— Ты... Ты очень красивая, правда...

Линецкий почувствовал, что тут надо предъявлять другие доказательства, он начал целовать её губы, шею, грудь, губы, грудь...

— Мои родители жили возле горы, которая внутри была из урана.

— Возле этой горы? — Линецкий кивнул головой в сторону Орджоникидзе.

— Нет. Далеко... Мы жили на Урале. Красивая, говоришь? Красота — это только та часть, которую вы способны вынести...

— Да нет, — сказал Линецкий, — это не так...

Он подумал, что её раздваивающиеся стопы... Впрочем, вряд ли он в этот момент думал словами. В голове у него мелькали картинки... Статуя Венеры без рук, но с проросшими ветвями... Кадр из фильма: Витгенштейн, очутившийся на том свете... Или не на той планете... Где его приветствует мугант... Или говорящий эмбрион...

— Но это на материальном уровне, — говорила Вера, — а подлинная причина, почему это со мной так... Однажды я узнала ответ.

— И что это?

— Но сказать я не могу.

— Почему?

— Ну не могу, и всё... Даже Оле... Знаешь, у меня есть ребёнок. Мальчик. Ему три года, и он совершенно нормальный. Может быть, немножко быстрее развивается, чем сверстники. Отец его даже не знает, что он есть...

Говоря это, она гладила своими клешнями его руку...

Ольга сказала Линецкому, что ей нужно с ним о чём-то поговорить, предложила встретиться в посёлке, в баре «Малибу».

— А почему мы вместе не можем туда пойти?

— Я не хочу, чтобы Вера знала. Она собиралась сегодня идти к знакомым в Тихую бухту, вот мы

в это время и встретимся. Скажешь, что тебе нужно звонить...

— Да я найду что сказать.

— Вот и прекрасно.

— Вера очень чистый человек, — сказала Ольга, когда Линецкий пришёл в «Малибу» и сел за столик. На Ольге было алое платье — кусок материи, завязанный на теле подобно огромному пионерскому галстуку. Чёрные волосы — причёска каре. Из-под чёлки сверкали маленькие сердитые глазки...

— И очень хрупкий, — сказала Ольга, выпуская дым. — Она живёт в своём мире... И ей этот мир необходим, как улитке раковина, понимаешь? А ты можешь на неё наступить, как ты вообще наступишь на улиток.

— Почему ты решила, что я наступаю на улиток?

— Потому что один раз ты это сделал при мне. Вчера, когда мы возвращались с концерта. Ты просто даже не заметил, ты не услышал хруст. Вокруг было много других звуков...

— Но это же случайно.

— Случайно, да... Я просто боюсь за неё, понимаешь? Поэтому я хотела тебя попросить: если для тебя это просто так, развлеченьице, остановись, пожалуйста. Оглянись — вокруг столько женщин...

— Я подумаю над твоими словами, — сказал Линецкий. — А ты не возражала, когда Переверзев посылал её меня лечить?

— Нет, она ведь просто хотела тебе помочь. У неё очень сильная аура. Ты разве не почувствовал?

— Но при этом хрупкая оболочка?

— Может быть, именно поэтому... И вообще, я ведь не знала, что она тебя будет именно так лечить...

— Но догадывалась... — неожиданно мягко сказала она после долгой паузы. — Смотри, смотри, сейчас дождь пойдёт.

Линецкий оглянулся и увидел, что за дверью выросла водяная стена. Он заказал два стакана портейна и подумал, что сейчас они разговоятся о чём-то другом, но струи дождя были гулкими и обладали такой притягательной силой, что они пили молча, глядя за дверь. Ольга сворачивала самокрутку, Линецкий подумал, что Вере тяжело было бы проделать такую же манипуляцию... Он не знал, что ответить Ольге. Она напоминала рассерженную перепёлку, которая пытается отвлечь от своего гнезда непрошеного гостя... Там, в гнезде, — Вера, её щупальцы... Странными были тактильные ощущения, которые они вызывали, Линецкий даже не знал, с чем их сравнить... С проползновением по коже... Улитки? Он подумал, что Ольга сейчас перетягивает невидимый канат, который проходит сквозь него... То, что она была «левой» — так называли себя эти лесбиянки, — не должно было сбивать с толку. Вера тоже ведь начала с деклараций... Он подумал, что с этим у них у обеих не всё так определённо... Наверняка... То есть да, конечно, любят друг дружку, но это не мешает им изредка затягивать к себе на дно особь противоположного пола... Для разнообразия, что ли... Вера сказала, что мужчины у неё были не раз, не только отец ребёнка... Но что Линецкий был самым горячим... Тридцать девять градусов всё-таки... На следующее утро, правда, остыл... Но ещё несколько дней продолжал совершать фрикционные движения... Они снова и снова сплетались в причудливые узлы... Он замирал в ней, казалось, что они превращаются в двуполого октопуса, о котором он читал в «Science»... Жи-

вёт на страшной глубине, как светящиеся рыбы... Или даже ещё глубже... И он не давал себе надолго замирать, он снова начинал двигаться, трепыхаться... Не раз на них при этом падала палатка, они лежали в мешке, с притворным ужасом ожидая, что сейчас придёт великан Ю, описанный Чжуан-цзы — это Вера в одно из падений вспомнила — взвалит их на плечо и унесёт в мешке палатки на рыбный базар или на птичий рынок..

Это были странные дни... Иногда ему казалось, что он это делает, просто чтобы доказать ей, что она такая же, как и все... Но для таких доказательств — они соединялись по пять раз в день, да и в остальное время представляли собой колебательный контур — лаская друг друга тут и там... Одного гуманизма для этого не хватает... Тут что-то другое... Что? Линецкий точно не знал... Но догадывался... Что ни о какой любви здесь не может идти и речи... Что-то отгалкивало его от Веры, даже не её раздваивающиеся стопы, что-то внутреннее... Какая-то скучная тайна... Так что он ничего не мог Ольге возразить, когда она упрекала его в несерьёзности... Тем не менее, все эти дни Вера вызывала постоянное желание, это был парадокс..

Впрочем, парадокс был не такой уже и новый... Лёжа в этом состоянии, переплетённый странно кончающимися конечностями... Линецкий вдруг подумал, что его собственное либидо было подобно компасу... Он ведь и в зрелом возрасте так и не научился узнавать заранее, с какой женщиной ему будет хорошо, а с какой лучше ограничиться лёгким флиртом... Раз на раз не приходился... Примерно через раз это происходило... А потом — снова стрелка, дрожь, торчала в направлении севера... И он полз туда — когда женщина своим вектором

соответствовала... А если нет — член не вставал.. То есть указывал на самом деле в другую сторону.. Благодаря этому Линецкий полз по-пластунски всю жизнь в одном и том же направлении.. (Он вспомнил и то, как совсем недавно ползал по газону в спальнике... С дочерью полка... Это казалось наглядным доказательством его геополовой теории.)

Так он приполз к Вере, с которой вот уже который день творится что-то странное... Не имеющее никакого отношения ни к любви... С одной стороны... Ни к гуманитарной миссии, с другой..

Он вспомнил статью в «Science», которая называлась «Конец обезьяньего театра»... Шопенгауэр называл секс «обезьяньим театром»... Статья была посвящена новой тогда виагре... Утверждалось, что теперь, после её изобретения, театр закроется..

«Может быть, и так, — думал Линецкий, — цирк уехал, клоуны остались... И я — один из них...» Он никогда не пробовал таблетки... Просто полз всё время в одну сторону..

«И всё-таки это лучше, чем каменные гениталии, — думал он, — пятого мыса... Или четвёртого... Можно ведь было и в такое упереться, если всю жизнь ползти в одном направлении... Если моё либидо действительно было связано не с животным магнетизмом женщины, а с её расположением... И не столько даже ко мне, сколько по отношению к полюсам Земли... Так лучше уже пусть будет живая Вера, — говорил себе Линецкий, — во всяком случае, пока суть да дело... Не такой уж я „мужчина лёгкого поведения“... Но так получается, что теперь делать...»

Плавали они тоже вместе, и ночью в воде он иногда думал, что это уже не шутки... Она оплетала его, когда они плыли далеко от берега... Она была

выше его чуть ли не на голову и длиннее во всех направлениях... Линецкий чувствовал себя в воде особенно маленьким и беззащитным, ему казалось, что Вера в конце концов в буквальном смысле утянет его на дно... Но каждый раз они чудесным образом оказывались на берегу... Сидели у костра... Переверзев молчал, Ольга тоже, было такое впечатление, что все что-то понимают, что-то уважают, чему-то отдают должное... Это отношение окружающих раздражало его... Хотя он же сам послал Переверзева подальше, когда тот в самом начале предложил что-то совместное... «Не строй из себя группенфюрера», — сказал он, и Переверзев, пожав плечами, отвалил... А потом вдруг — монолог Ольги в «Малибу»... На который Линецкий смог только — в свою очередь — пожать плечами...

Через день после этого разговора Веры рядом с ним утром уже не было.

Он выполз из скомканного брезентового гнезда, подошёл к морю, оглянулся и увидел, что и чёрно-красной бабочки на холме уже нет...

Он зачем-то ездил в Феодосию, подходил к московскому поезду... Как бы для очистки совести... Хотя что-что... И чья-чья... А уж его-то совесть была чиста, не правда ли?

Девушек на перроне он не нашёл... Может быть, они перелетели не в Москву, а на другой холм...

Погода испортилась, шёл затяжной дождь... Он хотел было уехать, стал собираться... Но потом передумал... От отпуска оставалось ещё две неизрасходованные недели, кроме того, он ведь так ничего и не понял... Как жить дальше... С кем и зачем... Переверзева погода не пугала, всё равно он был большей частью в воде... Или спал с Тамусей — огромных размеров девочкой из Нижнего Новгорода...

У неё, похоже, было начало слоновьей болезни, но Переверзев действительно не придавал значения внешности...

Вообще, в этом «волнорезе» всё было не так просто... Что он там рисовал на самом деле в своей тетрадке? Иногда казалось, что что-то такое происходит при этом с пространством перед ним... Оно — вот именно раздваивалось... Линецкий подумал, в частности, что он теперь может себе представить, как ужаснуло бывшую жену Переверзева известие о том, что где-то есть дубль его семьи и, стало быть, её двойник.. Он сам, когда наутро увидел, что у сестры милосердия раздваиваются ноги... Мельком подумал, что Переверзев загнал его всё-таки в угол... Пятый угол, пятый мыс... Волны мылись о мысы... «Шизофрения — вирусная инфекция, передающаяся так же, как грипп», — вспомнил Линецкий статью всё в том же журнале... Доктор, сделавший это открытие, стал лечить больных с помощью переливания крови... Он утверждал, что более чем успешно — результаты были в два раза лучше, чем при использовании традиционных методов... «В наших мозгах полным полно вирусов!» — сказал доктор в интервью и, по словам журналиста, соорудил при этом такую страшную гримасу.. Шутник.. А кто не псих? Но как бы то ни было, можно было не сомневаться, что физруку с Тамусей тепло... Что при такой погоде и было самым важным. Наверно, поэтому он и выбрал эту живую печь... Одно время была даже такая присказка: «Ебать Тамусю!» Линецкий вспомнил, что Глебов, его школьный приятель, одно время произносил это по любому случаю... «Так что физрук спит не просто с очень большой девочкой... А с нарицательной сущностью... А Глебов покончил с собой... Но при

чём тут Глебов... На самом деле там — в присказке — была вовсе не Тамуся... Я вспомнил... „Тулюся“ там была, или даже „ту Люсю“, как-то так... Уезжать пока не хочется... А что, если перебраться на частный сектор?»

Перемещение оказалось делом одного часа. Линецкий сразу нашёл то, что искал, вещей у него было немного, Переверзеву, который где-то в этот момент плывал в море или ебал Тулюсю, он оставил записку с адресом...

Снял комнату он очень дёшево, почти в таком же сарайчике, как в Рыбачьем... Только Инны не было рядом, и Веры не было... И кур не было... Никто не клевал его по утру в пятку...

И так как шли дожди, спал Линецкий долго... Сарайчик стоял поблизости от потухшего вулкана юрского периода... Линецкий почти никуда не ходил, смотрел на залив, сидя на пороге своей хибарки...

Иногда он всё же вставал и шёл вниз по тропинке, которая вела мимо белокаменной химеры... Вокруг чудовища стояла железная ограда... Но самое смешное заключалось даже не в этом... Кто-то не только воздвиг памятник существу... Которое Линецкий видел на картинах Дюрера, Кранаха...

Только там оно везде было зелёного цвета, а это было белым...

Химера была ярко-белой, как свежая штукатурка... Дракон, Волос, Василиск... Заказчик распорядился ещё и поставить у железной калитки живого охранника в камуфляже... Смены караула не было, просто охранник стоял не всегда. Но когда стоял, мог впустить прохожего, если тот согласен был купить билетик. Всего за три гривны... Тогда можно было посидеть у подножья обелиска на лавочке,

в окружении цветочков... Анютины глазки там были высажены... Новорусские навороты... Да нет, всё это вообще уже превосходило человеческую фантазию... Подзорная труба на штативе... Заглядывание в её окуляр не входило в цену за билет — за это надо было заплатить охраннику ещё две гривны... Чтобы посмотреть на море с точки зрения... Химеры? Нет, не химеры... А кого тогда? А того, кого... Кто воздвиг совсем не песчаный замок на берегу, тоже огороженный со всех сторон забором, но попрочнее. Каменная химера — это часть его. Кого? Того... Владений, внешняя, хотя, кто знает, может быть, ему же принадлежат и эти холмы...

Перед воротами замка была квадратная бетонная площадка... Если штормило, её края полоскали волны. Кроме того, в любую погоду её по вечерам драили швабрами батраки, жившие рядом с крепостью в строительном вагончике. Днём — нет, днём они очищали канал или, точнее, дорогу, асфальтовую, надо было полагать, с высокими бордюрами, которую почему-то всё время затапливало, и двести снулые фигурки выгребали из неё воду совковыми лопатами. Линецкий видел это сверху, сидя на пороге своей комнаты. Куда вела эта дорога и откуда, было непонятно, она обрывалась, не доходя до замка, но при этом ясно было, что сделали её чересчур глубокой, ниже уровня моря, и откуда-то в неё поступала вода... Это напоминало какой-то старый потёртый бред, субботники, где они всем отделом кололи подводный лёд, военные лагеря, где они всем взводом копали в степи бессмысленную траншею. Всё делалось с одной целью — занять людей. И даже когда всё кончилось и страна ушла под воду, кто-то продолжает скрести воду совковой лопатой, как бы уже с обратной стороны,

но также — от забора до обеда, — думал Линецкий, переводя взгляд от вычерпывающих людей к Кара-Дагу... Профиль каменной бородатой головы отсюда не был виден, но Линецкий знал, что он есть, и вчерашний монолог выжившего из ума старика — мужа хозяйки — о выдолбленной в подводной стене Кара-Дага стоянке атомных лодок казался ещё более фантазмагоричным. Линецкий представлял себе, как чёрная голова выпускает изо рта ракету, как она летит... Он провожал её взглядом до самого горизонта и пытался вспомнить прочитанный в детстве шпионский роман «Атомная крепость». Ничего не мог вспомнить, кроме потрёпанной — уже тогда, когда книга попала ему в руки, — тёмно-синей обложки с чёрными контурами... А потом менялось освещение, и весь залив начинал напоминать сцену амфитеатра, казалось, что Кара-Даг и Хамелеон подтягиваются друг к другу, как будто чей-то большой и указательный пальцы, и вот-вот сомкнутся в кольцо. Линецкий уже больше не знал, что может быть лучше, чем просто сидеть и смотреть сверху на этот залив, поэтому он никуда и не ходил, кроме ближайшей столовой. Днём казалось, что чёрная гора медленно погружается в море, но всё происходило ровно наоборот: гора медленно выпивала море, и не только море — всё вокруг становилось чёрной горой, которая, однако, внутри была полой, никаких подводных лодок там не было, или их не было видно, внутри был первобытный мрак, ни звёзд, ни лунной дорожки, но Линецкий продолжал смотреть сверху — теперь уже только на бетонную квадратную пристань у ворот замка, освещённую жёлтыми фонарями. На краю её стоял подъёмный кран — чтобы поднимать причалившую лодку или катер. За всё время

никто туда не причаливал, и даже тот факт, что пристань исправно драили по ночам швабрами, по мнению Линецкого, вовсе не говорил о том, что всё это кому-то нужно... Может быть, это были работники сцены, может быть, у них были более широкие полномочия... Каждый раз, когда они исчезали из серого квадрата, Линецкий машинально искал их в темноте — могло быть и так, что они ходили теперь по чёрной воде, натирая её до утреннего металлического блеска. Выдолбленные в Кара-Даге атомные пещеры — это, конечно, старческий бред, думал Линецкий. Хотя... Ведь с другой стороны — за Хамелеоном — на самом деле был подземный торпедный завод, почему бы тогда было не построить неподалёку от него пристанище для их носителей?

Крысы прибоя

Пловец был уже на очень большом расстоянии от берега, едва угадывался чёрной точечкой на горизонте. Так что ничего особенно тревожного не было в том, что пунктирная линия его заплыва с какого-то момента больше не прослеживалась. Доплер предложил Лене посмотреть, что он успел набросать в блокноте. Он надорвал нижний край странички, обернул полоску бумаги вокруг шариковой ручки и стал елозить ею вверх-вниз.

— Поздравляю, — сказала Лена, глядя, как чернильный человечек взмахивает руками среди нарисованных волн, — ты вернулся к самому истоку. «Волшебный фонарь» ещё не зажигался...

— И понял я... Что это — не названия картин, не сцены, но разряды матерьялов... И что в душе, в далёкой глубине, сидит такой завзятый рисовальщик... И иногда рисует *lune de miel*...

— Что такое «*lune de miel*»?

— Медовый месяц.

— Но ты нарисовал вовсе не его.

— Но я же не завзятый рисовальщик, тот — в глубине души, конечно, — это и рисует, что же ещё? А вы так делали в школе? — спросил Доплер, двигая ручкой вверх и вниз, расправляя и сворачивая полоску бумаги, заставляя пловца и дальше плыть в стиле баттерфляй...

— Делали. Только картинки были непристойными.

— А Так это вы рисовали медовый месяц... Четыре чёрненьких чернявеньких чертёнка чертили чёрными чернилами...

— Доплер, мне очень понравился фильм, правда. Я даже не ожидала.

— Спасибо за откровенность...

Накануне они увидели на заборе афишу. Она висела как-то странно, в тени развесистой шелковицы. Лена забрела в тёмный закоулок, чтобы сорвать чёрные ягоды, и заметила там афишу — в кинотеатре бывшего Литфонда показывали фильм, название которого — «День» — Лене ничего не говорило. Только когда пошли титры, она поняла, что это что-то из его «наследия»... Но она действительно не ожидала ничего подобного, он ведь сам её убедил, что всё, что он снимал, не стоит выеденного яйца...

И всё же повёл в этот маленький кинозал, и там началось что-то удивительно стереоскопическое... Хотя фильм был нормальный, никаких очков им не выдавали... Но действие происходило в Крыму, и от этого всё время казалось, что, завернув за угол, камера захватит их самих и завернёт в рулон другого пространства... Лена смотрела на экран, где была огромная шахматная доска или, точнее, площадка... На ней стояли фигуры и сидели люди на ладьях, головки которых были плоскими, без всяких зазубрин... А рядом с шахматной была танцевальная, на которой, однако, никто не танцевал, просто серый квадрат точно такого же размера, как шахматный, с маленькой сценой на краю... Музыканты играли что-то похожее на балладу «Лед Зеппелин», камера вдруг поднялась над землёй, и это стало совершенно чётко видно: все люди бы-

ли на одной — шахматной — половине, кто-то сидел на фигурах, многие стояли, переминались с ноги на ногу, ходили вперёд и назад, но — только в пределах шахматной доски.

А потом две фигурки встали и перешли на пустую площадку.

Лена вдруг вспомнила, что последним проектом Доплера была экранизация романа Витольда Гомбровича. Доплер говорил ей, что поначалу, когда он ещё не принял решение совсем уйти из кино, его смущало наукообразие, в которое выливались наброски сценария. Схемы поглощали жизнь, он чувствовал, что его несёт куда-то не туда... Он советовался со знакомыми математиками, в его собственной голове оживали рудименты знаний, полученных, когда он был студентом и учил точные науки... Пока не стал «точить очные», как он скаламбурил... Лена теперь могла всё это представить, и ей даже казалось, что, посмотрев его «День», она краем глаза заглянула и в невоплощённый «Космос», которым Доплер, по его словам, хотел объяснить смысл «подстановок», использованных Гомбровичем для решения Основного уравнения...

— Доплер, ты говорил, что подготовка к «Космосу» завела тебя на чужую территорию. А на чью, не сказал.

— Мне показалось, что то, как они у меня перемещаются в анизотропном пространстве, напоминает Тарковского... Ну помнишь, эти бросания гайки, или чего там, со шнурком, или с ленточкой... Герои Гомбровича в Закопаном — говорящее название, да? — они тоже, чтобы сделать шаг, бросали у меня что-то вроде гайки... То есть у Гомбровича это не так, там переходы с места на место более сложные, губы — верёвочка — палочка — воробейчик.. Предметы вы-

страиваются в указатели... Не только предметы — там же, в общей куче, слова, слова... Роман-ребус... В кино так не получится... Да я ведь и не хотел экранизации «влоб», как ты понимаешь... В какой-то момент я вдруг понял, как это должно быть... Набросал в общих чертах, но на следующий день подумал, что я иду след в след, повторяя многошаговый метод сталкера...

— А может, это было бы не так уж и плохо? Разве можно избежать аллюзий?

— Да нет... Я не хочу сейчас всё это ворошить... Все эти игры с Абсолютом...

Было множество других причин, на самом деле, вполне материальных, это был кризисный период, полный распад, чтобы делать кино в то время, нужен был фанатизм, которого у меня не было... Конечно, это должно было выглядеть несколько иначе... Например, они бы не бросали гайку, а подвешивали её.

— Зачем?

— Они же в Закопаном... Чтобы узнать, в какую сторону производить самокопание...

— Понятно.

— Такое путешествие в Лимбы... «Там близких нет, лишь опыты над ними. Над сердцем человеческим и только...» Я вот что сейчас подумал: ведь где-то здесь упал твой Бойс... Во время войны Гагарин слетал в верхний космос, а потом разбился о нижний... А Бойс слетал в нижний и...

— Ну, и?

— «Земля под нами» — ты же сама рассказывала...

— «Und in uns... unter uns... landunter...» Я курсовую об этом писала...

— Дашь почитать?

— Если найду... Я там писала, что легенда о Йозефе Бойсе — это немецкая «Повесть о настоящем

человеке». Только наш стал летать с протезами ног, а немецкий — головы...

— Точно, Мересьев, а не Гагарин, я перепугал... И здесь же, кстати, впервые поднялся в воздух Сергей Королёв...

— Не надо больше здесь копать, Доплер.

— Чтобы попасть в «Космос»?

— Да.

— В воздухе рыть могилу? Как у Целана... В общем, мотивов было много, Лен, планы большие... Слишком большие... Ты права, не нужно больше копать. А то докопаемся...

— До чего мы можем докопаться? Что ты двадцать лет назад на этом самом месте...

— Занимался онанизмом.

— Я этого не говорила...

— Да нет, это же «Космос», вывернутый наизнанку, вспомни конец, ты ведь сравнительно недавно читала...

— А, нуда. Берг?

— Берг. Пойдём домой? — сказал Доплер. И положил руку на её бедро.

— А ты меня там не повесишь?

— Повешу. Но это же будет в невесомости, Лен, так что ты... Ты просто полетишь со мной рядом, на таком шёлковом поводке, да? Да?

— Ну нет, мой Шейлок, — сказала она, хватая руку Доплера, скользившую вверх уже по другой стороне бедра, — веди себя прилично, вокруг люди...

— Пойдём в комнату?

— Днём? Ты что? Эй, прекрати, проснись ты...

— Тогда в море?

— Нет. Ты иди сам поплавай. Я посижу. У меня, наверно, низкое давление, я хочу ещё кофе.

* * *

Доплер стал спускаться по лесенке на пляж. Прежде чем голова его исчезла, он подмигнул ей. Лена невесело кивнула... Что-то ей не нравилось собственное самочувствие... Подошла официантка, Лена сказала «кофе», но та начала уточнять, какой именно... «Какой покрепче», — сказала Лена. Она видела, как Доплер прошёл мимо огромного пловца... Пловец кивнул и что-то сказал, но похоже было, что Доплер этого не заметил. Когда она сделала первый глоток двойного эспрессо и открыла глаза, пловец уже был на террасе. Почему-то в непосредственной близости от её столика. И он спрашивал разрешения сесть... При этом он был явно чем-то ошарашен... Если бы это происходило лет пять назад, она бы, не задумываясь, решила, что всё дело в ней... Но теперь у неё уже не было полной уверенности... Она хотела ему возразить, но вместо этого сказала:

— Ну да, в принципе... Только учтите, что сейчас мой муж придёт.

— Так я о нём и хотел спросить.

— И что же вас интересует?

— Это Пётр Доплер? Или просто очень похож на него?

— Нет, — улыбнулась она, — допдель-Доплер — это было бы уже слишком... Это просто Доплер. Собственной персоной. Ему приятно будет, что вы его узнали, молодой человек, — сказала она и усмехнулась. «Молодой человек» был старше её лет на десять, и она, стало быть, говорила сейчас не от своего лица, а от лица Доплера...

— Ну как же, я так люблю его фильмы... «Ворованный воздух», «Нет — любви», «Личное дело Степашина»...

— А я вот ни одного не видела, представьте. До вчерашнего дня.

— Вы вчера познакомились?

— Ну что вы, я же вам сказала — мы женаты... Просто вчера я впервые увидела его фильм.

— Какой?

— «День».

— Отличный фильм. Но как же, вы — его жена и не видели ни одного его фильма?

— Один. Вчера. Слушайте, а что вы там увидели? — сказала она, сделав ударение на «вы». — Я имею в виду море. Когда вышли... На вас же только что ещё лица не было... Я не поверю, что это из-за того, что встрестили режиссёра... Вы не похожи на барышню, мечтающую стать актриской...

— Да, вы правы. Было ещё кое-что... перед этим. Но вы всё равно мне не поверите.

— А вы попробуйте.

— Что попробовать?

— Так рассказать, чтобы я поверила!

— Я увидел там медузу.

— Ну и что? Впервые, что ли?

— Она была не простая... Это я так говорю — медуза, а что это было на самом деле, я не знаю. Мне кажется, что я поседел, знаете... Вы видите у меня седые волосы?

— Да нет, не вижу.

— А вот так, теперь видите?

— Слушайте, уберите свою голову, вон мой муж идёт.

— Ну и что? А что мы такого делаем?

— Но что он может подумать?! Что я у вас блохищу, вот будет умора... Уберите голову, вы брызгаете на меня, а здесь холодно...

— Холодно?!

— Мне да... Здесь сквозняк всё время какой-то... У меня низкое давление... Нет у вас никаких седых волос... Ну, так что вы там увидели?

— Сначала мне на плечо легла скользкая ладонь, я её стряхнул. Меня передёрнуло. Я заставил себя всё же взглянуть — нырнул и посмотрел в точку, где я только что был... Там была медуза, знаете... Но не простая, а в форме человеческой головы. Прозрачной такой, мугноватой слегка, ну как медузы всегда бывают, но форма-то была человечесья...

— Как вас зовут? Персей?

— Меня зовут Виктор. Виктор Переверзев.

— Ха! Похоже на Персея... Но ещё больше на что-то перверсивное... И что же дальше?

— Она была похожа на вас. Копия ваша, знаете... Из какого-то прозрачного материала. Висела под водой такая прозрачная голова...

— Ну и фантазия у вас, батенька...

— Здравствуйте, — сказал Доплер, усаживаясь за столик.

Переверзев встал и начал говорить что-то про большую честь, но Доплер его прервал.

— Я вас умоляю, — сказал Доплер и жестом попросил сесть.

— Я видел все ваши фильмы, — сказал Переверзев.

— Не верю, — сказал Доплер, — ни одному вашему слову.

— Ну зачем вы так?

— Потому что некоторые не были в широком прокате... Впрочем, вы могли не знать об этом и думать, что видели все... Но я и в это не верю.

— Ну зачем вы так? — повторил парень. — Конечно, я мог не все знать, но я многие видел, правда. Мой приятель, ещё с института, был председате-

лем киноклуба, он брал фильмы, которые почти нигде не шли, мы собирались...

— И какой же это был институт, позвольте поинтересоваться?

— Физкультурный.

— Замечательно, — сказал Доплер.

— Физкульт-привет! — улыбнулась Лена и что-то шепнула на ухо Доплеру.

— Привет! — сказал Переверзев. — Я вам не мешаю?

— Ну что вы, что вы, — сказала Лена, — нам очень приятно. И вы не дорассказали про медузу.

— Какую медузу? — спросил Доплер.

— Виктор утверждает, что видел в море медузу, которая как две капли воды была похожа на мою голову.

— Ах вот оно что, — сказал Доплер.

— Доплер, ты не хочешь написать об этом в своей колонке?

— Что написать? — сказал Доплер. — Это давно ведь уже написано.

— Это была другая медуза, — сказал Переверзев, — то есть она была из того же материала, что медузы, но это была голова... Я никогда ничего не пугался в море, чувствовал там себя всегда как дома. А тут вдруг струхнул. Даже не помню, как к берегу примчался, мне кажется, на сушу я просто вылетел...

— Так вы дельфин, — сказала Лена, — выбросившийся на сушу.

— Ну да, я плыл «дельфином», так в народе называют баттерфляй...

— И плывёт дельфином молодым по седым пучинам мировым... — пробормотал Доплер без всякого выражения.

— Мне показалось, что я поседел, — сказал Переверзев.

— А как это вам показалось, у вас что, и зеркало с собой было? Доплер, у него фамилия Персеев!

— Переверзев. Зеркало висит на стене кафе, со стороны пляжа... Если по лестнице спуститься...

— Висит? — спросила Лена.

— Висит, — кивнул Доплер, — так что в следующий раз возьмите его с собой под воду.

— Чёрт знает что, — сказал Переверзев, — я теперь боюсь нырять... Никогда такого со мной не было.

— Хотите выпить? — спросила Лена.

— Я не пью.

— А я выпью, — сказала она. — Доплер, закажи мне, будь добр, вот этот коктейль. Мне название понравилось.

— «Крысы приборя»? Это же надо, — удивился Доплер, — ты не боишься такое пить? Он не с мышьяком?

— Не думаю. Это, наверно, из песни «Наутилуса»: «...мы идём за ним, как крысы, и скрываемся в приборя, музыка под водой, музыка под водой...»

— Скажите, — вдруг как будто что-то вспомнил Переверзев, — что такое «эффект Доплера»? О вас тогда писали, и мой приятель перед показом вашего фильма тоже что-то об этом говорил, но я ничего не помню...

— Хорошо, я вам расскажу. Значит, было так. Прежде чем снимать художественное кино, я снимал документальное. Сам себе и режиссёр, и сценарист, и оператор, ну да, чего там рас-страиваться... Бродил себе по задворкам цивилизации... Которые казались мне романтическими — живописные такие помойки, знаете... И всё снимал... Пока какой-то

злой мальчишка не швырнул в меня бульжник и не расфигачил мою камеру вдребезги! Одна из стеклянных брызг попала мне в глаз. И с тех пор я всё вижу как-то не так, как все... Понимаете?

— Наш ответ Чемберлену, — Лена захлопала ладоши.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Доплер. — Я ведь говорю всё как есть.

— Да я вижу, вижу... Глаз за глаз, сказ за сказ...

— Да ну какие там сказы! Ведь сто раз писали, что у меня осколок застрял в глазу, что я всё вижу поэтому в чёрном свете, «расколотый объектив привёл к чистому субъективизму»... И всё такое... «Все его фильмы поэтому с червоточинкой»... Вы просто молодые, не помните...

— Но это же когда было, — сказал Переверзев, — теперь ведь этого нет?

— Чего нет?

— Ну, я не знаю, идеологии. А значит, и «эффекта Доплера»?

— Эффект есть! — несколько экзальтированно воскликнул Доплер. — Он со временем только усилился. Вы даже себе представить не можете! И за примером не надо далеко ходить... Вот вы тут сидите, присели из самых чистых побуждений, конечно, поприветствовать героя вчерашних дней и всё такое, сказку нам рассказать — всё совершенно невинно, я же понимаю... А знаете, как я вижу эту сцену?

— Как?

— Мне кажется, что вы, пользуясь преимуществом в возрасте... и барельефности мускулатуры... Пыгаетесь украсть у меня мою возлюбленную! Рассказываете нам тут басни про медуз... А на самом деле в вашей сказке всё очень просто — вы не хотите прямо признаваться в любви и делаете это по-

средством проекции... Напускаете на нас какие-то туманности... андроидов...

— Я на самом деле её видел! Но то, что она похожа именно на Лену, это я... Это могло мне показаться, Лена — это была первая человеческая голова, которую я увидел после той, что была под водой. Но при этом я не давал ни малейшего повода...

— Это точно! — воскликнула Лена. — Вы даже не заметили, что я — не только голова, что у меня ещё есть тело, — вот высшая степень воспитанности, Доплер! Как ты можешь его упрекать?

— Ладно, остыньте. Осколок в глазу у меня, понимаете? Вот вам и весь эффект Доплера, молодой человек... Сидите, сидите, я же вам не говорю, что это так и есть. Я уже научился с этим справляться... Каждый раз говорю себе, что люди на самом деле не такие, что это мне только так кажется... Ведь правда, что мне это только кажется?

— Правда, — сказал Переверзев, — конечно, правда... Но прозрачную голову под водой я всё-таки видел!

— Хорошо, я буду считать ваши слова предупреждением. Взгляд со стороны бывает, знаете... Самый верный...

— Ну ничего себе, — рассмеялась Лена, — ты веришь в эту клевету? Попробуй лучше коктейль, мне нравится.

— Я не пью в это время суток, — сказал Доплер, — попробуйте вы, молодой человек.

— А я вообще не пью.

— Вот это я понимаю, — сказал Доплер. — Друзья мои, а вы обратили внимание на стены этого заведения?

— Зеркало, — сказал Переверзев, — овальное там висит.

— И всё? А внутри? Вы не можете прочесть вслух, что вон там написано, а то мне плохо видно...

— Осколок мешает?

— Наоборот, я не вставил линзы... Чтобы в море не потерять. Нет ничего печальнее, чем потерять в море линзу, знаете... Это всё равно что быть каплей... и попасть в океан.

— Держу бокал, — прочёл Переверзев, глядя на стену, — в нём блеск огня и пламень счастья и восторга. И с восхищением на меня краса свою любовь исторгла...

— Знаете, я, пожалуй, пойду посмотрю вблизи, — сказал Доплер. — Там ещё какие-то фотографии...

Доплер встал из-за столика, подошёл к кирпичной стене и увидел, что к ней прикреплены фотографии Аксёнова, Е. Попова, Приставкина... Все они были запечатлены в обнимку с одним и тем же незнакомым Доплеру человеком, и Доплер сделал вывод, что это и есть местный поэт, чьи стихи украшают стены заведения. «Этот „Богдан“ нам Богом дан», — прочёл Доплер и вспомнил, что заведение так и называется. Табличка же висела над входом, а возле двери были столбиком высечены фамилии посетивших это место литераторов, десятки, если не сотня фамилий, среди которых кого только не было... «Мда, — сказал Доплер, — чего не бывает... Весь цвет литературы эсэсэсэр...» А с другой стороны, что тут такого уж удивительного — ну Ложко (так звали поэта — Доплер узнал это из подписей, которые различил под фотографиями) в обнимку с Аксёновым, ну и что такого... Доплер подошёл к полке, на которой стояли книги сфотографированных классиков, раскрыл «Вольтерьянцы и вольтерьянки» и прочёл: «Так вы отправите, девы, меня

в царство Тартара! Млеет мой старческий органон, булькает негой; боюсь за сосуды... Разве ж поэты стареют? — что-то ему возразило. Величие нарастало. — Или Овидия ты позабыл, доблестный старче?» «Вполне могли спеть дуэтом», — подумал Доплер, закрывая книгу и снова глядя на фотографию, где Аксёнов стоял рядом с поэтом Ложко. За их спинами виднелся вокально-инструментальный ансамбль на маленькой сцене. Кирпичная стена благодаря фотографиям и надписям-цитатам казалась Доплеру куском декорации... Из какого-то старого черноморского водевиля... Доплер обернулся к столику и тихонько присвистнул. Теперь уже там было два молодых человека... «На юге по вечерам на свет слетаются мужики...»

Вся троица оживлённо о чём-то беседовала. «О Бойсе? — подумал Доплер. — Наверяд ли... Песенка такая была: „бойс, бойс, бойс“... Вот это ближе к теме, да...»

Лене всё это явно нравилось... Что, в общем-то, было вполне естественно... Вот только лицо у второго субъекта что-то не внушало доверия... Чтобы смотреть спокойно со стороны... На эту медузу... Готторна? Натаниеля... У медузы, кстати, двадцать четыре глаза... Здесь бы ровно столько камер и надо было установить... Слежения...

«Лена, конечно, не ребёнок, но запросто может заиграться, — думал Доплер, возвращаясь к столику, — а чем тогда отстреливаться? Есть ли ещё порох в пороховницах?»

Второй подсевший тоже оказался большим любителем кино. Все фильмы Доплера он не видел, но одно название произнёс... Да и вообще выказывал всяческое уважение. Доплеру это польстило. Он решился выпить с ребятами стопку водки.

Точнее, с одним ребятёнком, потому что атлет в самом деле ничего не пил алкогольного...

— Вот вы напрасно, — говорил тот из них, который пил, — смеётесь над Ложко. Как говорится, художника легко обидеть... А он зато мужик настоящий был...

— Он что, умер? — спросил Доплер.

— Нет, но его инсульт разбил. Лежит, бедняга, не встаёт... Он же не может вам ответить... Он настоящий поэт, вон на стойке его стихи лежат, видите стопочки? Не надо его обижать, ладно?

— Конечно, не надо, — сказал Доплер. — Простите, а вы ведь тоже слагаете? Я угадал?

— Нет. Я писал когда-то песни, но уже давно завязал... А то, что здесь всё так грубовато, так это даже по приколу, понимаете?

— Где грубовато?

— Здесь, в «Богдане». Мне вот ваш приятель сказал, что вы это всё воспринимаете, как какой-то гротеск. Да ещё и напротив входа в Литфонд...

— Я не знаю, что вам сказал молодой человек, но мы ничего такого не обсуждали... Просто не успели.

— А я всегда иду с опережением. И я вам вот что скажу: это как раз очень правильное место.

— Я с вами согласен. Это не гротеск, нет... Это грот... Это мавзолей какой-то, знаете...

— Это точно! Точно! Хотите, я вам расскажу, как на самом деле книжки пишутся?

— Хотим, — сказал Доплер, — будьте так добры, расскажите нам наконец-то, как пишутся книжки.

— Слушайте. Это было году в девяносто первом, то ещё было времечко, сами всё помните... Ну вот, и в нашей команде весёлых разведчиков... Завелись тогда три «крысы», наш бригадир их быстро вы-

числил... Но они успели смотать удочки. Шеф из принципа решил их найти, и мне это поручил. Я узнал от шестёрок, что уроды попрятались в тоннеле метро, в таком тупике, заброшенная ветка там была, ну начали когда-то копать линию.. И бросили... Мы взяли с пацанами автоматы, дрезину, поехали... Но они почуяли — к рельсу ухо, что ли, приложили... Чингачгуки... И снова смотались, а чтоб нас запугать, сделали метки на стенах, стрелки такие со своими именами, типа: «Коля, здесь не забудь свернуть», мы поехали по этим меткам, а они вели в действующий тоннель, чуть под поезд не попали, подстрелили на слух какого-то бомжа, но «крысы» так и не нашли... Вышли чёрт-те где на землю, из какого-то депо, ну да, мы же в депо заехали... Ну вот, вышли, сели в трамвай и стали это обсуждать по дороге, «крысы», мол, обманули нас своими метками, слова написали на стенах...

А через неделю или две еду я снова в трамвае — тачку тогда сдал в ремонт — и слышу, как старушка старушке без вазелина втирает: «В метро крысы-мутанты завелись... Огромные, величиной с овчарок... И разумные... Даже писать могут, люди сами видели, как они на стенах слова писали, на особом своём языке...» Смеётесь? Я тогда тоже посмеялся.. Но это было только начало! Был у нас такой врач участковый, его все называли «поющий доктор», он пел, когда на вызов приходил, пока стетоскоп вынимал. Потом замолкал на время, а потом опять себе под нос чё-то напевал. Я его однажды чуть не завалил, без дураков... Он моей жене аппендицит лечил — при помощи массажа поясницы... Она, бедная, уже сама дотянулась до телефона, вызвала «скорую», а он и тогда, когда «скорая» приехала, продолжал её уверять, что это радикулит, и масси-

ровал ей поясницу — в широком, я подозреваю, смысле... Ну вот, а в больнице сказали, что у неё острый аппендицит, и прямо на стол — хуяк.. Простите, я случайно... Я потом его вызвал на дом — себе, хотя я не болею никогда... Только чтобы ему самому аппендицит вырезать. Но он вовремя просёк фишку и сбежал. Наверно, тоже в метро спрятался, а потом какими-то крысиными норами за границу... Долгие годы его не было в городе, я о нём забыл. Всё изменилось, я теперь мирный... Ну, бронепоезд там стоит... Под землёй... Однажды сижу в гостях, именины у одного «ботаника», у родственника моей новой жены, и вдруг заходит доктор. Я его узнал, а он меня нет, он же меня мельком видел, только во время одного из визитов к моей бывшей. И теперь не узнаёт. Он садится за стол, я пересаживаюсь к нему, мы чокаемся, я ещё не знаю, что буду с ним делать. Может, и ничего, время ушло, с женой давно развелись, так что, чего он ей там массировал, меня теперь, в общем-то, не колышет... Я в неопределёнке такой, а он, как назло... На брудершафт, блядь, пить хочет, истории мне свои эмигрантские выливает на голову. Я сижу молча, делаю вид, что слушаю. Пока ему самому не надоело... И он задумался, надулся... И говорит: «А ещё я роман начал писать!» «О чём?» — спрашиваю. «О крысах-мугантах... Это будет мистический психотриллер... Это будет такое... Представь: на людей в метро нападают гигантские крысы! А? Как тебе?» И делает такие глаза, аж щетина на нём топорщится... Ну полный улёт... Псих, конкретный дебил... Вот так вся литература и делается, ясно? Сначала бабки по испорченному телефону в трамвае что-то услышали, беззубыми своими ртами перетёрли... Потом какой-нибудь айболит без крыши подслушал шам-

канье ихнее — вот вам и роман — глотайте! Гониво это всё!

— Ну, говорить можно всё что угодно, — пожал плечами Переверзев.

— Так ты что, думаешь, айболит его не написал? Ещё как написал! Его везде продавали потом, «Крысы в лабиринте» называется, в нашем городе его все читали. Кучу бабок заработал — вот так, из воздуха! Ну, так что такое литература после всего этого? Чего она стоит, я вас спрашиваю? А вы смеётесь над поэтом, который искренне всё пишет и правильно... «И я с неистовым стараньем ищу любви и красоты!» — прочёл он, глядя на стену.. Ну кто под этим не подпишется? Разве что вы, — кивнул он Доплеру, — но это потому, что вы уже нашли..

— Да, я уже нашёл, — кивнул Доплер.

— Я предлагаю выпить, — сказал раскрасневшийся браток, глядя на Лену. — Господа! Мы забыли, что за нашим столом присутствует роза!

Роза, медуза, кинжал в букете... Доплер почувствовал, что всё это уже выходит за рамки... Да и количество крыс переходило уже всякие пределы разумного... Какой-то крысиный коктейль... Крыса, выпрыгнувшая изо рта сумасшедшего бандита... В рассказе Гомбровича крыса залезает в рот... «Пора, — подумал Доплер, — пора сматывать удочки, иначе не такое начнётся бембергование... Бембергование бембергом в берг...»

— Берг, — вслух сказал он, — я устал немного, а ещё надо на базар зайти...

— Пойдём, пойдём, — сказала Лена. — До свиданья, мальчики!

Ночью Доплеру снился всё тот же «Богдан»... Откуда-то он знал, что это «Богдан», вот только Богом ли он теперь был дан или наоборот... Дан: Бог...

Найти то-то и то-то... Доплер часто во сне задавался натурфилософскими вопросами, ставил мыслимые и немыслимые эксперименты... «Богдан» теперь выглядел не так, как днём... Обстановка напоминала старинный охотничий замок, пылали факелы, на стенах висели оленьи рога, на паркете кое-где виднелись толстые лужицы медуз. Поэт в очень светлом костюме и рубашке с красными цветами взял Доулера под руку и обратил его внимание на то, что под каждыми рогами висит табличка. Доплер прочёл одну, другую, третью... Все фамилии были ему известны... Похоже было, что это орден роконосцев... Открылись кованые двери и начался бал... Всё закружилось под музыку вальса... Только поэт не танцевал, он молча стоял у окна... В руке у него была тёмно-зелёная керамическая чаша... В тот момент, когда он поднял её к устам, руку его перехватила женщина в длинном платье с павлиньими перьями. «Пусти, Шинель, — сказал поэт, — я выпью эту чашу до дна...» «Нет, — сказала женщина, — у тебя уже был один апокалипсис... Я не дам тебе ещё раз нас всех угробить...» Между ними завязалась борьба, но чем она кончилась, Доплер так и не узнал. Он успел увидеть внутренним оком красные брызги вина, великолепный паркет и ножки танцующих... Точнее, только короткие фрагменты ножек, потому что все они были обёрнуты в мешки...

Проснувшись, Доплер подумал, что это были не мешки, а... «Старые добрые холщовые бахилы... Раньше их выдавали при входе в некоторые музеи... И мы скользили в них по ореховому паркету... Между холстов передвижников... А теперь их выдают на входе в некоторые сны, — думал Доплер, глядя на Лену, завернувшуюся в простыню, — хотя музей

у нас как раз наяву... Кровать с железной сеткой... Да я и сам... Музей кино... Никелированное быльце... Вот это уже точно забытое слово». Доплер немного покачался в сетке, и Лена проснулась. Он стал разворачивать её, одновременно покрывая поцелуями...

— Представляешь, а я во сне видел карнавал... Некоторые танцевали в мешках, а некоторые в бахилах... Но ты же не знаешь, что такое бахилы...

— Как это «я не знаю», — сказала Лена, — у меня они есть...

— Ничего у тебя нет... Вот это всё, что у тебя есть...

— А у тебя зато такой нет, — сказала она тоном совсем маленькой девочки и убрала его руку. Повернулась спиной, попробовала снова завернуться в простыню.

— Ты просто не видел мои сапоги, Доплер, — сказала она, — они — бахилы...

— То сапоги, — сказал Доплер, переворачивая её на спину, — то другое, а просто бахилы — это такие...

— Ну и чёрт с ними, Доплер... Похожи на бациллы... И хорошо, что у меня их нет... Ой, насилуют...

Доплер, взявшись руками за железные прутья изголовья, резко подтянулся...

— А что такое быльце, ты знаешь? — проговорил он прежде, чем съехать вниз.

— Наверно, ещё одно название... Того, что сейчас во мне? Или какой-то его части...

— Нет...

— Говори тогда, холодно, горячо или тепло...

— Нет, это ты говори...

— Так нечестно, Доплер... Я же первая... Ну ладно... Вот сейчас было тепло... Вот так... Да, да, да!

— Так что такое быльце, Доплер? — вспомнила она, вернувшись из душа. — Оно бывает в пуху? Говори же, холодно, тепло, горячо? И вставай, лежебока, а то уже скоро полдень, а мы всё никак..

— Ну, раз мы всё никак.. Тогда я тебе подсказу, а то ты будешь целый день гадать..

— Кто? Я?

— Ты Быльце — это самое холодное, что есть в этой комнате.

— А-а, поняла... Это то, на чём ты подтягиваешься по утрам... Но не я... Я угадала?

— Да. Но теперь пришла моя очередь гадать... Лен, ты имитируешь оргазм?

— Ну что ты, Доплер... Вообще не ожидала от тебя такой пошлости... Я просто играю в слова! Ты же сам начал... Ой, а что ты хочешь с ними сделать? — спросила она, увидев, как он снимает со стены часы и вынимает из них батарейки.

— Они слишком громко идут... Когда я ночью просыпаюсь... Потом трудно уснуть из-за их тиканья, — сказал Доплер и положил часы циферблатом вниз на щербатый подоконник.

— Ты странный, Доплер, — сказала она, когда они вышли из комнаты. — Знаешь, когда ты вынимал из часов батарейки, у тебя был такой вид... как будто ты вынимал их из меня.

— Смотришь в корень. Если будешь себя плохо вести, я так и сделаю!

— Ха-ха, — сказала она и толкнула его в плечо, — теперь у тебя тумбочка на батарейках, и... Смотри, Доплер, если ты будешь себя плохо вести, она от тебя уйдёт!

— Мораль: не хранить в ней деньги?

— Ну конечно. Какие же мы с тобой по уграм догадливые, Доплер. И ебучие. Вообще — замеча-

тельные. Вот только слишком мнительные... Прекращай на меня дуться. А деньги держи где угодно. Все персонажи русской классики брали деньги из тумбочки, потому что мебель от них никогда не убегала, в отличие от зарубежной классики... У Мопассана есть такой рассказ, помнишь?

— Это было и у нас: Чуковский, «Мойдодыр»...

— Ты мой до дыр! Мой гид! Мой Мопассан! — восклицала она, взмахивая рукой...

— Мсье Мопассан превратился в животное! — прорычал Дошлер и стал душить её в объятиях.

— Не надо! — сказала Лена. — Прошу тебя, не надо так шутить...

Крушение хрустальной башни

«...Никакой не уроборос, а ящерица, укусившая змею... Мы же видели это в Рыбачьем, в миниатюре... И здесь тоже земноводное — хамелеон... Его бок выпустил изо рта чёрный василиск Кара-Дага...» — с помощью такого вот бестиария Линецкий в этот момент отвлекал себя от более навязчивой мысли...

На самом деле залив напоминал ему фрагмент лабиринта, который он когда-то увидел с закрытыми глазами... Неровные стены, за которыми скрывались другие углы рассудка... Здесь разомкнулись... В просвете не оказалось ничего, кроме моря... На гладкой поверхности которого оставались светлые следы... То ли от ветра, то ли от взгляда, которым Линецкий слишком уж долго водил по поверхности...

Он сидел у входа в свою хижину и смотрел на морскую гладь, машинально репарируя маленькое сооружение, похожее на пульт управления космического корабля, построенного в каменном веке...

Камни падали, Линецкий клал их снова, один на другой... Просто так, машинально... Ноу-хау принадлежало отшельнику, у которого они со Степанычем однажды ночевали в горах.

Маленькая кладка без раствора защищала отшельника от ветра... Они вышли к его стоянке слу-

чайно... Впрочем, не совсем случайно — поднявшись на Яйлу, они услышали пение, которое доносилось непонятно откуда. Вокруг никого не было видно, хотя до горизонта всё просматривалось во все стороны, вплоть до края плато... Потом стал наползать туман, они шли долго, а пение продолжалось, причём не становилось ни громче, ни тише... То есть звук поднимался вверх и падал вниз, но это не было связано с расстоянием, так было с самого начала...

Пение растекалось по траве вместе с туманной сывороткой, непонятно было, где и на каком языке... Но где-то пели, это было очень странное явление, Линецкий тогда подумал: хорошо, что рядом Степаныч, иначе запросто можно было бы свихнуться...

Хотя... Когда они вышли на отшельника — чуть не наступили, он лежал на спине и пел, — оказалось, что ничего страшного... Как эта баба у Лескова: «Не одна, а с Богом», — примерно так же сказал им отшельник.. Ветер, чабрец, мята, полынь.. Лежишь на спине, раскинув руки... Пение, как воронка... Иногда в неё затягивает странников...

Линецкий пока что не лежал, раскинув руки, а молча сидел на ступеньках, да и халупу его нельзя было сравнить с кельей... Которая, по словам отшельника, была скитом ещё с Петровских времён...

Скорее даже, наоборот — Линецкий теперь жил в коммуналке... Хоть и не в замкнутом пространстве — перед глазами морской простор, но за спиной — человек двадцать или сорок — кто их считал, соседей... Так что его полукруглая стеночка из камней делалась скорее всего из подсознательного желания... Отпетым ушельцем Линецкий стать пока что не помышлял, но немного оградить себя от

человечьего шума был бы не прочь... Особенно в данный момент, когда под боком, или, точнее, за спиной у него затевалось прямо-таки народное гулянье. Неизвестно, по какому поводу, но ясно было, что не просто так.. Просто так гуляли и так каждый день, тут же было что-то особенное, связанное с хозяевами... Часть народа, заселившего хозяйские курятники, была связана с хозяевами каким-то родством, Линецкий что-то слышал краем уха... У него создавалось впечатление, что он угодил в цыганский табор..

Несмотря на это, он редко спускался к морю... Как будто нашёл здесь, на возвышенности, такую точку зрения, от которой трудно было отказаться даже на короткое время...

Однако в этот момент он уже думал было встать и пойти вниз по тропинке, потому что помимо криков — их ещё можно было перенести — теперь со стороны хозяйского дома раздавалась музыка: «А ну быстрее, брат, налей... За бизнесменов и врачей...»

Линецкий подумал, что надо пойти погулять... Но вспомнил, что эта же песня преследовала его вчера и внизу — примерно в это же самое время она перекачивалась, как бильярдный шар, из одного трактира в другой... «Так что спасение сейчас можно найти только в море», — подумал он и зашёл в комнату, чтобы взять плавки и полотенце, включил свет, и в этот самый момент в проём двери заглянула радостная физиономия...

Заглянула снаружи внутрь, но из-за совпадения её появления со вспыхнувшим светом Линецкому показалось, что физиономия поджидала его в комнате...

— Ты качку будешь?

— Какую «качку»? — сказал Линецкий, чувствуя на предплечье чью-то руку... Он уже стоял у порога, и лысый теперь был не один, рядом была похожая на него женщина... Казалось, что это тот же самый лысый, только в парике... Они что-то приговаривали и тащили Линецкого в направлении белой мазанки, где горели гирлянды цветных лампочек и пели: «...за музыкантов и воров...»

— Какую качку? — повторил Линецкий, чувствуя, что ноги его предательски идут в направлении стола... Он на самом деле был голоден и не знал, что будет делать, первым делом, спустившись на берег, есть или плавать..

Пустой желудок напомнил ему вдруг, что «качка» — это не русская качка, а украинская «угка»...

Соблазн выпить горилки и закусить жареной качкой победил отвращение к песне...

Хотя эта самая песня подавляла Линецкого просто даже на физиологическом уровне...

Но желудочный сок оказался сильнее — Линецкий вдруг понял, что уже сидит за столом со стаканом в руке и так же, как все... С нетерпением ждёт окончания длинного витиеватого тоста... После которого из открытых дверей иномарки — специально повернутой к застолью толстым задом — зазвучало: «...налей... налей... за бизнесменов и врачей... и за девчонок, что порой... нас увлекали за собой...»

Через несколько минут неожиданно пришло спасение — в машине сел аккумулятор. Пока кто-то ходил к себе в комнату за магнитолой, можно было спокойно выпить и закусить... Без вредных вибраций... Что Линецкий и хотел уже сделать, но тут к нему подседа статная немолодая дама и стала вполне недвусмысленно приставать... Линецкий выпил с ней, но от руки её стал отстраняться, ука-

зывая на её мужа, который сидел совсем неподалёку... «А мы с ним уже не живём давно... Как муж с женой, — сказала женщина. — Так что не бойся...» Линецкий подумал, что тут ещё неизвестно, чего нужно больше бояться, женщина казалась совершенно безбашенной... Она схватила его и подняла на ноги... Тут как раз и магнитола подроспела, женщина повела Линецкого в каком-то чудовищном танце, Линецкий пытался освободиться от её захватов... Возле них внезапно оказался и её благоверный, Линецкий инстинктивно сжался... Но тот, распахнув руки, сгрёб обоих в охапку и поочерёдно поцеловал взасос...

Очевидно, пьянка продолжалась уже очень давно, думал Линецкий, отплёвываясь...

Магнитола тоже вдруг замолчала... И муж своей жены запел! «Запрягайте, хлопцы, кони...» Песню подхватили и все остальные, а жена благоверного — Линецкий уже забыл её имя — тем временем потащила Линецкого куда-то в сторону его хибарки... Он заартачится, сел на лавочку, и она сразу же отпустила поводок, присела рядом с ним... Ясно было, что так просто она его не отпустит, но и на рожон лезть не будет, есть всё-таки у неё своя женская гордость...

Линецкий сидел и слушал историю её интимной жизни с полковником бронетанковых войск... Который в этот момент пел уже другую песню... Конечно, он — бывший полковник, а теперь бизнесмен, но женщина по-прежнему называла его полковником... Она сказала, что он полное ничтожество, давно уже не спит с ней... Зато избивает регулярно... «Если бы ты только знал, как он меня бьёт...» — говорила она голосом, в котором не было ни слезинки... Линецкий подумал, что она специ-

ально это говорит, чтобы его разжалобить... А там от жалости и до греха недалеко... Рассказы замужних женщин о том, что мужья с ними не спят, Линецкий давно уже научился пропускать мимо ушей...

Она жарко зашептала на ухо Линецкому, что она не простая, а золотая... У неё свой бизнес, у неё такие связи... Она может содержать не только полковника — на самом деле это она содержит мужа, — но и целый полк, если не дивизию... Но полк ей не нужен...

Ей зачем-то нужен был только Линецкий...

Линецкий вдруг подумал, что голова его представляет сейчас кастрюлю, в которой варят борщ... Перемешивая ложкой, добавляя специи...

Варка была делом небыстрым, баба пока только пробовала свою стряпню, одними губами...

Линецкий не очень-то и отстранялся...

Но когда она произнесла слова «мой котик», Линецкий почувствовал дежавю и одновременно — нехватку воздуха...

Так его называла только милиционерша...

Линецкому тогда было восемнадцать... Собственно, восемнадцатилетие своё он встретил на пляже... С ундиной внутренних дел... Она была старше его лет на семь... И приехала на Кавказ из Минска... Где работала в УВД... Кем — Линецкий не запомнил, но он точно помнил, что она носила форму... Так она ему сказала, на море она, конечно, была без мундира...

На ней был синий купальник... Синие глаза, ярко-белые волосы, фигура... Всё как из глянцевого журнала... Может быть, это была самая красивая — в общепринятом смысле — девушка в его жизни... Волосы только были слишком белые... Днём они

слегка напоминали сладкую вату... Ночью, в луче берегового прожектора, они будто вспыхивали и горели ярче, чем сам луч... Как будто вокруг неё было световое облако... Юноша от этого окончательно сходил с ума...

Линецкий отдыхал тогда на Кавказе со студентом из своей группы, которого с первого курса все почему-то звали Степанычем...

На море они впервые столкнулись с парадоксом...

Ну, может быть, дома было не до того, факультет у них был тяжёлым, заниматься много приходилось... А тут было непонятно: вокруг столько девочек, просто всё кишит... И при этом уже неделя, как они никого не могут снять...

Вот и в тот вечер поход на дискотеку окончился ничем, уже всё опустело, было темно, они, как два истукана, сидели на лавочке... Звенели цикады... Степаныч нашёл кусочек мела, которым дети днём рисовали на асфальте свои «классики»... Перешёл улицу, присел на корточки и стал писать на дороге огромными буквами поперёк: «Мы хотим ебаться!»

Как раз, когда он закончил, в конце улицы показались две фигурки...

Линецкому стало стыдно, он хотел стереть слова с асфальта... Но сообразил, что не успеет... Девушки были уже в десяти метрах... Он пошёл к ним навстречу... Чтобы задержать, пока Степаныч не сотрёт с асфальта нецензурную надпись...

Вряд ли Степаныч её стёр... Во всяком случае, эта надпись так и осталась в памяти на асфальте... Тут Линецкий припомнил и строчку своих юношеских четверостиший: «Моя жизнь превращается в остров... В асфальтовый остров с кусочком мела...»

Он никогда ничего не писал мелом на асфальте, во всяком случае в сознательном возрасте... И те-

перь эта надпись, сделанная Степанычем на асфальте, и свои стихи, написанные в блокноте... Контаминировались? «Да нет... Но смешно», — подумал Линецкий и стал вспоминать дальше...

Но цензурные слова, с которыми он тогда обратился к подругам, встав у них на пути, он не мог вспомнить, как ни пытался...

Может быть, это были магические слова, а может быть, просто решительность, с которой он преградил сёстрам — оказалось, что это были двоюродные сёстры, — дорогу, произвела впечатление...

Что-то он стал им говорить... Услышав, *что* он говорит, одна из них от смеха не смогла устоять на ногах... Села на первое, что ей попало под попу... На мусорную урну... И сидела на ней, заходясь от хохота... Наклоняясь и разгибаясь... Как на ночной вазе...

Когда она успокоилась, они пошли дальше, к ним присоединился Степаныч...

И для Линецкого началось что-то похожее на бред...

Днём Линецкий с милиционершей лежали в обнимку на горячей гальке, ночью были выходы в ночной сад... Белые волосы с электризацией...

И не только волосы — всё было наэлектризовано...

Она то и дело гладила его и говорила: «Мой котик»...

И так раздражила за эти несколько дней, что он чуть не сошёл с ума...

Дала впервые в ночь на его восемнадцатилетие, на пляже...

Он подумал, сидя на скамейке с закрытыми глазами... Пьяная женщина уснула, положив голову ему на плечо, а он подумал, что, если бы не разго-

вор в электричке... Где бы он был сейчас? В Беловежской Пуще?

Для начала она предлагала поехать в Сочи, погулять вечером вчетвером, а потом отправить младшую сестру (очень хорошенькую, но, по словам Степаныча, совсем ещё застенчивую) и Степаныча обратно в посёлок, а самим остаться в Сочи — денька на четыре... В гостинице... Поселиться нет проблем — у неё же удостоверение... А потом сразу махнуть к её родителям в Минск...

Её родители тоже так поженились — через три дня после того, как познакомились...

И бабушка с дедушкой... То есть у них это было наследственное...

Линецкий чувствовал себя похищенным из коляски ребёнком...

И ему нравилось это чувство...

Всё было как во сне... Они ехали в электричке, сидели напротив — две пары... Степаныч был немного грустный, её сестра тоже... Зато сама милиционерша была как пьяная, всё время говорила... Говорила — что пела... Об одном, о другом, третьем... О пятом, о девятом... Линецкий не помнил, как вдруг она перешла... Кажется, её уже никто не слушал, ни он, ни сестра, ни Степаныч, она разговаривала с соседями по сиденью...

Но это он расслышал... «У нас в семье сейчас такое горе, знаете...» — сказала она после небольшой паузы... «Что ж случилось, детонька?» — «Брат женился на еврейке». — «Ну ничего, бывает, что ж...»

«А вы знаете, что еврейки — это совсем не плохо? — вмешался ещё один голос. — Еврейки — это не страшно, поверьте моему опыту... Чистоплотные даже, да-да, я вам точно говорю... Вот евреи — это да, это действительно, эт-то, я вам скажу...»

Линецкий очень чётко помнил это чувство: как будто проснулся...

Он встретился глазами со Степанычем. Тот кивнул снизу вверх. Они молча встали и вышли в тамбур.

Сначала в тамбур, потом в другой вагон, потом в следующий...

И так всё дальше, дальше — в другой конец поезда... Чтобы не встретиться на перроне...

В Сочи они пошли со Степанычем в дегустационный зал и там вконец опьянели, хоть и помалу пили... Но столько было всякого всего...

Купили с собой две бутылки: муската прасковейского и муската чайной розы... И распили их на берегу...

Линецкий, опираясь локтем на гальку, читал Степанычу стихи. Степаныч кричал, что стихи гениальные...

А на следующий день — досыпали они в парке на скамейках, — по дороге назад, в электричке Линецкий дал Степанычу блокнот, и те же самые стихи совершенно не понравились его другу... В своё оправдание Степаныч сказал тогда: «Ты хорошо читаешь... Тебя надо слушать... Ну и вино, конечно... Я вчера на самом деле приторчал, даже не могу поверить, что ты это же и читал вчера... Это вчера было... конгениально... Но на бумаге, ты меня прости...»

Больше Линецкий стихов не писал... Во всяком случае, насколько мог вспомнить... И прозу не писал... Писал только квартальные отчёты на работе... Иногда письма... Хотя письма тоже не любил...

Ему вполне хватало мыслей... Ну, может быть, несколько песен он написал, и однажды исполнил, при очень странных обстоятельствах: в памяти осталась ночь на каком-то берегу, множество вос-

точных людей с женщинами, детьми, армян или азербайджанцев, лежавших и сидевших вокруг него на цветных подстилках.. Он пел им свои песни, они восхищались, аплодировали, с моря налетал ветер... Ему всё время подливали коньяк..

Это было одно из тех воспоминаний, о котором нельзя было со стопроцентной уверенностью сказать, что это был не сон..

Во всяком случае, больше ни наяву, ни во сне Линецкий своих песен не пел, стихов не декламировал.. Да и не писал он с тех пор никаких таких стихов..

Со стихами было тогда же покончено, как и с белорусской невестой..

Мнение Степаныча всегда было важно для Линецкого, а когда он ещё проявил этакую солидарность, выйдя в тамбур, молча оставив девушку, хотя сам не имел никакого отношения к еврейству..

«Всё-таки надо было провести с ней три дня в гостинице», — думал теперешний Линецкий..

Впоследствии он ведь не обращал внимания на такие мелочи..

Как-то привёл в свой номер девушку — с высоты его теперешнего холма почти что неотличимую от милиционерши, — и, когда она уже сидела у него на коленях... На неё почему-то напала говорливость... И она расшептала ему на ушко самую большую для неё загадку: «Знаешь, я всё могу понять. Своих подружек Всех. Даже тех, что с неграми. Но тех, что с евреями.. Этого я никогда не смогу понять, нет...»

Линецкий ничего на это не сказал и не прогнал девушку с колен.. И всё было так хорошо, что он даже слегка испугался. Перед этим у него был какой-то облом с совсем ещё юной и вполне даже

симпатичной еврейкой... Всё было как-то не так.. Не так, как надо... И он подумал: а не является ли для него такой вот животный антисемитизм возбуждающим фактором?

Ведь это было бы ужасно, думал он тогда... Потому что в памяти всплыл рассказ родителей... О том, как их родственник, прожив с женой тридцать лет, вдруг подал на развод... И никто не знал, почему, за что...

А мама Линецкого знала, ей брат рассказал... Что случайно прочёл письмо жены к подруге, где та писала между прочим: «И всё-таки иногда от него по-прежнему пахнет жидом».

Но опасения Линецкого оказались ложными, антисемитизм не стал для него фактором сексуального возбуждения. Во всяком случае, единственным... Инна ведь была еврейкой, да и не только Инна... С еврейками и с гойками всё происходило в среднем одинаково... Были то есть еврейки, с которыми всё получалось как-то вымученно, да.. Но были же и такие, с которыми — полнокровно и душевно...

Что касается антисемиток, то тут у Линецкого не набралось достаточной статистики... Потому что кроме нежной милиционерши и белоснежки из льджного лагеря у него больше такого опыта не было... Все остальные девушки знали, что он еврей, и это не имело для них никакого значения...

Ну, может быть... если бы он прожил с кем-то тридцать лет...

Но мало ли чем тогда уже начинает друг от друга пахнуть...

От женщины, которая спала рядом с ним на скамейке, пахло перегаром, во сне она приоткрыла рот... Линецкий снова закрыл глаза и увидел пластмассовый стаканчик, который тогда же купил, воз-

ле зала для дегустаций... На письменный стол, для карандашей... Усечённый конус, как бы свёрнутый из склеившихся между собой винных этикеток...

Это была маленькая... воронка пространства... С круглыми стенками из винных марок.. И туда же всё ушло — маленьким смерчком, дымком, дымком... Некоторые его гости стряхивали в стаканчик пепел... Сам он никогда этого не делал...

Потом, лет через двадцать, Линецкий написал на языке foxpro и долгое время поддерживал базу данных одного из крупнейших ликёро-водочных дистрибьюторов... Собственноручно заполнял её периодически названиями... В том числе и тех марок, что составляли стенки стаканчика... «Чёрные глаза», «Солнце в бокале», «Талисман», «Улыбка», «Южная ночь», «Мускат белого камня», «Алиготе», «Фрага», «Букет Молдавии», «Бужор», «Каберне», «Томна», «Лучафэр»...

Женщина проснулась, подняла голову... Заметив рядом с собой Линецкого, попыталась обнять его за плечи...

— А ты знаешь, что я еврей? — сказал он, отстраняясь...

— Ну и что? — сказала она, потирая глаза. — Мне что с тобой, детей крестить? Так их для начала сделать надо... А мы ещё даже не начинали... А чего ты вдруг это сказал, а?

— Да так.. Ты спала, а на меня нахлынули воспоминания...

— Я спала?.. А ты вспомнил, что еврей? Бывает... А я цыганка! Чё смеёшься-то? Я же не смеюсь над твоей народностью...

— Ты что, правда цыганка?

— Ну, не полностью... Но цыганские корни у меня есть... Стой, ты куда? Давай руку, погадаю тебе...

Не дашь? Ну я и так тебе скажу. Не ходи туда, мой котик, там сейчас что-то сжимается, прямо в воздухе, что-то нехорошее... Ой, не надо тебе туда ходить, ой, не надо... Мой золотой... Не ходи, не ходи...

Линецкий сделал несколько шагов, а потом обернулся и послал воздушный поцелуй. Скорее всего, оставшийся незамеченным... «Разве что женщина на самом деле цыганка, — подумал Линецкий, — или, по крайней мере, видит в темноте...» Он вышел за калитку и пошёл вниз по тропинке...

Теперь темнота была не такой плотной, как в саду, по небу гуляла луна, вулканический холм, по которому Линецкий, спотыкаясь, шёл вниз, как бы светился тусклым серым светом. Линецкий спустился без всякой цели, может быть, предполагая как-то так постепенно дойти до набережной и там... Что там, он и сам толком не знал, голова гудела, у него мелькнула почему-то мысль наведаться в палатку к Переверзеву. С тех пор как Линецкий переселился в частный сектор, он ни разу во время своих прогулок не заходил так далеко по набережной... Чтобы заглянуть в палаточный лагерь... Вполне могло быть, что Переверзев уже уехал, что-то он говорил, называл какое-то число... За несколько дней медитации на пороге хижины всё как-то поистерлось в голове, имена, даты... Линецкий шёл по тропинке вниз, часто останавливаясь, вдыхая полной грудью... Он не очень уверенно стоял на ногах... На периферии зрения, в морской части темноты, появилось светлое пятнышко... При рассмотрении оно не только не исчезло, но вроде бы даже увеличилось...

Через минуту Линецкий уже стоял на краю утёса...

Внизу виднелся освещённый квадрат пристани... И там теперь были люди...

Белый нос корабля висел рядом с ними в воздухе...

Только нос, а самого корабля почему-то не было видно... Он исчез, как в шоу Копперфильда...

Или нет — его почти полностью заслонял такой же чёрный... Но всё равно это было странно...

Ничего не было, и вдруг — сразу два корабля...

Линецкий повернулся и пошёл к ограде, за которой стоял памятник неизвестной ему химере...

После некоторых колебаний он полез через забор. Это было несложно — была перекидина, куда можно было поставить ногу, и вот уже Линецкий оказался на стороне обелиска... Встал с земли, отряхнулся, подошёл к подзорной трубе и прильнул к видоискателю.

«Нет, это не корабли... Это катер, — понял Линецкий, — подвешенный в воздухе на стреле подъёмного крана... Но такой короткий и высокий, что в самом деле похож... На нос, отрезанный от океанского лайнера...»

Линецкий оторвался от глазка и снова в темноте, которая начиналась сразу за краем пристани, увидел очертания чёрного судна...

Заслонявшего белое...

Но, припав к окуляру, чётко увидел катер...

Он подвигал трубой так, чтобы в неё попали сошедшие на пристань люди...

И подумал, что людей как-то слишком много... Как будто к пристани всё же причалил не катер, а корабли...

...Призраки?..

Ну, не так уж их было и много... И половина могла встречать другую половину на суше...

Судя по тому, как они выстроились друг против друга...

«Что-о?!»

Он сказал себе, что может ошибаться — ночь, плохое освещение, труба с плохой оптикой...

Но эти волосы, этот овал лица, эта фигура... Даже одежду Линецкий узнал — чёрный атласный комбинезон, который она купила весной...

Он не успел ещё осознать увиденное, как к этому добавилось ещё кое-что...

«О чём не говорят, чего не учат в школе...» — лихорадочно шептал вслух Линецкий...

В круглом глазке, сквозь который он разглядывал пристань, появился его старый приятель Боря Мигулин...

Не так чтобы приятель... Скорее — бывший коллега...

Пока Линецкий приходит в себя от удивления, уточним: они работали когда-то в одном институте. Но в разных отделах. Линецкий — в АСУ, а Мигулин — в ЭХЗ, то есть электрохимической защиты...

Защищали трубопровод тогда только что от коррозии... Пропуская по его стенкам слабый ток... Не бог весть что... Но что-то это давало...

Не знаю, как их назвать, скорее, просто знакомые, чем коллеги... Общались они в рабочее время, но не по работе...

Просто время убивали вместе в курилке... «Одна сигарета убивает пять минут рабочего времени» — был у них лозунг...

А потом, когда оба стали бороться с курением...

И даже не в этом было дело, просто, когда Союз нерушимый вдруг рухнул... Времени высвободилось как-то слишком много...

А в курилку заходило начальство, требовавшее, чтобы все по-прежнему молча сидели по своим местам и делали вид, что работают... И Линецкий

с Мигулиным стали тогда всё чаще встречаться в тупике коридора на восьмом этаже...

Там стоял стенд с наглядной агитацией, и Мигулин каждый раз его так разворачивал... Что получался вообще закуток такой, «затышок»... Со стороны их не было видно... Во всяком случае, они никому не бросались в глаза...

Что они там, простаивая часами, делали? Болтали, разумеется. Обменивались книгами, играли в слова...

Или, точнее, — в буквы... Мигулин доставал из кармана листок тетради в клеточку. Там уже был нарисован квадрат и в него вписано слово...

К этому слову надо было так дописать сбоку одну букву — чтобы образовалось новое слово... И так далее...

В два столбца записывали количество букв в твоём слове и в слове противника, и так играли, пока не заполнялся весь квадрат...

У кого в сумме было больше букв, тот и побеждал... Чаще всего это был Мигулин...

Мигулин или не Мигулин, но некто... Тем временем шёл по пристани мимо группки товарищей... Среди которых были и мужчины, и женщины... Независимо от пола некоторым он пожимал руки, а некоторых целовал в щёку...

Судя по тому, что он принимал парад, ему и принадлежала пристань... А значит, и замок? «Нет, нет, это не может быть Мигулин», — думал Линецкий...

Он попытался вспомнить, знакомил ли он Инну с Мигулиным... Если даже да, это было настолько мимолётное знакомство, что оно не осталось в памяти...

Мигулин всегда существовал в памяти отдельно — в тупике коридора их НИИ...

А сцена, которую Линецкий рассматривал сквозь подзорную трубу.. тем временем приобретала всё более странные черты...

Его соломенная вдова достала из чёрной дорожной сумки какой-то крупный блестящий предмет...

Хрустальную вазу? Бриллиант в миллиард каратов?

Линецкий подумал было, что это кубок.. «Хрустальная сова, — хмыкнул он, — главный приз клуба „Что? Где? Когда?“»...

Но, сосредоточившись повнимательнее, он понял, что это череп...

Мигулин сразу подхватил его, как бы опасаясь за его сохранность, и теперь держал перед собой, тихонько поворачивая влево и вправо...

Линецкий оттолкнул трубу и решил немедленно идти вниз, чтобы убедиться, что никакая это не Инна... Борис это или не Борис, ему было, в общем-то, наплевать... И что там у него в руках: череп, ваза, сова, кубок чемпиона мира по игре в буквы...

Линецкий взобрался на ограду и прыгнул...

Приземлившись, он не устоял на ногах, упал и, прокатившись ещё немного вниз, исчез за краем обрыва.

Руки по швам

Наполовину одетый посетитель пересел вдруг из-за столика за рояль и запел романс «О, если б мог выразить в звуке...». Спереди и по бокам голова у него была лысой, но сзади висели довольно длинные седые космы. Он был в синих тренировочных штанах, казалось бы, полностью исчезнувших в конце прошлого века... Штиблеты и огромные роговые очки, скорее всего, были довоенными... А рубашка вообще потерялась в океане времён — человек был наполовину голый, и, несмотря на загар, видно было, что торс у него очень дряблый... Доплер подумал, что это то тело, которое проступает перед ним самим в зеркале... Но пока лишь на мгновение... Как-то сразу удаётся перегруппировать мышцы и не дать образу воплотиться... Хотя, может быть, это уже перешло в самообман...

— Ты знаешь, что он концертмейстер оперного театра? — сказала Лена.

— Нет. Откуда я могу это знать? — удивился Доплер. — Я, по правде говоря, сейчас подумал, что это вообще не человек, а как бы... дух этого места. — Он обвёл рукой вокруг...

На двух стенах кафе висели вперемешку копии Айвазовского, Бубликова и... «Возможно, что и оригиналы... Каких-то пассажиров...» — подумал Доплер... У третьей стены была древняя барменская

стойка, и над ней — ряды бутылок... Среди этикеток попадались такие, что не могли не вызвать приступ ностальгии... А четвёртой стены вообще не было...

— Ты что, знакома с этим домовым? — спросил он.

— Да.

— Откуда?

— Когда мы вчера были на нудистском пляже и ты плавал в море, он звал меня в свою постановку.

— Какую ещё постановку?

— Они ставят пьесу прямо на берегу. Он уговаривал меня сыграть роль Амфитриты.

— Смотри ты! — рассмеялся Доплер. — А кто Нептун? Он сам? Не домовый, стало быть, а водяной... Вот так тебя оставлять одну на пляже!

— А ты думал... Такие кавалеры у меня, видишь...

— Откуда он?

— Из Тмугаракани.

Улыбка, не сходявшая с лица Доплера, слетела, когда он попробовал принесённого «судака в кляре». Тут же он подумал, что официантка неспроста принесла только одну тарелку (они с Леной заказали одно и то же). И сказала, что со второй надо подождать — минут двадцать...

— Что-то не то, — сказал Доплер и с тревогой посмотрел на Лену.

— О, господи, — сказала она, — ну давай я попробую, я же твой грибной человек...

— Ты моя грибная девочка, — как можно ласковее сказал Доплер и положил ей в рот кусочек со своей вилки...

Пожевав, Лена сказала:

— По-моему, рыба как рыба... У нас в общежитии...

— Лена, у вас в общежитии крысы едят... Которых перед этим травят мышьяком... Или коктейлем «Крысы убоя»... А я больше чем уверен: рыба тухлая...

— Надоело уже, Доплер. Ну давай я её съем.

— Нет. Я не хочу, чтобы ты отравилась.

— Пусти.

— Нет, я сказал. Не получишь... Вот тебе доказательство: рыбу мы заказали одну и ту же, а принесли только мне одному.

— Доплер, у тебя мания преследования...

— Чёрта лысого! Они принесли одну порцию, потому что это — остатки! Новую они будут жарить сейчас, а это они разогрели из ошмётков. Из разных тарелок сгребли в одну.

— Тебе надо открыть частное сыскное агентство.

— А то! Был такой случай в советское время — один физик на отдыхе что-то подобное заподозрил... И доказал это при помощи изотопов!

— Что доказал?

— А то, что котлета уже как минимум один раз подавалась к столу.

— И для этого он облучил желудки всех отдыхающих?

— А ты как думала, истина важнее... Ну, на самом деле, это были какие-то безобидные изотопы...

— А ты и так докопался, умница ты наша...

— Дедуктивный метод! Слушай, но как же здесь всё... Одно к одному.. Эти картины, этот концертмейстер, это кафе, эта рыба, эта... Послушайте, милая, — перехватил Доплер официантку, — замените мне, пожалуйста, вот это. Рыба тухлая.

Официантка хотела было возразить, но Доплер привёл аргумент, который только что опробовал на Лене, и официантка сразу перестала возражать.

Произнесла бесстрастное «извините», взяла тарелку и исчезла в двери, которая вела на кухню. Доплер торжествующе посмотрел на девочку.. И понял, что сцена не вызвала у неё никаких положительных эмоций.

«Недолго музыка играла, — подумал он. — Пока что она не хочет меня отравить, но если она так не рада, что мне удалось избежать травли... То что-то всё-таки пробежало между нами... Или кто? Если кошка, то пробежало... Надо срочно чем-то задобрить...

Но не есть же специально для неё тухлую рыбу? Гаугама съел в гостях какую-то дрянь, хотя и знал, что ест дрянь... Только чтобы не обидеть хозяина... Отравился и помер.

Не присягал я косому Будде!...»

Он попробовал перевести разговор на другую тему. Но Лена не поддержала, и Доплер теперь просто молча сидел с потухшим взором, вертя в руке вилку. Он подумал, а чего это он, собственно говоря, должен второй уже день кряду придерживать свой язык? Насильно мил не будешь.

— Простите, вы случайно не Пётр Доплер? — спросил материализовавшийся прямо перед столиком человек... Тот самый, за которым они наблюдали несколько дней назад в другом кафе от нечего делать... А теперь, значит, и он их узнал... Почему не позавчера, не сразу? Впрочем, Доплер помнил, как этот шкаф тогда на всё смотрел — сквозь...

— Да, — сказал Доплер, — это я. А что такое?

— Да ничего, — сказал шкаф, — я, понимаете...

А можно я к вам сяду?

Доплер хотел было спросить, с какой это стати... Но подумал, что факт узнавания в такой момент будет полезен... Пусть эта девчонка ещё раз вспомнит,

с кем она сюда пришлёпала в своих вьетнамках... До сих пор на море это был второй случай...

— Я, во-первых, страшно рад, что вас вижу живём...

— А что, уже был некролог? — усмехнулся Доплер. — Я, правда, несколько дней не читал газеты...

— Да нет, — сказал человек, — не в том дело. Я имел в виду — не на экране, а в жизни...

— Ах вот оно что...

— Разрешите, я представлюсь. Леонид Манко, генеральный директор холдинга «Караван».

— Очень приятно, господин генеральный директор. А это вот Лена.

— Мне тоже очень приятно, — кивнула Лена. — Вы что, видели Доплера в игровом кино? Или вы имеете в виду одно из этих интервью...

— Вы даже не знаете, что...

— Знаю, знаю, — перебила она, — просто я думала, что Доплер всегда был за кадром... Доплер, ты ведь у нас режиссёр?

— Так точно, — кивнул Доплер, — я кадровый режиссёр.

— Да вы что, не видели? Он же сам играл...

— Доплер, ты играл?

— Ну, иногда. Когда кто-то из актёров уходил в запой. Приходилось подменять, а что прикажете делать...

— Дело в том, — сказал Манко, — что, когда я вас сейчас увидел... Мне показалось, что я попал внутрь фильма...

Доплер и Лена многозначительно переглянулись.

— Что, уже было такое? — спросил Манко.

— Вот, — сказал Доплер Лене, — это должно тебе помочь понять, что такое suture.

— Нет, Доплер, уж прости, но это для меня слишком сложная материя...

— Но она сейчас была вывернута перед тобой наизнанку!.. И «шов», который имел в виду Лакан, здесь уже предстаёт... А что это ты так на меня смотришь? — он вдруг увидел в её глазах откровенную насмешку.

— Да ничего... Говорю тебе — мне это непонятно, хоть с лицевой стороны, хоть с изнанки...

— Вы знаете, — повернулся к ним Манко, устав официантку с перечнем всех своих пожеланий, — я как вас увидел... Это странное такое чувство, особенно если б вы знали, как меня в последние дни плющит...

— А как? — спросила Лена.

— Нет, об этом я не хочу говорить.. Я лучше о другом... Это ощущение, когда я вас здесь увидел, я уже однажды испытывал... Когда встретил Макдауэлла...

— Здесь? — удивился Доплер.

— Не-а. В Нью-Йорке. Я был там по делам. Ехал в метро, точнее, шёл по перрону, а навстречу мне Макдауэлл, в таком буклированном пиджаке... Я, как с ним глазами встретился... Мне показалось, что я в кино! У меня и так эта мысль мелькала, потому что Манхэтген в стольких фильмах видел, что когда по нему ногами ходишь, кажется, что вокруг декорации... Тут «Уолл-стрит», там «Запах женщины», каждый угол на экране видел сто раз... Но последней каплей был Малкольм Макдауэлл... Вы меня понимаете?

— Конечно, — сказал Доплер.

— Так и это ещё не всё... Я потом своего детского приятеля встретил... Вот так вот случайно, на улице. Он хоть и не актёр, но от этого чувство, что

вокруг — кино, ещё больше усилюсь. Потому что случайно встретить на улице одноклассника в этом муравейнике... А он, как узнал, что я завтра назад лечу, такое ляпнул, что я его чуть там же не убил.

— Что же он сказал?

— Он сказал, что, если бы ему завтра надо было лететь назад, он бы повесился... Ну, прикинь? — обратился он к Лене, которая охнула. — Я тогда ещё не встал на ноги, как сейчас, деньги водились иногда, но смешные... Да ну, какие деньги, деньжата... И всё равно мне хотелось назад, домой, и никакого желания там оставаться...

— Что, совсем не понравилось? — полюбопытствовала Лена.

— Ну так, посмотреть... Как в кино себя чувствуешь, я уже сказал... Но нельзя же всё время быть в кино... Хочется вернуться в зал, да?

— А зачем? К кока-коле, к поп-корну? — насмешливо сказала Лена.

— А? — сказал Манко. — Я не расслышал... Ну, я не хочу сейчас разводить эту бодягу про корни... Просто дома я — это я... Так у всех, я думаю... Согласны со мной?

— Согласен, — сказал Доплер, — хотя у меня это не совсем так.. Вам легче, молодой человек. Вы это сделали в Нью-Йорке, значит теперь можете всюду.

— Вы даже не представляете, как он вас понимает, — доверительно сказала Лена.

— Серьёзно? — сказал Манко. — Мне приятно.. А вообще, было странное стечение обстоятельств, я вам сейчас тогда всё расскажу.. Славу — которого я встретил — я не тронул, пугнул только... Я ему говорю: «Раз ты считаешь, что это равносильно смерти...» Он сразу перепугался: «Это для меня, только

для меня...» «А чем я хуже тебя? Нет, ты это так сказал, что получилось, что не только для тебя, а для всех... Так что, брат, умри ты сегодня, а я завтра...» Ну, напугал его немного, он же отвык.. Вешать на ближайшем столбе я его не стал, даже пригласил «на дринк», да? Прилетел я домой, с женой встретился, ну, всё как следует, после разлуки... Потом она уснула, а мне чё-то не спалось, перемена временных поясов, когда в Америку прилетел, сразу стал спать по тамошнему, странно даже... А когда назад, не спалось... Всё наоборот то есть... Я пошёл на кухню, захватив с собой книгу... Знаете какую? «Идиота» Фёдора Михайловича. Да потому что... В самолёте соседка по креслам затеяла со мной беседу... Лететь долго, скука — не тётка... То есть она всё прочла, что у неё с собой было, и стала ко мне с разговорами лезть... До этого как бы случайно попыталась пристегнуть меня к себе ремнём безопасности... Я решил, что лучше уж поговорить, хотя спать хотелось... И там что-то она навернула из «Идиота», про возвращение на родину... «Ах, вы не читали? Ну как же, как же...» В общем, честно взял с полки Достоевского, пошёл на кухню, поставил чайник, сел, читаю... Странное такое состояние, одной ногой я ещё в Америке, но уже дотянулся до жены, подбросил ей... Она теперь спит, а я на кухне, читаю Достоевского, всё чин-чинарём... Я сам себе нравлюсь в этот момент и в то же время чувствую, что что-то не то... А что, не пойму... И снова читаю... И долго я так на кухне сидел, про чайник забыл... Тут открывается дверь, входит жена, сонная такая, глаза потирает, говорит: «Газом пахнет. Очень сильно...» А у меня нос был заложен, протянуло на океане, гулял там без шапки и шевелюры, я тогда стригся налысо... Я говорю: «Да я вроде ничего не слышу...» Она смо-

трет на плитку, я вслед за ней, вижу чайник, и до меня доходит... Я же повернул ручку на полную... И спичку не зажёл... Привык, что там, в Америке, плитка в гостинице... я в дешёвой такой жил, бабок не было на нормальную, готовил себе всякую простую еду, и плитка там не требовала спички... Ручку поворачиваешь, и она сама зажигается, видно, чиркает там что-то у неё внутри автоматически... Газа я напустил в кухню столько, что, если бы не жена, я бы точно угорел. А мог и сигарету зажечь, взорвал бы весь дом на хер... Вот и было бы кино, да?

— Нет, — сказала Лена, — другой жанр. «Смерть с „Идиотом“» — это опера.

— Если ты имеешь в виду Шнитке, то «Жизнь с...» — сказал Доплер.

— Так вот, — хохотнул Манко, вздымая в воздух рюмку, — давайте знаете за что? За то, чтобы всегда было это «чуть-чуть»! То самое, которое не считается!

— А теперь, если вы не возражаете, — сказал он, выпив, — я вам ещё кое-что расскажу... То, что меня по-настоящему сейчас... Слегка, скажем так, волнует... Можно?

Доплер кивнул, а Лена сказала:

— Только вы совсем ничего не едите, а пьёте много. Вы бы поели.

— Не беда, — сказал Манко, — это такие закуски, что не страшно, если остынут... А я потом ещё подумаю вам рассказывать... А мне нужно этим с кем-то поделиться, понимаете? А то во мне стало совсем тесно от этой истории... В общем, тема такая: еду я на своём хаммере...

Лена, в отличие от Доплера, не слушала вторую историю Лёни Манко. Она сказала себе, что хватит ей и первой... К тому же пошёл дождь, и ей прият-

нее было слушать жестяной барабан у себя над головой, чем рассказы грубоотёсанного банкира или как его там... Вокруг которого на самом деле была лёгкая аура безумия... «Облачко рудничного газа, голубой цветок Новалиса...» Короче, не вдаваясь... Что-то такое, во что окунаться Лене совсем сейчас не хотелось... До неё какое-то время доносились обрывки фраз: «...я не знаю, как такое может быть...», «...сам не свой...», «...а вы уверены...», «...обычное дело на дороге...», «...стоит у меня перед глазами...».

Дождь вроде бы перестал, но по тому, как вокруг потемнело, ясно было, что сейчас он пойдёт с новой силой. Людям давалась последняя возможность покинуть берег. Что они, в основном, и делали — все сворачивали подстилки... Пляж быстро серел, как стенка, с которой сдирают обои... Лена вспомнила пловца, который якобы видел под водой... Ледевец в форме её головы... «Врёт он всё, — подумала она, — я бы ещё могла поверить, если бы он сказал, что увидел там мою прозрачную пизду...»

«Где-то я читала, — вспоминала она, глядя на дождь, — что медуза движется реактивно... Вбирает в себя окружающую воду... А потом выталкивает... И новую вбирает... Вот так же и я... Это не вампиризм... Все же остаются целыми и невредимыми, ничего даже не замечают... Ну, некоторые — сверхчувствительные... А потом всё это выталкиваешь из себя... Важно только, чтобы при этом не растекаешься... А то будешь как медуза на берегу... Нельзя включать в себя слишком большую часть окружающего... Есть точка возврата, которую нельзя переходить... Иначе — point of no return... Я буду состоять тогда всецело из этого ливня... Мужики будут хлестать меня по щекам, подносить нашатырь...»

— Доплер, я сейчас приду, — сказала она.

— Погоди-погоди, а что ты на это скажешь?

— Я честно признаюсь: я не слушала. Всё равно для меня это слишком сложно. Я была занята своими мыслями, вы уж меня простите...

— За что? — сказал Манко. — Я это и так не вам рассказывал...

— Тогда — за то, что я сейчас буду играть у вас на нервах, — усмехнулась она и пошла к роялю.

Но её опередила маленькая девочка!

В розовом платице, с бантами, откуда-то вдруг выпорхнула, оказалась на стульчике и заиграла знакомую простую мелодию... Вроде чирика... кузнечика... Название Лена не могла вспомнить...

Зато она вспомнила, что, когда сама была розовой девочкой, видела по телевизору розыгрыш лотереи... Под эту музыку в прозрачном жбане бурлили белые шары с номерами, пока один не выкатывался по витиеватому жёлобу вниз...

Глядя, как маленькое существо сосредоточенно стучит по клавишам пальчиком, Лена подумала, что это первый кабак в этом ряду, где нет бильярдного стола... Вместо этого — рояль... В него скатились все шары... И катаются там... Та-та-та-та-та-там... «„Воздушная кукуруза“, — вспомнила она название пьески. — Ну всё, теперь хватит... А то сейчас утоплю...»

«Точно, у Маркеса в романе были такие маленькие дети, вытягивавшие нагретые перед розыгрышем шарики... Или наоборот, охлаждённые... Просто нужные номера клали в холодильник... А потом всех этих мальчиков и девочек собрали на одну баржу, затянули её в море и затопили... Чтобы сохранить тайну лотереи... Причём, скорее всего, так оно и было...» Она читала когда-то заметки, которые Маркес сделал при подготовке к «Осени патриарха»... Там было *такое*... И всё это — вырезки

из газет... Маркес признавался в интервью, что реальность чудовищнее и фантастичнее литературы...

Да, но глупо было и дальше стоять над душой... Ждать, когда дитя наиграется... Возвращаться за столик не хотелось... Она подошла к поручню и, не обращая внимания на брызги, стала смотреть, как море расползается на белые лоскуты... Или наоборот — было так, как будто море латали дождём...

Она пыталась понять, показалась ли ей там, вдали, чёрная точка или на самом деле... Если там кто-то плыл, то это мог быть только он... Но Лена ничего больше не видела, кроме волн и облаков... За спиной раздался скрежет... Кто-то быстро сыграл на электрогитаре гамму... си-бемоль мажор... Лена обернулась и увидела, что розовая девочка исчезла и возле рояля теперь стоят несколько музыкантов... Некоторых она узнала — они каждый день переползали из кафе в кафе, как стая котов...

Девушка, с которой Доплер пробовал даже вступить в контакт... Вместе с Леной, конечно, но Лена отмалчивалась... А за глаза Доплер называл её Девушкой Скрытымным...

Так вот, эта самая девушка снова вышла на авансцену, снова выпятила вперёд челюсть и сделала странное резкое движение...

Когда она выпрямилась, выражение лица было ещё более идиотское...

«Мужичка, — подумала Лена, — хотя, может быть, в этом есть свой приколы... Фигура, кстати, не такая плохая... Великоватые плечи, а так ничего, ножки... Но эта маска с прикусом Цоя... Неужели она может кому-то нравиться?»

В какой-то момент толстяк, который до сих пор исповедывался Доплеру, резко встал и направился к сцене, задевая столы и стулья...

Выйдя на свободное пространство, он начал танцевать ельцинский предвыборный танец...

Девушка Скрытымным его не замечала, она перекатилась по полу... Казалось, она там сейчас заберётся в припадке...

Но вот уже она снова стояла с закрытыми глазами, широко расставив прямые ноги и аутично перебирая пальцами в воздухе... Как это делал Джо Кокер в Вудстоке — Лена видела эту запись, — когда пел «With a Little Help of My Friends»...

— Ну, и о чём он говорил, — спросила Лена Доплера, вернувшись за столик, — так долго?

— Об ангелах.

— Он? Не может быть...

— А вот представь.

— А кто он вообще?

— Герой нашего времени. Дважды банкир, трижды бандит... Наверно... Точно я ничего не знаю.

— И говорит об ангелах?

— Вот именно.

— А, ну да, понимаю... Типа: «Вчера мне приснился ангел, похожий на Брюса Ли...»

— Вот! Ты угадала мелодию.

— Что-то ты темнишь, Доплер... А если без аллегорий?

— Скажем так: парень слегка запутался.

— В чём он запутался?

— В трёх снах. Или в со-снах? В двух словах и не скажешь... Земную жизнь пройдя до половины... Лен, потом поговорим, вот он идёт.

— Доплер, от него надо держаться подальше.

— Ты думаешь? Не знаю, мне он чем-то симпатичен. Может быть, завтра прокатимся с ним в Фелдосию? Он на машине едет, а мы ведь с тобой и так собирались...

— Я с ним не поеду.

— Ну, поглядим...

Запыхавшийся Манко вернулся к столику и сказал:

— Я вдруг почувствовал, что если сейчас же не начну танцевать, меня просто разорвёт на куски! Представляете? Я сам не знаю, с чего это вдруг, я вообще не танцую, но тут... прямо ноги вынесли... Они молодцы, эти ребята, в основном из Москвы, из разных групп, одного зовут Жук.. Не, такой драйв... Я им за это даже отстегнул...

— Накопилось, — сказал Доплер слегка удивившим Лену отеческим голоском, — это бывает. Вы всё правильно сделали, энергию нужно вовремя расходовать... А у меня голова болит, эти перемены в погоде... Мы пойдём потихоньку.

Манко вытер салфеткой лоб, посмотрел на Допера и сказал:

— Ну что, едем завтра?

— Нам надо посоветоваться, — сказал Доплер.

— Давайте по-любому встретимся в одиннадцать. Здесь или в «Богдане», а вы до тех пор решите.

— Идёт.

Оставшись один, Манко заказал джин с тоником. Достав мобильный, он как бы взвесил его в руке, раздумывая, будет ли слышно при таком шуме... Но музыка вдруг стихла — как будто музыканты заметили его жест... Манко нажал на кнопку и громко сказал: «Привет. Ну что там?» Он долго слушал, болтая в стакане соломинкой, а потом заговорил, прикрывая рот ладонью:

— Закрывай офис и всех гони в шею... Отпуска за свой счёт... Ты — нет... Ты за мой счёт пойдёшь... Приедешь ко мне сюда... Да, всё сюда стягивается...

Как видишь.. И он тоже, я уже знаю.. С платёжками сделай всё, как я сказал.. Постарайся всё это так представить, чтобы выглядело паникой.. Какое банкротство.. всех в рот потом.. Да, но потом.. До этого надо дожить.. Слушай, когда приедешь, тогда и будем говорить «по существу», блядь.. А пока просто делай то, что я сказал.. Всё. Обнимаю.. Чего это ты не веришь? Душу в объятиях.. Да, буду осторожнее... Алаверды.. Ну всё, целую».

Манко одним махом перевернул в себя джинтоник и с лёгким удивлением уставился на дно стакана.. Он забыл, что это была не водка.. «А-а, какая разница.. Но вот на хрена было рассказывать Доплеру про ДТП? — подумал он. — Увлёкся немного: Голливуд, студия „Довженко“ — как ребёнок.. Ну ничего, бывает.. А что он может сделать? Он вроде и кино уже не снимает.. Но эта рядом с ним — стерва редкостная.. Бедный старикан, даже если у него ещё стоит...»

Крестики и нолики на бесконечной плоскости

— Так что же мы будем делать? — повторила парикмахер. — Стричься, бриться? Если стрижься, то как много снимать?

— Всё снимать... Но не стрижься.

— «Под ноль», что ли?

— Нет, ещё радикальнее.

— Это как?

— Снимешь с меня скальп.

— Что-что?!

— Не суетись. Ты не могла бы на самом деле... Надрезать кожу... На макушке, где у меня наметилась плешь... Разрезать до черепа и посмотреть, какой он там у меня? Если тебе не трудно.

— Всё. Встал и ушёл. Тихо и мирно. Прямо сейчас!

— Да как же я уйду?

— Ножками, ножками...

— Так ты же ещё не знаешь... Со вчерашнего дня многие люди на самом деле уже не люди... Просто кожа, натянутая на хрустальный череп... Их выдают глаза — слишком сильно блестят... Отбрасывают зайчики... Можно ослепнуть, если встретиться с таким взглядом... Это настоящая эпидемия... «Вирус хрусталика» называется... Хрусталик начинает расти... Пока не становится черепом... Заражена десятая часть населения... Ты чиркни бритвой, отверни

кожу и посмотри... Ну что тебе, жалко? Заплачу, как за две стрижки... Ну ладно, за три.

— Нет, тебя мне, конечно, не жалко... Но, по моему, ты уже достаточно должен был и сам насмотреться. Ты за этим лицо себе распанахал?

Линецкий открыл глаза и увидел, что возле его головы порхают блестящие ножницы.

Жара в этот день была беспрецедентная. Линецкий пробовал лежать на пляже, но это не получалось, всё тихо тлело даже в тени... Вскипала... если ещё не кровь, то уже точно — в многочисленных ссадинах — сукровица... Он машинально забрёл в корпус советского пансионата «Волна»... Там было прохладнее... Прежде чем попасть в парикмахерскую, он час примерно находился в сети...

Увидев табличку со словом «Интернет», Линецкий заплыл в комнату, где стояло несколько старых компьютеров... Ламповые мониторы с потемневшими от времени боками... Он просмотрел два почтовых ящика, удалил спам, прочёл короткое письмо от Инны — десятидневной давности...

В первый момент Линецкий подумал, что писала не она... Мата из уст жены он ещё не слышал. Но ведь теперь и жена была не жена...

Линецкий написал Инне короткое письмо: «Просто скажи: мог я видеть тебя вчера в Коктебеле? Это ты была?», а потом вошёл в «Google» и набрал там «crystal skulls».

Он прочёл, что этот череп был сделан племенем майя...

Но потом сразу же оказалось, что это была подделка...

А потом снова он читал, что это майя...

«Да всё — майя, всё... — шептал теперь Линецкий, — череп — майя, Мигулин — майя, Инна — майя...»

И всё же он сидел и читал бесчисленные ссылки... Типа: «Тринадцать хрустальных черепов, будучи собраны вместе, начинают говорить...»

«Атлантида, арии, майя, ацтеки, конец света, инопланетяне и опять... Атлантида, ацтеки, наци, пришельцы... Аптека, улица, фонарь, аптека...» — шептал Линецкий, перескакивая с одной ссылки на другую...

Мигулин, мягко говоря, испытывал определённую склонность к эзотерике, так что Линецкий вполне мог бы себе представить... Что? Да всё что угодно... Вплоть до того, что Мигулин способен был поверить во всю эту чушь... Ну или в какую-то её часть... Например, что он держит в руках недостающий до конца света череп...

Он подумал, что в Интернете могут быть какие-то сведения и о Мигулине.

Но через минуту убедился, что в Интернете об этом ничего не было...

То есть там было несколько Борисов Мигулиных, но к его Борису Мигулину совершенно очевидным образом... ни один из них не имел никакого отношения...

Линецкий расплатился и вышел из «рубки»... На мгновение ему показалось, что он идёт по коридору незабвенного НИИ...

Запахи, что ли, были похожи, отделочные материалы, ДВП, масляная краска... Что-то, что Линецкому было трудно назвать... Создавало ощущение того, что всё это — одно и то же здание... Он бы не удивился, увидев стенд, за которым они прятались с Мигулиным...

Что было изображено на том стенде, Линецкий уже не помнил...

Зато он хорошо помнил, что незадолго до приезда американцев в их институт пришёл человек

в гражданском, с военной выправкой... Ему в помощники дали несколько младших научных сотрудников, в том числе его — Линецкого, и они очистили здание от всех плакатов, досок почёта, стендов, лозунгов...

Когда в вестибюле снимали доску с фотографиями ветеранов и надписью: «Они сражались за Родину», вахтёрша не выдержала, покинула свой пост у турникета и схватила человека в гражданском за рукав: «А их-то за что?» Человек на мгновение задумался, взялся было за радиотелефон... Но через секунду сам принял решение: «Снимать!» — и махнул рукой...

Сняли, убрали, содрали, всю наглядку, включая, конечно же, большой стенд на металлических ножках, за которым несколько лет прятались Мигулин с Линецким...

И они после этого перестали общаться.

Тупик коридора, впрочем, оставался тёмным, неоновая лампа перегорела...

И несколько раз Линецкий замечал там Мигулина...

Он не думал к нему подходить, но... Заметив, что фигурка Мигулина поднимается вверх, подошёл ближе и увидел, что инженер Мигулин... ползёт вверх по стенам — упираясь руками и ногами в две противоположные...

Коридор в этом месте был очень узким, и Мигулин смог подняться до самого потолка... И там висел — как на распорках... Прямо как геккон или там... таракан...

«Ну и что — такая гимнастика, — тихо буркнул Линецкий, — почему бы и нет...»

Видал он инженера в тупике и задумавшимся с листком бумаги... Играл ли тот в буквы — теперь

уже сам с собой — или обдумывал техзадание — Линецкий не мог сказать с полной уверенностью...

Так или иначе, в сознании Линецкого Мигулин навсегда остался жителем тупика на восьмом этаже...

«Кажется, Мага из „Игры в классики” надеялась по клетке, которую она соорудила из брошюрок по эзотерике, добраться до неба...

Но её оттуда вызволил главный герой... А кто же Мигулина вызволил?

Мы, впрочем, находимся в другой игре...

Ну и что...

Мигулин зато умеет ползать по стенам...

Квадрат пристани, люди-буквы, игра в классики по-испански — это „небо и земля“... Интересно, во что он теперь играет?» — думал Линецкий...

А потом в его перегретой голове уже просто мелькали картинки... На одной из них Мигулин вручал ему в тупике коридора очередную ксерокопию речей бхагавана... Или отрывки «Бхагавадгиты»... Том Кастанеды... Стенографию камланий в Якутии... Или «Книгу Войнич» — самую таинственную книгу на Земле... В «оригинальной расшифровке» некоего Камаева... Да мало ли что ещё...

На другой картинке Мигулин полз сразу по двум стенам, упираясь в них руками и ногами...

И вдруг попадал на какие-то рельсы... А в руках у него были... Такие бруски — как у безногих...

Или нет — точильные колёсики...

И он взмывал по этим рельсам в небо, — как на русских горках, — высекая искры...

А потом уже стоял на квадрате пристани с хрустальным черепом в руках...

«Вай и Най сидели на трубе, — шептал Линецкий, — Шалтай-Болтай свалился во сне... Что осталось?»

Накануне его так разбросало по ночному ландшафту... Что туфли он не смог найти и по сей день...

Их поглотили морщины...

Похожей на кожу слона породы...

Очнулся он под утро, когда туман переползал с моря на берег... Обмыл в море раны и пошёл босиком на набережную — пить кофе...

По дороге он вспоминал о другом своём падении...

Вернувшись из Сочи в посёлок, они с вечным — теперь в его памяти — студентом Степанычем пошли в ресторан «Кавказский курень»... Потому что у Степаныча как раз был день рождения, а у Линецкого — за несколько дней до того... В общем, решили отметить совместно, взяв с собой ещё двух приятелей, с которыми познакомились в посёлке... Ресторан был расположен прямо над пропастью, на стене Мамедова ущелья.. Вместо столиков были пенёчки, всё было очень живописно, лампочки, гирлянды висели на деревьях... И танцплощадка — тоже как бы огромный такой пень...

Линецкий быстро опьянел и, когда они пошли к танцплощадке, сказал: «Друзья, давайте погуляем!» С этими словами переступил низкую — сантиметров тридцать — оградку и... исчез.

Ступая туда, он думал, что это тень от дерева. Но это оказалась пропасть Мамедова ущелья, в которую он и ухнул — со свистом...

Степаныч потом сказал, что у него волосы встали дыбом два раза. Первый раз, когда Линецкий со словами «А пойдём погуляем!» шагнул прямо в пропасть...

И второй раз — когда через минуту оттуда показалось его лицо...

Было так: он встрял ногой в одно из наклонно росших на стене ущелья деревьев..

Пролетев метров пять-шесть, не больше. После чего выкарабкался — цепляясь за камни и корни...

Он повредил правую ногу и по дороге назад прыгал на левой, держась руками за шею Степаныча и кого-то ещё...

Перед этим он долго сидел один за пеньком на пеньке, глядя на звёзды...

Чувствуя, как правая нога наполняется болью...

К нему подошла женщина — сейчас по дороге вдоль того же моря, но в другой посёлок и после другого падения, Линецкому казалось, что женщина, тем не менее, накануне была та же самая... что и двадцать пять лет назад..

Она подошла к его пеньку и сказала:

— А чего это ты один сидишь? А приятели чего друг с другом танцуют? Голубые, что ли?

— Да нет, — сказал Линецкий, — у меня просто нога болит.

— Пойдём, — сказала она и крепко взяла его за руку, — потанцуем... Заодно и посмотрим, что у тебя там с ногой...

Линецкий заупрямился, и женщина уселась за пенёк.. Стульями служили тоже пеньки, только маленькие...

— Так что случилось? — спросила она.

— Я упал, — сказал Линецкий.

— Куда?

— Вон туда, — он показал рукой.

— Что, совсем ебанутый? Зачем ты туда полез?

— Я не знал, что там пропасть.

— А что же это было, по-твоему?

— Тень от дерева, — сказал Линецкий, и женщина расхохоталась...

И сейчас — через двадцать пять лет — у него в ушах стоял её жуткий хохот...

— На самом деле, — сказал Линецкий. — Вы не верите?

— А чего это ты со мной на «вы»? — сказала она... И потащила Линецкого танцевать...

Через минуту, когда он стал громко стонать и едва не упал, она махнула на него рукой и, шатаясь, пошла дальше и сразу растворилась в темноте...

Ну и что? Он сказал ей правду — он думал, что там тень... Степаныч вот... Который, правда, знал его немножко лучше, — тот сразу поверил...

И теперь, когда он шёл сквозь зной, эти две женщины и два падения накладывались друг на друга...

Как будто бы он вдруг вспомнил... Что на самом деле перескакивал через стены лабиринта...

Падая в одно ущелье, встречал ногой в дерево — за тенью которого не видел очередной пропасти... И так далее... «Что вы меня всё время роняете?» — сказал он кому-то вслух... Возможно, той, что звала его танцевать... Он не видел у неё косы... Но что-то подсказывало ему, что этот танец танцевать не нужно...

«Надо признать, — подумал он, — что пока со мной довольно бережно обращались... Если это и не было тенью от дерева...»

В общем, Линецкий был теперь осторожен с тенями...

Он видел, что ночная сцена накладывается на день таким трафаретом...

И у него возникало ощущение, что это не тот день... Не следующий — недели и даже не сплошная среда, а... Один из тех альтернативных *дней*, что скрывались за горными хребтами лабиринта...

«Вот, казалось, озарятся даже те углы рассудка, где сейчас светло, как днём...» — повторял он, и — как уже было сказано — кто знает, куда бы его всё это завело...

Линецкий, скажем, мог потерять себя в трёхмерных пятнашках...

«Пересувной» такой торпедный заводик уже было заработал в его голове... Кубометры темноты — направо и налево...

Если бы его не увлекли некие связи... Между явлениями эмпирического мира...

Он даже подумал, что между этим самым *днём*... И прошлой ночью... Существует изоморфизм... Взаимно-однозначное соответствие... с сохранением системы отношений между элементами структур...

«Структурализм, быть может, вовсе не так мёртв, как о нём принято думать...» — сказал сам себе Линецкий...

И белый катер, который он видел ночью, тоже был, значит, никаким не катером... А прообразом того, что стало видно *днём*...

Линецкий не мог не вспомнить, как ночью едва не остался «с носом»...

Белым корабельным...

Когда посмотрел на небо сквозь стёклышко, которое за гривну купил у мальчишки...

«Холодное пиво, вобла с икрой!» — истошно кричали мальчишки вчера... Да и все дни... Они ходили по пляжу с этим криком...

Но теперь они ходили по-другому... Молча, важно, с подносиками... На которых разложены были чёрные стёклышки...

Какая-то зимняя музыка посреди пекла... Возможно, музыка Минкова... К «Снежной Королеве»... Что-то такое завертелось было уже в голове Линецкого...

Но её оборвал крик: «Закопчённые стёкла! Спешите! Затмение заканчивается!»

Линецкий вернулся наружу... И, глянув на солнце сквозь купленный за гривну осколок... Подумал, что увиденный ночью нос корабля, прикрытого чёрным...

Был прообразом...

Остатка Солнца...

Похожего на молодой месяц...

И опять же — смотрел Линецкий сквозь стекло... Только ночью это была линза, а теперь это был... Обломок рефлектора... Или рефрактора...

«Луна плюс горлышко разбитой бутылки плюс тень от мельничного колеса — и вот вам летняя ночь, — думал он, — ...но не солнечное затмение... Его не так просто воспроизвести... Его нет — не темнеет...»

Хотя люди вокруг по-прежнему стояли, задрав головы к небу, с поднятыми полусогнутыми руками, в которых они держали стёклышки...

Но не темнело, хотя в газетах обещали, что в Крыму будет как ночью, — Линецкий вспомнил, что читал о затмении ещё до того, как поехал в отпуск...

Линецкому казалось, что всё вокруг него — колоссальный розыгрыш...

Пока у него перед глазами было стёклышко, он видел... Нос корабля, который заслонил другой корабль...

А призраков, которые сошли на берег, он видел и теперь...

Это они стояли кругом, как мумии... Женщины в чёрных очках... С белыми бумажными носами...

Совершенно не темнело, наоборот... Остаток солнца светил всё сильнее и сильнее...

«This game has no name? — думал Линецкий... — Или всё-таки — пятнашки?»

Пластмассовая коробочка с чёрными квадратиками... И на них — циферки...

Которые надо, меняя квадратики местами, расставить в порядке возрастания...

Дело было ещё в том, что он вспомнил... Что была у него в ещё более раннем детстве другая коробочка...

Размером со вторую, но там на половине чёрных квадратиков был нарисован месяц, а на другой — солнце...

Это были пластмассовые такие крестик-нолики...

Или, если угодно, рэндзю...

Пожилой человек с выцветшим вещмешком тем временем быстро рылся в ржавом мусорном баке... Линецкий подумал, что он похож на Белого... И вспомнил, что Белый здесь же получил солнечный удар... Который перешёл в апоплексический...

И в белый камень, который лёг над ним...

Чёрные пластмассовые квадратики пятнашек уже начали было превращаться в чёрные мраморные плиты... Которые заскользили по земной поверхности — точно так же меняясь местами, как цифровые квадратики...

Чтобы это предотвратить, Линецкий быстро пошёл прямо к бомжу...

Но тот пошёл ещё быстрее, сворачивая на ходу свою котомочку...

А бежать за ним Линецкий не стал — было слишком жарко... Не время играть в пятнашки-салочки...

Разве что в рэндзю... в настоящей тени, попивая зелёный чай...

Но так сложно было теперь найти настоящую тень...

А не пропасть...

Он не раз предлагал Мигулину использовать листок в клеточку для игры в рэндзю... То бишь

в крестики-нолики... Он любил играть в эту игру.. В институте все лекции по истории КПСС... По научному атеизму, коммунизму, на «военке» во время «самоподготовки»... Линецкий играл в эту игру со Степанычем...

Но на работе, кажется, ни разу... Мигулин обещал, что в следующий раз...

«Всенепременно», — говорил инженер Мигулин... Но когда в следующий раз разворачивал листок, там снова было слово, вокруг которого был очерчен квадрат, и рядом — две колонки для подсчёта очков...

Перед глазами у него вдруг встал Переверзев, рисующий в своей тетрадке фигурки...

А может быть, те же крестики и нолики?

Кто его знает, что он там рисовал...

«Надо было на чистой странице начертать партию... Естественный такой переход был бы... Его фигуративной графики... В гимнастику для моего ума... Но он бы обиделся... Всё-таки диссертация... Звучит так же гордо, как человек...» — думал Линецкий...

Жара была страшная... Похоже, затмение на самом деле увеличило солнечную активность...

Он подумал, что если когда-то будет описывать этот день, то начнёт так: «Волк поперхнулся солнцем».

Но тут же вычеркнул эти слова длинной линией... Как пять поставленных подряд крестиков... Или ноликов...

Когда играют на бесконечной плоскости...

И они проступают там и сям...

На асфальте... На лицах людей...

«Нет, это уже не помарки, а... паморки», — сказал себе Линецкий...

И оказался за столиком какого-то тёмного каменного кафе... Похожего на грот... Он уже не мог вспомнить вывеску.. «Ассоль»? Может быть... Он только понимал — задним умом, — что если бы не зашёл сюда, упал бы на асфальт...

Он это почти увидел...

Это было дневное отражение его ночного падения... Но иногда можно ускользнуть и от собственной тени...

— Что будем пить? — спросила официантка.

— Кислородный коктейль, — сказал Линецкий. Официантка улыбнулась и сказала:

— Это будет очень дорого стоить.

— Да нет, — сказал Линецкий, — я же не имею в виду жидкий кислород.. Если ты о нём подумала... Это просто пена такая, похожа внешне на капучино, на вкус другая... Я пил её в детстве в районной поликлинике... Сейчас вдруг припомнил вкус.. Впервые с тех пор, представляешь? В самом раннем детстве я её пил, когда только приземлился на этой планете...

— Когда ты приземлился на этой планете, ты пил грудное молоко, — сказала официантка. — Хочешь, чтобы я тебя покормила грудью?

— Нет, — улыбнулся Линецкий, — я и так уже немного ожил... Спасибо тебе.

— Да не за что... Пока...

— Принеси, пожалуйста, что-нибудь холодненькое... Что угодно, но только со льдом и без градусов...

— Простите, — сказала официантка, — а у вас есть деньги?

— Что такое? — хотел было возмутиться Линецкий, но почувствовал, что на это у него ещё нету сил.

— Вы извините, но просто видно, что вы упали... Или подрались только что... У вас мог при этом пропасть кошелёк, вы могли и не заметить...

— Вот он, — сказал Линецкий и достал из кармана кошелек, — и там ещё есть кое-что.

Она пошла выполнять малопонятный заказ, а он попытался вспомнить, в какое слово они с Мигулиным играли в последний раз...

Но это уже было невозможно вспомнить...

Он только точно знал, что крестики-нолики всё время откладывались... А потом...

А потом был суп с котом — убрали стенд с наглядной агитацией, они перестали встречаться в тупике коридора, игра с букварём закончилась...

Официантка пришла со стаканом молочного коктейля.. Он, может, и не так пенился, как кислородный.. Но, отхлебнув немного и почувствовав приятный ванильный привкус, Линецкий сказал:

— Я в полном восторге.

Кроме эзотерики, Мигулин выдавал ему на дом ещё и «антисоветчину»... Линецкий перечитал тогда уйму всяких книг... От которых в его голове теперь сохранилось не больше слов, чем от эзотерики или игры в буквы...

Как-то там было... «Зияющие высоты»... Или вершины?.. «Речка Ебанючка»...

«„Зияющие высоты“ — очень актуальное название...» — бормотал Линецкий, вспоминая безразмерные тени, ловушки...

Он вспомнил, как Мигулина парализовало на последнем открытом партсобрании...

Мигулин выпил перед этим какие-то «колёса».

Ему в тот раз подсунули не те таблетки, и, выпив их, Мигулин просто одеревенел на три часа.

Он рассказывал потом, что у него была полная ясность сознания, но при этом абсолютно все мышцы — включая и мышцы лица — были парализованы...

Он не мог не то что пошевелиться, но даже глазом моргнуть.

Когда собрание закончилось, он остался сидеть в кресле.

Линецкий, проходя по соседнему ряду, поздоровался, но не услышал ответа.

Решив, что приятель уснул, подошёл и начал было его тормошить... Но, встретившись с открытыми голубыми глазами, спросил только:

— С тобой всё в порядке?

И, не услышав ответа, пошёл к выходу..

А Мигулин просидел в актовом зале ещё три часа в гордом одиночестве...

Мигулин потом говорил, что что-то произошло в эти часы...

Но что — он не мог сказать...

Словами он только сказал, что всё это время держал правой рукой запястье левой...

Прежде, чем таблетки подействовали, он хотел измерить пульс...

И так и застыл... Линецкий вспомнил об этом, когда через несколько лет в «Огоньке» прочёл чьи-то стихи: «Его рука лежит на пульсе перестройки...»

Он тогда даже принёс журнал в их «зауток» и показал стихи Мигулину... И тот признался, что за три или четыре часа, которые просидел парализованный в актовом зале... Что-то произошло...

Так же, как крик может вызвать снежную лавину...

Трёхчасовое молчание в актовом зале — перестройку...

В восемьдесят восьмом году в институт приехали американцы, и стенд, за которым они с Мигулиным прятались, убрали...

Через некоторое время Мигулин вообще ушёл из института в непонятном — до сих пор — направлении...

Смешно было то, что американцы оказались никакими не американцами...

Нет, ну строго говоря, они могли уже иметь американские паспорта... Но в то же время это были бывшие работники института... Уехавшие двадцать лет назад... Почему-то это хранилось до последнего момента в строжайшей тайне...

Да нет, ясно... Вряд ли работники института так старательно зачищали бы перила...

Они ведь делали это отчасти и от чистого сердца, чтобы не ударить в грязь... Чтобы показать, что и они не лыком шиты...

А какой смысл было пускать пыль в глаза своим бывшим сотрудникам...

Которые могли носить в себе занозы из тех же самых перил...

В шлифовке наждачной бумагой перил принимали участие все сотрудники института без исключения, включая и старших, и ведущих...

Даже старенький профессор Залесский стоял вместе со всеми на лестничной клетке и тёр шкуркой поручни...

То есть опять-таки сражался за Родину... Его фотография была на том стенде, который сняли со стены вестибюля...

«Неужели из всего этого перестановочного бреда, из этих коробок, щепок, из лабиринта стен, покрашенных голубой краской...» — думал Линецкий, допивая свой молочный коктейль...

В динамиках, висевших на стенах кафе, раздался скрежет, а потом Том Вэйтс... Даже не запел — просто стал проговаривать ход его — Линецкого — мыслей:

He has no friends
But he gets a lot of mail
I'll bet he spent a little
Time in jail...
I heard he was up on the
Roof last night
Signaling with a flashlight
And what's that tune he's
Always whistling...
What's he building in there?
What's he building in there?
We have a right to know...

Он расплатился за коктейль, вышел на улицу и вдруг замер...

На мальчике был расшитый золотом красный кафтанчик, на голове — тубетейка или феска.. В руке — плёточка... Сквозь его осанку, сквозь поступь его светло-серого ослика.. Просвечивал другой *день*...

Он ехал медленно, Линецкий шёл почти вровень, немного позади, и с изумлением наблюдал, как продавцы всех лотков тихонько кланяются маленькому богдыхану.. Которому не было, наверно, и девяти... А может, и было — на секунду Линецкий даже было усомнился, что это ребёнок.. А, скажем, не карлик.. Но, обогнав ослика на два шага, глянув на личико всадника, он убедился, что это мальчик...

И он ехал дальше и дальше, этот мальчик, и лоточники продолжали ему кланяться...

Золото, которым была расшита его одежда, сверкало на солнце, а в движениях была такая уверенность, какой Линецкий давно уже не наблюдал нигде...

Людей на набережной по мере продвижения становилось всё больше, но ослика это не останавли-

ливало, он исчезал на миг — иногда вместе с мальчиком, а иногда — как будто сам по себе, потом снова появлялся...

Но потом они нырнули и не вынырнули...

Линецкий вспомнил, что в этом месте — одни из ворот парка Литфонда, просто сейчас они заслонены людьми...

Линецкий даже думал было последовать за осликом в парк, но вспомнил, что идёт разбираться с другой галлюцинацией...

И решил придерживаться хоть какого-то порядка...

Он пошёл дальше — по променаду... Очень медленно, вокруг были люди... Линецкий вдруг наткнулся на живот великана, задрал голову и увидел своего сокурсника...

В принципе, это было неудивительно, потому что из всей группы он уже много лет встречал только Белявского... И давно уже воспринимал его как некое ходячее опровержение классической теории...

Нет, ну в самом деле: как такое могло быть, годами, или какими годами — десятилетиями, встречать из тридцати трёх человек только одного...

Линецкий когда-то пытался это объяснить огромным ростом Миши... Но понимал, что это не убедительно, — улицы в Харькове редко бывали так запружены, чтобы можно было видеть только тех, кто возвышается над толпой...

Нет, тут было что-то не то...

Но что это было, ни он сам, ни Миша не в силах были объяснить, и последние годы, встречаясь на улицах, они просто улыбались друг другу — говорить уже было в общем-то не о чем, столько лет прошло, и с теорией вероятности всё давно уже было ясно...

Но сейчас встреча произвела на Линецкого впечатление... Во-первых... После того, как он ночью упал с утёса... И даже не встрял ногой в дерево... Он вообще не был уверен, что вокруг — не морокк...

И вот эта мысль: что Миша с такой же частотой будет встречаться и здесь...

«Сильная боль, убивающая на этом свете, продолжается и на том...»

Не то чтобы Миша был такой уж его болью...

Хотя раньше — вспомнил Линецкий — он болел душой за Мишу... Который, кажется, до сих пор не женился... И вообще был какой-то странный...

Надо было просто видеть этого Мишу...

Это был двухметровый мехматовский мальчик с огромной головой, и в данный момент в его облике было что-то уже совсем запредельное...

Он был одет в костюм... Да-да-да: в пиджак и брюки, по такой жаре... К тому же весьма напоминавшие школьную форму... А в руках у него был узелок цвета воздушной сини... На верёвочке...

Точно в таком мешочке Линецкий — да и Миша, наверняка — в младших классах носили в школу сменную обувь...

Они отошли немного от толпы — к бордюру, Линецкий предложил спуститься на пляж, но Миша покачал головой.

— Ну что ж, — сказал Линецкий, — хозяин-барин... А зачем тогда на море приехал?

— Я был на семинаре, тут рядом... Решил заехать к одной знакомой...

— Мда, — сказал Линецкий...

Ему показалось, что в толпе мелькнул мальчик на ослике...

— Я вспомнил сейчас, как мы ездили в Москву, — сказал Линецкий, — на первом курсе. Ты все дни

решал в уме задачку... Я даже сейчас вспомнил, какую... О сходимости ряда «икс в степени икс в степени икс...», правда?

— Ну да.

— Как будто играл сам с собой в крестики... Да, и у тебя тогда ещё выгащили кошелёк в ГУМе, помнишь?

— В ЦУМе, — сказал Миша.

— Ну и что ряд, — сказал Линецкий, — сходится?

— Смотря при каких икс.

— А если подставить себя? Мне впоследствии иногда казалось, что ты именно это и сделал...

— Я занимался потом функциональными уравнениями, так что в каком-то смысле... Там ведь аргумент сам является...

— Ты вообще вырос с тех пор, как минимум на голову...

— В каком-то смысле, — усмехнулся Миша.

— Как степенной ряд — не знаю, но я вот на днях.. разошёлся.. такой вот, брат, каламбур.. Да, я вообще-то к морю шёл — в нём сейчас единственное спасение... Дикая жара... Ну, не хочешь на пляж, давай тогда зайдём в это кафе.

— А что у тебя с лицом? Да и с руками?

— Да, ерунда... Свалился... Ну вот, — сказал Линецкий, когда они сели за столик, — я рад, что встретил тебя, а не... Глебова... Скажи, ты уверен, что ты... Нет, скажи, ты уверен, что ряд «икс в степени икс...».

— Уверен ли я, что я живой? — прервал его Миша. — Ты ведь это хотел спросить, да?

— Да, — сказал Линецкий, — ты что, знал Глебова?

— Вообще-то, ты нас знакомил когда-то... Мы потом с ним больше общались, чем с тобой... Но это неважно... Я спешу, — сказал Миша, — мне прав-

да надо идти. Но мне кажется, я могу тебе помочь в этом разобраться. Я знаю довольно простой тест. Мне его показал... Неважно кто. Берёшь первые семь букв русского алфавита... «Ё» не в счёт... У тебя есть бумага? Нет? Вот я тебе дам листок, — Белявский достал из узелка тетрадь, вырвал оттуда листок в клеточку..

Линецкий, затаив дыхание, смотрел, что будет дальше... Не нарисует ли он квадрат, не напишет ли слово?. Какое слово?..

Миша ничего этого не сделал, просто дал ему чистый лист...

— Ручку я не могу тебе оставить, она мне нужна, — сказал он, — попросишь у официантки...

— А я не могу при тебе сделать тест? А потом — если на листке останется место, сыграем в крестики-нолики?

— Я спешу, — повторил Миша, — а этот тест надо делать не спеша... Слушай, тебе нужно вспомнить самое лучшее, что у тебя было в жизни, и чтобы слово начиналось с этой буквы. Всё что угодно, любое существительное, имя, название... Ты должен это последовательно сделать для каждой из первых семи букв алфавита...

— А дальше?

— Это всё.

— А что потом? — сказал Линецкий. — Как интерпретировать?

— Это ты сам должен понять. Иначе неинтересно. Ну всё, я пошёл.

— Миша, погоди, ты мне нужен для одного очень важного дела...

— Для крестиков и ноликов? Как-нибудь потом...

— Ну вот, все говорят — потом, и это всё время откладывается... Нет, правда, ты мог бы мне помочь

в другом... С твоим-то ростом... Ты мог бы заглянуть за один очень высокий забор... Мне нужно знать, понимаешь?..

— Что знать?

— What's he building in there?! We have a right to know!..

— Мне правда надо идти, — сказал Миша, стряхивая руку Линецкого со своей руки, — я сегодня уезжаю. До встречи!

И его голова взмыла так далеко вверх, что можно было сказать — исчезла...

Линецкий оглянулся на набережную, искал глазами, но не увидел ни Мишу, ни татарчонка на ослике... Где-то возле бордюра, впрочем, теперь стоял фотограф с шевелящимся двугорбым верблюдом...

Линецкий вспомнил, что во время коллективизации кого-то репрессировали за то, что он водил от хаты к хате верблюда... Отставшего от цирка... И говорил: «Дивитесь, до чего большевики довели коняку»...

Кто-то из депугатов рассказал об этом на первом же заседании Рады... После объявления независимости... И потребовал реабилитировать этого человека...

И заодно назвать все вещи своими именами...

Верблюда — верблюдом...

У верблюда два горба, потому что жизнь — борьба...

Это — наша с тобою судьба, это наша с тобой биография...

Линецкий не стал просить у официантки ручку, он решил, что этот тест можно сделать и устно...

Он, не задумываясь, назвал шесть слов...

«А», скажем, стало «Алтаем», с которым у него были связаны светлые воспоминания от одной командировки...

И, и так далее...

«Е» — «Екатериной»...

Но, дойдя до седьмой буквы, Линецкий надолго завис над листом...

Почему-то никак не удавалось вспомнить хоть что-нибудь светлое из своей жизни, что начиналось на седьмую букву алфавита...

Пока он не понял, что это — сама «жизнь»...

Ответ по форме, может быть, и напоминал карточный фокус...

Но это не имело теперь никакого значения... Потому что Линецкий, разгадав предложенный ему ребус-тест...

Почувствовал, что затмение действительно было...

И только теперь закончилось.

Рассеянный образ жизни

Он увидел заправку и решил долить в баки бензин, а заодно и пожевать чего-нибудь.

В буфете внимание его привлёк бугерброд... Лёня пробуравил глазами немолодую продавщицу и спросил:

— Осетрина свежая? Я, вообще-то, её на юге не ем. Страшные от неё бывают отравления. Но сейчас вдруг так захотелось...

— Так потому и захотелось, что свежатинка, — сказала продавщица.

— Если у меня живот скрутит от твоей свежатинки, я сюда вернусь, — сказал Манко, — ты так и знай. Последний раз спрашиваю, свежая?!

— Рыба очень свежая, — сказала продавщица, — ноя же не знаю, что вы ещё в дороге употребите... Сейчас только пять утра, это же у вас ещё даже не завтрак. Зачем же так приезжать на меня на ровном месте?

Чей-то голос произнёс его имя, Манко резко обернулся...

— Сельдик, — сказал он, — ты откуда взялся?

— Из Нового Света, — сказал Сельдик, — еду домой. У тебя что, нервы сдают, а, Ман?

— Какие нервы, Сельдик, с чего?

— Я не знаю, я смотрю, ты тут базар устраиваешь. Или, может, ты теперь на санэпидемстанции работаешь?

— Сельдик, тебе ли не знать, где я работаю?
— Не, ну ты же был когда-то этим...
— Ну, ну?!
— Санитаром леса...
— Рэкетиром, ты хотел сказать?
— Да не, Ман, чё я, совсем? Всё давно и неправда... Да это слово теперь вообще никто не употребляет. Крыша и крыша...

— Какая, блядь, крыша! — сказал Манко и ударил кулаком по прилавку.

— Ман, чё ты разбушевался? Ну, пусть будет рэкет... Эй, эй, постой... Рэкет по-английски — это «рассеянный образ жизни»... Я тебе клянусь... Мне недавно сказали, я тоже не поверил, в словарь посмотрел — правда...

— Сельдик, мы не в Чикаго. При чём тут английский? Вместо того, чтоб спасибо сказать... Ну ешь тут, травись на хуй...

— А я и ем, и пью, — сказал Сельдик, отправляя в рот второй бутерброд, — и чё? А тебе нервы надо лечить, Ман, а не желудок. Я так думаю, что ты в санаторий едешь?

— Я сонный, Сельдик, а то бы я тебя устроил в санаторий... Ладно, хватит бузы. Мне передавали, что ты хочешь промзону выкупить. Я через три дня вернусь и перетрём.

— Лады! Не обижайся, Ман. Я просто не врубился, тоже ведь не спал, вхожу, смотрю — Ман, как вроде за старое взялся...

— За какое старое, Сельдик, ты что, с ума сошёл?! На вон, попробуй, у неё даже пиво скисшее, как будто она туда мочу заливала.

— Бабе трудно отлить в бутылку, Ман, согласись.

— Ну, может, ты и прав. Просто тёплое... Ладно, Сельдик, мне туда, а тебе обратно. До скорого.

Манко отхлебнул из купленной на заправке банки газированный напиток «живчик» и включил проигрыватель. Когда начался припев, он стал подпевать: «Райзен, райзен, зэман райзен, йедер тут дас ауф зайне вайзе!»*

Незадолго до отпуска секретарша по его заданию перевела песни, а потом ещё и переписала все тексты по-немецки, но русскими буквами..

Нога каждый раз сама собой нажимала на газ, и хаммер бросало вперёд..

Казалось, его сейчас завертит в огненном смерче...

Манко обязательно ставил «Раммштайн», когда вёз кого-нибудь в первый раз.

Хотя он знал, что ни один человек не в силах понять то, что чувствует он в этот момент..

Человек может восторгаться — вполне искренне — скоростью, внутренней отделкой его «броневика», да и самой по себе музыкой..

Но ощутить это *в целом* никто, кроме него, не в состоянии..

Манко это особенно ясно осознал, когда вёз своего бухгалтера.

Врубив «Раммштайн», Манко стал искоса следить за выражением бухгалтерского личика..

Оно было непроницаемо! Бледный мерзкий мозгляк в круглых очочках..

«Пиздец?» — спросил Манко. «Простите? — сказал бухгалтер. — Нет, я просто не понял, что вы имеете в виду? Машину, музыку, ситуацию с мальхинским тендером?»

Манко сразу стало так тоскливо, что он чуть не сказал: «Уволен».

* «Путешествия, путешествия, морские путешествия, каждый совершает их по-своему...» (нем.)

Он еле сдержался, вспомнив, что бухгалтер в последнее время стал выполнять ещё и функции садмина, и подыскать ему замену, да за такую зарплату..

— Эту музыку, — сказал Манко, — я дома не слушаю. Только в машине.

— Понятно. Хорошая музыка. Очень, — закивал бухгалтер.

— Что тебе может быть понятно? Ты вообще помнишь, что Ленин сказал?

— Нечеловеческая музыка. Правда, он это сказал про другую..

— Да что ты говоришь! А я и не знал, — засмеялся Манко. — Так вот: дома я слушаю ту же, что и Ленин. А эту только в машине. Ладно, проехали, — сказал Манко и, выключив «Раммштайн», пропел, подражая Элвису: — Love me tender..

Бухгалтер попробовал изобразить на лице улыбку..

Манко подъехал к флигелю на территории Литфонда, который снимал, в принципе, не он один.. Но соседей он почти не видел, а может быть, и не было уже никаких соседей.. Накануне он о них подумал, когда эта тварь, кончая, стала орать.. Где он её подцепил, он уже толком и не знал.. На набережной? Или прямо в море?.. Загарпунил?..

Нет, загарпунил он её, уже дотащив до кровати..

Все дни перед этим Лёня не то маялся, не то мялся.. Зачем-то даже вызывал сюда секретаршу.. Алёна приехала, он сводил её в Тихую бухту, трахнул по пути.. И как-то быстро она ему надоела.. К тому же сильно обгорела, так что и трогать её на следующий день нельзя было.. Глядя, как она сидит, положив ноги в воду, на песке, под зонтиком, Манко вспомнил клип.. Бека, кажется.. В котором к че-

ловеку на курорт являлся его письменный стол — прямо на пляж.. А в офисе, наоборот, в это время ходили в плавках и ластах.. Тупая такая перестановка, да.. А потом ещё тень по улице шла вертикально, а человек, наоборот, полз по асфальту..

Манко услал Алёну обратно в Харьков..

А вчера или, точнее, позавчера.. Потому что вчера Манко проснулся под вечер и отмокал в море, пока не стемнело.. С удовольствием вспоминая это ощущение... Когда после шашлыков, вина и ночного купания.. Которое само по себе осталось в памяти.. Белым треугольником.. Мелькавшим в глубине..

«Блядь, она хорошо ныряла... — вспоминал он, — след от купальника.. Плыл в глубине, как электрический скат.. Или отражение чайки...»

Он ловил её руками, она ускользала..

Поймал только, когда приземлились..

Как медведь лосося... в горной речке..

И потом, когда они шли в обнимку.. Он всё время лапал её большую грудь.. И казалось, что он тащит под мышкой огромную рыбину-блядину.. Белугу-касатку..

Нет, это она его называла касатиком..

Вообще она была чудная — как будто пришла пешком из довоенной фильмы..

«Что же ты не нырнул за мной, касатик? — сказала она на берегу. — Моё тело было из тех же букв, что твоё лето...»

«Странные слова говорила.. Сумасшедшая баба.. Но при этом тело у неё такое, что.. Не, давно такого не было.. Просто русалка, блядь...» — думал Манко, счастливо потягиваясь..

Он шёл по выжженному солнцем парку Литфонда к калитке, которая вела на набережную..

И вдруг заметил в стороне от тротуара — на рыжем газоне — белую фигурку...

Доплер стоял, прислонившись к чёрному стволу с таким неприкаянным видом, что Манко — вспомнив к тому же, как прождал его накануне битый час в кафе, — думал было теперь пройти мимо...

Но всё же сказал: «Здравствуйте, Пётр Григорьевич. Как ваши дела?»

Доплер ответил не сразу. Он посмотрел на Манко затуманенным взглядом, начал было что-то говорить, но ничего не сказал.

— Ну, я пойду, — сказал Манко, — простите.

— Постойте, — сказал Доплер, — можно, я с вами... Немного пройдусь?

— Конечно, — сказал Манко, — а где Лена?

— Лена... Лена, Лена, Лена... — Доплер на ходу хлопывал себя сухой веточкой по белой штанине.

— А Лены больше нет, — сказал он, — или меня больше нет, если угодно...

— Чего это? — удивился Манко. — Мне это не угодно. Её нет, так может, ещё и к лучшему... А вы есть, Пётр Григорьевич. Рассказывайте, что произошло? Я, между прочим, депутат, так что мне вы можете всё говорить...

— Я шёл по набережной, — сказал Доплер голосом, который показался Лёне каким-то театральным, жеманным... Впрочем, он подумал, что слышал такой голос ещё и у тяжёлых больных...

— ...в том месте, где стоят палатки, знаете, за холмом, на холме... Несколько штук.. Вот туда я забрёл, и увидел, как она...

— Что? Мне вы можете всё говорить, как врачу...

— Совокуплялась...

— С кем?

— Он подходил к нам несколько дней назад.. Огромный парень — больше, чем вы.. Такой, знаете.. Спортсмен..

— Ну да, знаем мы этих спортсменов..

— Сексуальные фантазии вообще довольно банальны, так что это всё вполне естественно.. Сначала я даже подумал, что на это не стоит обращать внимание.. Молодая девушка, вы понимаете.. Не нагулялась.. И пусть уж лучше с этим.. Живым воплощением.. Чего? Я даже не знаю, чего.. Воплощением плоти.. У меня мысли путаются.. А потом я понял, что где-то в этом месте.. жизнь кончилась.

— Да вы что, Пётр..

— Нет, нет, не перебивайте меня.. Я стоял и смотрел с такой возвышенности, как они там лежали и ласкали друг друга.. Я наблюдал очень долгий куннилингус.. Прямо как в зоопарке, а потом и коитус.. Который едва не случился на берегу.. Но вокруг уже были люди.. И она потащила его за руку в море.. И там они это делали, стоя по пояс, она на нём сидела.. Я всё видел с холма.. А потом снова лежали на берегу, и он её ласкал.. Огромное тело, я видел, как играют мускулы на его спине.. Анатомический театр.. Краски: жёлтая, коричневая, лимонная.. Немного лиловой.. Всё это под открытым небом.. И знаете, что я почувствовал?

— Пойдёмте к ним, — сказал Манко, — я навсегда отобью у этого спортсмена охоту..

— Я почувствовал, что это — и моё тело тоже.. Понимаете? А я смотрю на это со стороны.. Меня уже нет.. Потому что я за это время так к ней.. Что в ней теперь больше Доплера, чем вот в этом, — он взял двумя пальцами рукав, поднял свою руку, отпустил, и она безвольно упала вниз..

— Пошли, пошли, — сказал Манко, — потерпите ещё минутку, сейчас вы всё это забудете.

— Нет, — сказал Доплер, — я не забуду. И мы туда не пойдём, ни-ни...

— Ну, как вам угодно... А я вас тогда прождал час в кафе, когда мы договорились ехать...

— Она заупрямилась, — сказал Доплер, — простите, я ничего не мог сделать... Я как раз хотел с вами ехать, не знаю, как сказать... Я серьёзно воспринял ваш рассказ... О том, что приключилось с вами на дороге... Я подумал, что с вами можно заехать в запретную область... На автомобиле... Знаете, Ульрих — герой романа Музиля — говорил, что он хочет прямо на автомобиле проехать через ту область, про которую писали туманные мистики...

— Да, всяко бывает... Но я уже это проехал, знаете, просто выкинул наконец всё это из головы... Идёмте, — Манко взял Доулера за запястье... И сразу же выпустил его руку, как бы одёрнув себя за панибратство...

Но Доплер теперь интерпретировал всё по-своему...

— Вот видите? Меня уже нет. Вы сами только что почувствовали. Так что никуда мы не пойдём. Давайте вот здесь присядем, если вы не возражаете... Вы завтракали?

— Перекусил, — сказал Манко, — но здесь вообще не стоит есть. Давайте тогда в нормальное кафе... В «Орфей», что ли.

— Встретимся там через час, — предложил Доплер, — идёт? Мне нужно ещё в одно место зайти... — он усмехнулся, осознав, что фраза получилась двусмысленная... Но уточнять не стал...

Они в этот момент были уже в конце набережной, дальше асфальт переходил в бетонные плиты,

с которых можно было либо сойти к морю, либо, если дальше пойти — на тропинку, вытоптанную в траве. Она огибала невысокий двойной холм, напоми-
навший женскую грудь, и где-то там обрывалась...

Пройдя десять метров, Манко обернулся и увидел, что Доплер не пошёл ни к морю, ни вдоль... А, сделав несколько шагов в глубь суши, приблизился к человеку в кожаном шлеме... И о чём-то стал с ним говорить... Сразу было ясно, о чём, хотя мало ли... Манко вспомнил, что, когда впервые увидел этого человека, даже не заметил, что за спиной у него стоит дельтаплан с мотором...

Когда человек в шлеме жестом пригласил Доплера к своей «этажерке», Манко, сам не зная, зачем он это делает... Быстро пошёл назад.

— А мне можно полетать? — сказал он.

— Можно, конечно, — сказал человек в шлеме... И крикнул в сторону группки лётчиков, стоявших чуть поодаль:

— Игорь! Клиент!

— Нет, — сказал Манко, — я с Игорем не хочу.

— Почему же? Ладно, клиент всегда прав. Хотите со мной, подождите. Полёт длится восемь минут. Вы следующий.

— Нет, — сказал Манко, — следующим я тоже не хочу.

— Чего же вы тогда хотите? — задумчиво спросил человек в шлеме и погладил завитые усы, разводя в стороны большой и указательный пальцы...

— Я хочу полетать со своим старшим другом, — сказал Манко, — вдвоём. Сам буду вести самолёт, то есть дельталёт... Но я и самолёты водить умею. Я и в ВДВ служил...

— Так вы, батенька, тогда умеете сигать с самолётов, — усмехнулся человек в шлеме, — а с дельта-

лётов это тоже возможно, но сложнее. Я один это умею...

— Вы меня не дослушали, — сказал Манко, — это я так, к слову.. Я почётный член аэроклуба... Вообще, разрешите представиться...

И Манко перечислил все свои титулы — не забыв и депутатский...

— Ну и что? — сказал усач. — Это что, даёт вам право вот так брать у меня машину.. А если разобьёшься? Что тогда?

— Я не собираюсь разбиваться, у меня дел много на земле, — сказал Манко, открыл маленькую кожаную сумочку и стал показывать дельгалётчику документы...

Доплер за всё это время не проронил ни слова. Он сидел в кресле, глядя в море невидящим взором... Не то чтобы перед глазами у него была эта сцена... Нет, всё было ещё более предательски... Тепло, сидевшее в «этажерке» и ждавшее, пока эти два странных человека в чём-то там разберутся, было пустым...

Накануне они с Леной гуляли здесь вечером, и, несмотря на какое-то небывалое нашествие комаров — которых там вообще, по идее, не должно было быть — на море... Доплер вдруг понял, что комары его не кусают... Только его одного — вокруг все чесались, хлопали себя по телу, шли «вприсядочку»... Именно в этом месте, казалось, комариная туча была наиболее плотной...

А его не укусил ни один комар, и теперь он думал, что уже вчера в его жилах текла не кровь, а морская вода...

При этом что-то оставалось в одежде, болталось, что-то неприлично лишнее, случайно задержавшееся в этом порнофильме...

Он увидел, что Манко что-то пишет, положив лист на кожаную сумочку.. И, как будто передразнивая, достал блокнот и тоже стал что-то писать...

Манко поднял голову и сказал:

— Пётр Григорьевич, мы сейчас вдвоём с вами полетим. Я пишу расписку, тут мне не верят, так я оставляю залог... Это чистая формальность, вы увидите, как я вас покатаю, я — ас... Но что *вы* там пишете, если это не секрет? Тоже расписку?

— Да нет, — сказал Доплер, — я заметки делаю. Это профессиональное, знаете...

— А, для будущего фильма, — сказал Манко.

— Слушайте, вы мне оба уже надоели! — сказал человек в шлеме, как будто выплюнув изо рта кляп. — Вот вы — вылезайте из дельгалёта! А вы прекратите мне морочить голову! Это просто невозможно!

— Ну подождите ещё минутку, — сказал Манко Доплеру, — допишите сценарий... Я сейчас.

С этими словами он увлёк человека в шлеме за собой, приобняв его одной рукой, отвёл куда-то в сторону. Через несколько минут он пошёл назад один — владелец летательного аппарата остался стоять на месте. Вдруг он крикнул в спину Манко:

— Эй!

Манко обернулся и увидел, что тот стянул с головы шлем и протягивает его...

— Не надо! — махнул рукой Манко.

Усач подбросил шлем немного вверх, как сдувшийся подданный мяч... Поймал, но надевать не стал. Он наблюдал теперь за происходящим молча, скрестив руки на груди и расставив кривые ноги в сапожках.

— Ну как? — крикнул Манко, когда дельталёт, пробежав десять метров по уграмбованной глине, взмыл в воздух...

Доплер молча озирался по сторонам...

— Нравится? — крикнул Манко.

— У меня ощущение, что я сижу за своим письменным столом... На старой квартире... Там у меня стоял вентилятор, прикрепленный к столу болтами...

— Ну да, этажерка, — сказал Манко, — но неужели вам не нравится, смотрите, мы поднимаемся выше! Куда летим?

— К Кара-Дагу, — сказал Доплер.

— А, сейчас... Тут тоже красиво, смотрите вниз...

— Красиво. Эти длинные холмы... Похожи на варанов... Которые сцепились...

— Здорово, да? Мы потом подлетим и к Кара-Дагу...

— Но выше мы уже не будем подниматься? — уточнил Доплер.

— Нет, всё. Разве не хватит?

— Я думаю, что хватит, — сказал Доплер, — надеюсь.

— На что надеетесь?

— Да в общем, ни на что... Вот, возьмите. Только аккуратно, а то улетит, — сказал Доплер и протянул Манко сложенный листок.

— Простите, Пётр Григорьевич, но я не могу сейчас читать. Эта смешная конструкция... Требуется от меня...

— А не надо читать, вы просто положите в карман. Или, если вы позволите, я положу вам. Можно?

— Ну да, — сказал Манко, — но что-то мне не нравится эта голубиная почта... Эй, вы зачем?! — крикнул он, увидев, как Доплер расстёгивает ремень безопасности...

— Прощайте, — сказал Доплер и стал валиться на бок...

Но Манко, заорав: «Куда?!» — схватил его за ворот...

— Пустите, — сказал Доплер, — сейчас же.. Вы просто не понимаете...

— Я всё понимаю! — крикнул Манко. — Я за вас подписался, зачем же вы так?

— А я написал письмо! — взвизгнул Доплер. — Оно у вас в кармане. Там всё, как полагается, в смерти прошу не винить, подпись... Пустите меня. А то это плохо кончится, вам ещё рано, пустите, пустите...

Дельгалёт летел теперь как бы по спирали, Манко напрягал все свои силы, чтобы не дать свалиться на бок — теперь уже не только Доплеру...

— Блядь, что ж вы делаете! — сказал он. — Мы сейчас упадём!

— Хорошо, — сказал Доплер, — пустите меня. Я обещаю, что не буду.

— Смотрите у меня, — сказал Манко и отпустил рубашку, — а то я вам... Кара-Даг не покажу.. Я же не могу так.. управлять одной рукой, другой вас держать, да ещё третьей бороться с болтанкой... Эй, так мы не договаривались! — крикнул он, увидев, что Доплер, взявшись рукой за борт, пытается подняться...

— Прощайте, мой друг, — сказал Доплер.

— Стоять! — закричал Манко и, отпустив руль, не глядя ударил Доплера — сбоку, без размаха, левой рукой... угодив при этом в висок, а не в челюсть...

После этого ему каким-то чудом удалось вывести дельгалёт из виража с сильным креном...

И теперь траектория была наклонной пологой линией...

Дельталёт двигался в режиме скольжения...

Доплер сидел совсем тихо...

Теперь только Манко подумал, не слишком ли сильно он его...

Старик — ему ведь много не надо...

— Всё, сейчас уже идём на посадку, Пётр Григорьевич, — сказал Манко, разворачивая дельталёт над морем... Замечая белый треугольничек на поверхности воды... «Вот, снова показался след от её купальника... Как это она сказала? Тело из тех же букв...» — вспомнил Манко...

Он улыбнулся и думал было пересказать это Доплеру...

Но вспомнил, что Доплер сейчас вряд ли его слышит...

И всё же заговорил... Причём с интонацией, которую подслушал когда-то на выступлении гипнотизёра:

— Когда мы приземлимся, вы очнётесь, Пётр Григорьевич. А все эти ваши фокусы останутся в воздухе. Все мысли о самогубстве, о прыжках без парашюта... Вам не надо уходить из кино, Пётр Григорьевич, будете снимать и дальше... А то знаете, как я расстраивался... Когда отменяли сеанс... Отец говорил: «Кина не будет, кинщик заболел». Я смеялся сначала, а потом плакал... Пётр Григорьевич, я вам хотел предложить сотрудничество... Что, если я попробую продюсировать ваш следующий фильм? Я ещё с друзьями поговорю, может мы вместе вложимся...

Заговорившись, он забыл, что перед этим искал глазами квадратик рыжего глинкача, с которого взлетали дельгалёты... Когда он развернул свои крылья, под ними уже снова было море, но белого треугольничка внизу теперь не было — Манко летел

против солнца... Всё это время он не смотрел на Доплера... Если тот был в сознании, Манко было бы неприятно смотреть ему в глаза, а если без — мысль о том, что он не удержал удар... и что от этого могло произойти в седой башке... Могла помешать управляться... с летающим средством...

Но прежде чем зайти на посадку — площадку Манко уже вычислил — он повернул голову...

И в этот момент дельгалёт сильно дёрнуло...

«Кажется, попал в „пузырь“, — пронеслось в голове у Манко, — и даже не сейчас... раньше...»

Рядом с ним теперь сидел никакой не Пётр Григорьевич, а тот самый парень... В рубашке цвета асфальта... Которого Манко видел на трассе в самом начале отпуска...

И когда этот серый вельветовый человек повернул к Манко смеющееся лицо...

— Очнулся, — сказал голос, — герой... Лежите спокойно.

Манко увидел белые колпаки... А потом и лица...

Все смотрели не на него, а прямо перед собой...

Манко подумал, что там, сзади, сразу же за его головой, наверно, стена...

Но он не понимал, чего они туда все так устались...

— Куда вы все смотрите? — сказал он. — Там что, экран, что ли?

— И не один... Мы смотрим на приборы.

— Какие приборы, блядь...

— Осциллографы.

— Где я?

— Где вы, это не так интересно. Интереснее, где вы были перед этим...

— И где я был перед этим?

— Вы побывали на том свете, Леонид Михайлович. И даже не заметили, да?

— Чего же, — сказал Манко, — не заметил... А где Доплер?

— Какой Доплер?

— Ну как это какой? Режиссёр!

Он увидел, как лицо в колпаке отвернулось от него. Как они переглянулись, кто-то пожал плечами, кто-то тихо сказал: «Это бывает».

— Простите, Леонид Михайлович, но мы не знаем никакого Доплера.

— Ну, со мной был человек. Пассажир, мой старый друг... Что с ним?

— Вы летали один, Леонид Михайлович, вы отказались от пилота.

— Но не от режиссёра же... Ладно, для начала — где я?

— Вы в больнице города...

— В какой ещё больнице?!

— Номер четыре.

Манко вдруг почувствовал тяжесть, ему захотелось опустить веки... Но он удержал их.

— Что это за город номер четыре... Постойте. Ну, вы знаете режиссёра такого, Доплера?

— Нет, мы не знаем, — сказала лицо.

Манко сделал слабое движение рукой в сторону других халатов...

— А вы, — сказал он, — что, тоже не знаете? Ну, все же смотрели... «Директор средней руки»... «День»... «Ворованный воздух»? Вы чё, не видели?

Люди в халатах пожимали плечами, улыбались, говорили «нет», «не видели», «мы не видели», «нет»... Манко почувствовал ужас... Он вдруг вспомнил, что

море тоже оказалось... частью пузыря... Как стало тихо — остановился мотор... Как дельталёт стал стремительно приближаться к своему отражению в синем вогнутом зеркале...

Больше он ничего не помнил...

И казалось, что дельталёт продолжает падение, — прорвав поверхность пузыря, — теперь уже во что-то... совершенно бездонное...

Это необходимо было срочно пресечь, как угодно... Прижечь, пристрелить, забетонировать...

— Слышь вы, колпаки! — закричал Манко, приподнимаясь на локте. — Вы за кого меня тут принимаете? Вы, блядь, все тут — банда отморожков! — Увидев на тумбочке возле себя какую-то бутылку, он дотянулся до неё, схватил и швырнул вперёд...

Раздался звон битого стекла. Манко почувствовал боль в руке и увидел, что из тыльной стороны ладони торчит какая-то хреновина... От неё ведёт тонкий прозрачный шланг в потолок.. Он попробовал отцепиться, но это оказалось не так просто — как будто гвоздь вбили в его руку... Он хотел было его выдернуть, но... передумал... Когда летишь в бездну, то, может, это и неплохо, быть прибитым... хотя б и гвоздями... К тому же колпаки не бросались на него... Стояли все на своих местах, как ни в чём не бывало...

— Леонид Михайлович, успокойтесь! Вам нельзя вставать, у вас был инфаркт. Прямо в воздухе... Худшее уже позади. Но если вы будете вскакивать с кровати, всё может повториться.

— Да я не верю ни одному вашему слову! — закричал Манко. — Какой к чёртовой матери инфаркт?! Откуда?! Я здоров как бык!

— Хорошо, хорошо. Только вы успокойтесь.

— Как вам можно верить, если вы говорите, что Доплера не было?

Он увидел, как врачи переглянулись. Один из них пожал плечами, склонился к первому, что-то прошептал на ухо. Тот сначала обернулся к другим, а потом заговорил:

— Не волнуйтесь, Леонид Михайлович. Мы сейчас сообщим спасательной службе, что вы настаиваете... Что с вами был ещё один человек... Может быть, он как-то так выпал... что его до сих пор не нашли...

— Идиоты!

— Не ругайтесь. Вот уже пошёл человек, видите...

— Ну вы хоть знаете такого режиссёра? Доплера? Фильм «Атлантида Петрова», три серии? Его же вся страна смотрела... Вы не могли не видеть, не могли...

— Леонид Михайлович, нам некогда! Простите нас, тёмные мы, работы много, устаём... Вам нельзя так волноваться... Что делать, не знаем мы такого режиссёра... Вам о другом надо думать... Вам надо выздороветь, вы молоды, сердце у вас было ещё ничего... Просто сильный стресс. Если вы всё правильно будете делать, восстановитесь, если же нет, пеняйте...

Манко хотел было снова подняться из положения лёжа, но почувствовал чью-то руку на своей груди... Рука была сильной и моментально уложила его обратно, а в сгибе своей собственной руки он почувствовал лёгкий укол, скосил глаза и увидел, что ему вводят что-то в вену... После этого бросать бугылки с зажигательной смесью ему расхотелось, он закрыл глаза и снова открыл, но теперь его рука торчала из сугроба. Он вырыл сам себя, встал, отряхнулся и пошёл по чёрно-белой улице... Припоминая, что это улица, куда он заехал после тренировки... После того как битый час стоял во дворе

и водил пальцем по ржавым струнам арфы... Отстав от покидающих комплекс пацанов, зашёл за угол, пробрался по заснеженной свалке... И стоял там, водил пальцем по струнам... А потом перепугал автобус... Стёкла заледенели, ничего не было видно... Да он не сидел у окна, а стоял между двумя одинаковыми автобусами, глядя, как под ногами вращается огромный железный диск... Два водителя растягивали гармошку... И сжимали — давая задний ход... Аккордеон, подаренный дядей на день рождения, оказался испорченным — только тихо сипел... Это была вторая попытка — дядя уже пытался «отдать его на музыку»... Тащил его за руку, Лёня противился... Другой рукой стал хвататься за прутья ограды — рука быстро застучала по прутьям — тихий упрямый гул... А потом уже он стоял в пустом автобусе... Хотя было много свободных мест... И было тихо, стёкла были в морозных узорах... Казалось, что автобус всё время поворачивается на месте... Лёня сел к окну, положил руку на замёрзшее стекло и держал её там, пока рука не перестала чувствовать холод... Тогда он её отнял и стал смотреть сквозь чёрный отпечаток ладони... Как будто сквозь лунку — под лёд... И увидел там очертания другого города... Или деревни... Где всё было завалено снегом: тротуары, крыши... Как в Сибири... Он побежал к водителю и узнал, что это — не тот автобус... И теперь ему надо выйти и идти всё время в обратном направлении... Что он и сделал — перескочив из салона «Икаруса» в сугроб, похожий на огромное куриное яйцо... Он пошёл... По другим таким сугробам... Мимо высоких заборов, за которыми огрызались невидимые собаки... Очень медленно... Как во сне, когда ноги ватные... Или когда по колено в снегу...

Шапито

Линецкий сел за один из белых пластмассовых столиков, положил на него обе руки, и столик, заступивший одной ножкой на гальку, сильно покачнулся. В той части кафе, что была внутри — за провалом несуществующей стены, виден был двухъярусный зал, сцена, или, точнее, начало сцены, потому что сцена теперь была широкой ковровой дорожкой, которую расстилали в сторону моря ноги танцоров...

На маленькой площадке стояли музыканты, которых Линецкий видел в разных кафе...

Только теперь над их головами висела стеклянная голова...

Которую он, скорее всего, тоже уже видел...

Если это её передавали из рук в руки его жена и инженер Мигулин...

Даже если это были не они, а их недостаточно светлые — для опознания — образы, не возникало сомнений, что под потолком той части кафе, что имела, во всяком случае, потолок, висел череп, а не зеркальный шар... И на череп точно так же направлен прожектор, и он отбрасывал «зайчики»... Ну, может, не такие чёткие, как это делал бы шар... Но блуждающие пятнышки света были хорошо видны на стенах кафе, череп поворачивался на цепочке...

Голова Линецкого тоже повернулась — он искал глазами пятнышки за пределами кафе...

И увидел, что в море плавают множество огней... Но приписывать всё это одному черепу Линецкий не стал... Он не был метаметафористом... И больше не играл в пятнашки... Он просто так сидел за столиком, глядя на тихонько вращающийся череп... И думал, что, даже если позавчера в руках Инны и Бориса... Было что-то другое... Всё же нет ничего странного в том, что теперь он действительно увидел именно то, что накануне ему, возможно, что и привиделось...

Так ведь бывало с людьми — казалось, вон там идёт имярек, а, приглядевшись, ты понимал, что это не он... Но через час на самом деле встречал именно его или её...

«Так почему то же самое не может происходить с черепами?» — подумал Линецкий...

Он вспомнил, что в чьём-то рассказе читал... О том, как один нейрофизиолог искал, как одержимый, где именно находится *сознание*... И сделал открытие, когда случайно или шутки ради подключил свою аппаратуру к лабораторному черепу... Стрелки приборов — «счётчиков сознания» — судорожно забились...

А Глебов ему что-то говорил об идее квантового компьютера на основе кварца... Но Линецкий ничего не мог вспомнить конкретно, а час назад, попытавшись найти что-то по этому поводу в Интернете, попал на сайт «Религия — атеизм чайников»...

И там прочёл фразу, которая теперь то и дело всплывала у него в голове: «...хорошие детки не ковыряют в носу и не прикладывают разность потенциалов к побрякушкам из горного хрусталя...»

«В сущности, ничего нового... Йёгель сказал: „Дух — это кость“, — вспоминал Линецкий, — так

что я только что пришёл к тому же самому... Только что „через голову“...»

Конечно, было бы более правдоподобно встретить после этого Бориса...

После того, как днём узнал, что ночью обозначился... Что это не его пристань, что никто вообще там слыхом не слыхивал ни о каком Мигулине, ни о какой Инне Линецкой...

Дядечка, представившийся как хозяин комплекса, от души смеясь, заверил Линецкого, что названных персонажей ни на его пристани, ни за воротами его «дачи» отродясь не было.

А про хрустальный череп Линецкий, конечно же, не стал его спрашивать. Ему и так было не по себе, когда ворота вдруг приоткрылись и оттуда выступили эти... в камуфляже... И он не мог убедить их, что это никакое не «журналистское расследование»... Пока не пришёл дядечка — тот сразу всё просёк... И дал ребятам отмашку...

И там ещё что-то по поводу патентов перед этим было — на сайте...

Но что — он не запомнил... А потом: «...хорошие детки не ковыряют в носу и не прикладывают разность потенциалов к побрякушкам из горного хрусталя...»

Глядя на медленно вращавшийся под потолком кусок горного хрусталя, Линецкий повторял эту фразумного раз... Как перед этим: «What's he building in there?» — когда пытался заглянуть за забор замка...

То есть Линецкий делал всё, что не делают хорошие детки... И при этом ещё имел наглость привлекать на свою сторону какие-то авторитеты...

«Ну и что? — думал он. — Кое-кто, напротив, советовал... одновременно „смотреть вдаль и ковыряться в носу“... Кажется, это был Чжуан-цзы...»

Кстати, в одной из книг, которые давал ему Ми-гулин...

А может, всё в том же журнале... «Blinded by Science»...

В общем, где-то он читал, что в Древнем Китае произведения искусства не выставлялись напоказ... Наоборот, прятались подальше от чужих глаз — в «най»... То есть во «внутреннее», най — это «внутреннее» по-китайски, вай — «внешнее»...

Иногда так глубоко, что обладатель сокровищ начинал считать их своими внутренними органами...

Тут он вспомнил, как в детском саду во время тихого часа играл с соседом по кровати в прятки...

Прятались не сами детки, а... косточка от вишни...

Линецкий не помнил, куда её спрятал приятель... Под матрас, что ли... Или в наволочку...

Но он прекрасно помнил, куда спрятал её сам, когда пришла его очередь...

Просто засунул в ноздрю, и всё. Недолго думая. И сказал, что можно открывать глаза...

Его сосед по койке не смог найти косточку, как ни гадал... Искали они, конечно, просто задавая вопросы... Не покидая каждый своей койки...

Приятель сдался, Линецкий понял, что выиграл... И полез пальцем в нос — чтобы достать спрятанную косточку... И вместо этого протолкнул её ещё глубже... И снова попытался достать... И протолкнул ещё глубже... И...

Что-то в этом воспоминании виделось ему теперь... метафорическое...

Но тогда ему было не до смеха... Ему казалось, что косточка теперь находится в центре его головы... Или даже всего мира...

Он пошёл и во всём признался воспитательнице...

И она сразу же повела его в ближайшую больницу, где бородатый хирург, улыбаясь, показал ему косточку от вишни... Которую мгновенно достал из его носа длинным пинцетом...

Точно так же ему уже раньше демонстрировали... Удалённый зуб...

И теперь он смотрел на вишнёвую косточку как на равно-удалённую... И от вай и от най...

«Если бы косточку вовремя не извлекли, — думал он, — она бы могла во мне прорасти... В дерево... Как это случилось в голове оленя... В которого выстрелил Мюнхаузен... А дерево это могло быть деревом познания...»

В кафе теперь что-то проецировалось на одну из стен, Линецкому издалека казалось, что это — тот самый диафильм про Мюнхаузена — из детства...

Он вспомнил и свой диапроектор — маленький чёрный бронепоезд, который ужасно разогревался... накалялся — так, что до него нельзя было дотронуться...

И эти сверкающие пылинки в конусе света...

Он уже слышал слова «космическая пыль», и часто о ней думал, когда отец показывал ему в тёмной комнате диафильмы...

Во всяком случае, Глебова нельзя было теперь спросить, что он имел в виду... Почему кристаллическая решётка кварца...

Горный хрусталь — это ведь кварц, ну да... Ну и что?

Да ладно, это была только одна из бесчисленных его идей... Он был большой прожектёр, этот Глебов...

Скорее, тогда уже вся Вселенная могла оказаться квантовым компьютером... А заодно и Глебовым...

И всё же странно было думать о человеке, который всю жизнь выращивал кристаллы... Глядя на хрустальный череп, вращающийся под потолком кафе...

Линецкий подумал, что не надо бы позволять блестящим предметам себя гипнотизировать...

Отвернулся и стал вглядываться в море...

Он вспомнил об отшельнике, к которому они со Степанычем заходили в горах...

Одна из его — отшельника — историй, рассказанных ночью у костра... Была про инопланетян... Которых отшельник называл не иначе как «блестящими»...

По его словам, это были... Живые... Крошечные стеклянные осколки...

Нет, он употреблял слово «точки»... И говорил, что эти «блестящие точки»... Нашептали ему всякой всячины... И показали фильм — прямо на облаках... В котором было всё, что было — от Большого взрыва до того дня...

И всё это как бы за час или за два... Прямо в воздухе...

Но при этом они очень больно кусались, эти «блестящие»...

Степаныч — когда они отошли от костра к месту своего ночлега, сказал Линецкому:

— Тебе не кажется, что он принял за инопланетян каких-то земных насекомых... Которые, наверно, не давали ему спать... так долго, что он начал грезить наяву, знаешь, как перетирается от бессонницы эта граница между явью и сном... Слушай, а может быть, это были мандавошки?

— Скорее всего, — сказал Линецкий, и они долго смеялись...

А теперь он подумал, что если столько людей верят, что стеклянные черепа могут говорить... То почему бы и стеклянные крошки?..

А может, это и были... стеклянные черепки...

Линецкий прямо-таки увидел эту картинку... Что-то вроде фильма Кроненберга «Муха» — когда она там предстала с крошечной человеческой головой...

«Матрёшки, фракталы... Хрусталь, неисчерпаемый, как атом...» — думал Линецкий, потирая виски...

Кто-то подошёл к нему из-за спины... Он вздрогнул и, обернувшись, увидел девушку...

В темноте он её не узнал и, приняв за официантку, сказал:

— Водка с тоником. Со льдом.

— Конечно, — сказала она, — только у нас самообслуживание.

И села за его столик.

Это была танцовщица, или, может быть, никакая не танцовщица, так же, как и не официантка... Просто участница стаи... Курортных бродяг, в которую входили в основном музыканты...

Линецкий вспомнил её странные па... Вспомнил, как он, глядя на её танец, подумал, что это загулявшая чернильная фигурка из тетради Переверзева...

— Пойдём, — сказала она.

— Куда? — спросил Линецкий.

— К нам, — сказала она, — я давно уже хочу тебя... Без тебя я вынуждена спать с женщинами, хотя я это не люблю...

— Где ты видишь женщин? — сказал Линецкий. — По-моему, вокруг тебя всё время одни мужчины...

— И ты думаешь, что я с ними сплю?

— Откуда мне знать, — сказал Линецкий, — что ты с ними делаешь? Может, водишь хороводы — наяву...

— А вот приходи к нам, и ты всё узнаешь... Хочешь? — она протягивала длинную беломорину...

Линецкий покачал головой и сказал:

— Нет. Я и так...

— Я вижу... Но Гераклит говорил, что путь вверх и путь вниз — один и тот же путь...

— Почему ты решила, что я хочу вниз?

— Мне так показалось.

— Показалось, — повторил за ней Линецкий. — У меня был знакомый, — сказал он, — который лазил по стенам — вверх и вниз... И позавчера мне показалось, что я его вижу сверху, что он стоит там, на пристани, и держит в руках вот этот череп, — Линецкий указал в глубь кафе. — Кстати, ты не знаешь, чей он? Это не вы его таскаете за собой?

— Да нет... Это ты его таскаешь за собой.

— Я тоже так думал... Пока его здесь не увидел... Или ты скажешь, что он там не висит?

— Висит, — сказала она, — Это череп хозяина кафе, ну то есть... Он ему принадлежит, да... А ты подумал, что я — Саломея...

— Ты читаешь мои мысли... А я твои нет... Так что скажи словами... Кому принадлежит кафе? Не тому ли, кому замок в конце набережной?

— Очень даже может быть. А что?

— Да нет, ничего, просто позавчера...

— Погоди... Зачем эта «поза»... А что вчера? Ты помнишь, что было вчера? Я тебя видела в «Малибу»...

— Не помню... Я просто так бродил, там и сям... Было ведь затмение... А ночью перед этим я упал... Всё сразу... Как-то наложилось... Ты здесь живёшь?

— В каком-то смысле... А как твой приятель лазил по стенам?

— Упирался в них руками и ногами... В таком узком аппендиксе коридора на восьмом этаже

НИИ... Это было давно, ещё в СССР.. Впрочем, может быть, он до сих пор так умеет, но уже в другом измерении... Вчера мне показалось, что я вижу его на пристани... Нет, позавчера... Это не поза, нет... Меня на самом деле не тянет во вчерашний день...

— Расскажи мне о нём. О твоём приятеле.

— Что-то старообрядное в нём было... «Нуте-с»... Бородка... Поэтому я удивился, когда подумал, что он выполз из тушика коридора прямо на пристань — из чёрной воды... Из утонувшей страны... Что это его замок.. Он был, по-моему, несмотря на все книги, как бы это сказать... Горизонтальный человек.. Так я думал, глядя сверху на кого-то, кто был похож на него... А потом вспомнил, что Мигулин ведь ползал по стенам... Так что кто его знает... Может быть, наоборот, я остался там в тупике на восьмом этаже... Хочешь, я тебе расскажу сон?

— Хочу.

— Не знаю, должен ли я рассказывать вам свои сны...

— Ну, смотри сам.

— Да нет, это цитата... Начало одного романа, Хавьера Мариаса... Мой сон был довольно банальный... Мне приснилось, что всё это сгорело — замок, пристань и всё, что вокруг...

— И это кафе?

— Наверно. Оно же совсем рядом... Я стоял вон там, на холме, где химера... И смотрел вниз на пожар... Пламя дышало мне прямо в лицо... Я подумал, что вулкан проснулся, но вспомнил, что кратер был не там — миллион лет назад, или два...

— И что было дальше?

— Всё сгорело. Остался только хрустальный череп... Где-то я перед этим читал — в Интернете — такую ссылку, — что его нашли на другой планете,

на фотографиях, которые передал американский зонд...

— Слушай, давай мы его разобьём?

— Зачем?

— Чтоб тебя на нём не циклило.

— Да ладно, это я так... Я же знал... Что не должен рассказывать вам свои сны... Не надо его разбивать, я и так буду хорошо себя вести, я тебе обещаю... Хорошие детки не ковыряют в носу и не прикладывают разность потенциалов к побрякушкам из горного хрусталя...

— А теперь — наяву, потому что перед этим — во сне... Видишь, тебя на нём циклит.

— Всё равно, разбивать не надо... И так всюду чёрные осколки... После вчерашнего затмения... Ты хочешь, чтобы к ним добавились белые...

— Ладно, посмотрим, — сказала она. — Пойдём со мной... Ты умеешь играть на чём-нибудь?

— В каком смысле?

— На музыкальном инструменте.

— На барабане, — сказал Линецкий. — Шучу.

— Зачем же ты так шутишь? У нас как раз Мансур куда-то запропастился — некому играть на бонгах...

«Беги, кролик, беги, — думал Линецкий, когда она на самом деле подвела его к бонгам, — в обратном направлении... Путь вверх и путь вниз — один... Значит, и в ту же самую реку... ещё можно вступить... Имя реки — река...»

Он вспомнил, как в детстве ему принесли живого кролика... И как отец подсунул кролику жестяной барабан, как кролик сразу же стал стучать лапками...

Линецкий совершенно ясно увидел, как белый кролик стучит в барабан...

И вместо того чтобы побежать — как кролик, ударил — в шутку, что ли, — как кролик — в один бонг, в другой... Потом положил на один ладонь и ребром другой — рубанул...

— Ну вот, — удовлетворённо кивнула девушка...

Лицо её вдруг изменилось, она выпятила вперёд нижнюю челюсть и сильно взмахнула рукой...

Линецкий снял свою сетчатую майку... Как с раны марлевую повязку...

Сбросил с ног шлёпанцы...

И стал прыгать...

Ноги его быстро перемещались по полу... Как у боксёра... Веса пера...

А руками он колотил бонги...

Поглядывая вверх — на вращающийся череп...

Линецкий бил в тамтамы, передавая по цепочке... Сообщение... О том, что позавчера сошли на берег... Пришельцы... Способные... наводить... тень на плетень...

— Правда, это необыкновенный концерт? — сказала Лена.

— В том смысле, что музыканты похожи на «образцовских» кукол? — улыбнулся Переверзев.

— Да нет... Разве что тот, который на бонгах...

— Это мой друг.

— Правда?

— Я вас познакомлю. Знаешь, я однажды видел настоящего образцовского музыканта... Ну, прямо «соло на водобачковом инструменте»... Он стоял в переходе метро — негр в сером плаще, надетом на голое тело, — и играл на верёвке, которая была привязана к палке, а палка — ручка от швабры — была поставлена на металлический таз... И он дёргал за эту верёвку и пел о том, как он нас всех любит — всех людей... И все люди бросали ему день-

ги — я ни разу не видел, чтобы столько кому-то бросали... Ни одной монеты не звякнуло о его медный таз, только купюры летели, и я тоже бросил, хотя с деньгами у меня не ахти как... Это было в другой стране... У моего друга сейчас точно такое выражение на лице, как у того негра...

А тем временем девица в чёрном трико и малиновом платочке, повязанном вокруг головы, представляла музыкантов, и они по очереди кланялись и брали аккорд...

«Ваня Жук, — кричала она, — соло-гитара, город Москва, Сеня Шевцов, бас-гитара, город Симферополь...» Когда дошла очередь до Линецкого, она закричала: «Мансур, бонги... Вселенная!»...

Музыкантов заставили играть на бис...

Но милиционер, как по команде вошедший в кафе, потребовал, чтобы музыканты замолчали, потому что время перевалило за полночь...

«А время — это отношение бытия к небытию!» — Линецкий увидел эти слова — как в комиксе — в бульбочке возле милицейской фуражки...

Музыканты продолжали играть... Милиционер, довольно быстро разобравшись в проводах, резко потянул один из них... И наступила тишина...

Но через секунду Линецкий снова загучал в тамтамы — теперь уже соло...

Милиционер думал было подойти к нему... Но почему-то замешкался...

— Так вот о чём твоя диссертация... А я никак не могла понять... Я только вспомнила, что такие фигурки были на стене физкультурного зала в моей школе... Вся стена была в них... Это были комплексы упражнений... И однажды эта стена рухнула — от ветра, повалилась вовнутрь... Ну да, представь... Фигурки, которые были на неё нанесены — кра-

ской, все посыпались... Вот и всё... Смотри, народ уходит... Пошли и мы — гулять! — сказала она и взяла своего друга за руку.

Он сложил общую тетрадь, положил её в кулёк. Они расплатились, перешли с бетонных плит на гальку и пошли вдоль моря в сторону Хамелеона...

Линецкого вела за руку Маша... Он увидел в толпе Переверзева, но подходить не стал... Мало ли кого он теперь видел...

Был даже один верблюд, поэтому Линецкому казалось, что целый караван идёт по тропе между холмов, которые, в свою очередь, были похожи на верблюжьи горбы...

Маша шла босиком и крепко держала Мансура за предплечье...

Сразу за ними шли три полуголых парня с рельефной мускулатурой, озаряемой вспышками пламени...

Дальше белел небольшой отряд интеллигенции...

Больше мы ничего не будем говорить...

В море разбегаются световые круги, природу которых объяснить уже невозможно...

Потому что даже наш человек... Водный и бестелесный... Выйдя на сушу... Идёт, освещая подводным фонариком вьющуюся между холмов тропу...

И это всё, собственно... Шёпот, шипение факелов... Мы идём... Уже светает, но в сером воздухе нам ещё какое-то время видятся тёмные сгустки... Мы не знаем, что это... Летучие мыши... Или вороны сожжённой бумаги... Всё равно при порывах ветра они рассыпаются прямо у нас на глазах...

Кафе — книжный магазин bilingua

Большой книжный магазин с ассортиментом более 10 000 наименований, среди которых и раритетные издания, и новинки российских/европейских издательств.

Концерты, вечера, лекции, литературные презентации, детские воскресные утренники.

100100, Москва, Кривоколенный переулок, дом 10, строение 5.

Книжный магазин: (495) 923 6683

Кафе: (495) 923 9660

Литературно-художественное издание

МИЛЬШТЕЙН Александр Моисеевич

СЕРПАНТИН

Роман

Редактор серии В. Кукушкин
Ответственный редактор О. Старикова
Компьютерная верстка: С. Валишин

Объединенное гуманитарное издательство
103051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 8
Факс: (495) 924-5761; тел.: (495) 744-3170;
e-mail: info@ogi.ru

Книги издательства ОГИ можно приобрести:
Москва,

- м. «Пушкинская», «Театральная», «Кузнецкий Мост»,
ул. Петровка, д. 26, стр. 8, кафе «Улица ОГИ»;
- м. «Чистые пруды», Кривоколенный пер., д. 10, стр. 5,
кафе «Билингва»;
- м. «Чистые пруды», Потаповский пер., д. 8/12, стр. 2,
клуб «Проект О.Г.И.»;
- м. «Площадь Революции»/«Лубянка», ул. Никольская,
д. 19/21, кафе «Пирог»;
- м. «Перово», Зеленый просп., д. 5/12, кафе «Пирог».

За пределами России наши книги можно купить:
www.esterum.com

Подписано в печать 01.04.2008
Формат 70×90 1/32. Объем 7,25 печ. л. Гарнитура Гарамон.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Заказ № 6410

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Говорят, что уготована ему в русской литературе та же роль, какую сыграл в своё время в японской литературе Харуки Мураками...

Penthouse

Мир Милльштейна... одновременно до краёв наполнен удивительными артефактами.

Книжная витрина

ISBN 978-5-94282-485-3

9 785942 824853